

**RANDOM ACCESS
ULTRASOUND MEMORIES**
by **PHILIPPE JEANTY**

*Перевод
под редакцией Инессы Сафоновой*

ЭТУ КНИГУ Филипп прислал мне 1 ноября 2020 года.

Я тут написал кое-что о моем пути в ультразвук, just for fun...

Начав читать страницы, *случайный доступ* к которым был мною неожиданно получен, я оторваться не смогла. И решила перевести их для моих коллег. Егор мне помог с переводом (или я ему). Мы не профессиональные филологи и не переводчики, не судите строго за недочеты. Для тех читателей, кто не связан с медициной, мы разместили в тексте некоторые комментарии.

Эти главы - захватывающий сериал. Необычный и неожиданный, как сюжеты жизни автора.

Не слишком счастливое детство. Студенчество и резидентура. Радиология и начало новой эры медицинской визуализации. Бельгия и Штаты. *Роберто* (Ромеро) и *Рубен* (Кинтеро), и любимица профессора *Ирина* (Тихоненко). И Кипрос - «уже успешный ученый, но еще не бог ультразвука...»

Афганистан и Нэшвилл, Буэнос-Айрес и Монголия. Первые компьютеры, Интернет против издательских корпораций и грандиозный успех TheFetus.net. Истории из полетов, истории из путешествий. Несколько неприличных шуток и три двусмысленные ситуации. Тысячи учеников, лекции и курсы по всему миру. Потрясающая жуткой правдой история беременной женщины, известного врача одной постсоветской страны, прилетевшей на роды в США, ради американского гражданства будущего ребенка, и умершей до родов, по дороге в госпиталь, на заднем сидении автомобиля Филиппа ... Бескорыстная помощь десяткам разных людей. Удивительная для одной судьбы концентрация добра.

Будет смешно, а несколько раз будет очень смешно. Пару раз будет печально, один раз страшно, и все 112 страниц будет очень интересно.

Точнее, 110 страниц. Последние 2 страницы в книге Филиппа остались пустыми навсегда... 25 ноября 2020 г Мастера не стало.

Случайно выбранные файлы ультразвуковых воспоминаний блистательного ученого и великого человека. PJ, которого мы не забудем никогда. .

ИС

Random Access Ultrasound Memories

*Эта электронная книга посвящена всем тем,
кто обучением, наставничеством и дружбой
обогатил мою жизнь.*

*В первую очередь, конечно, это John Hobbins и
Roberto Romero,
а ранее – Georges Primo.*

*Я также посвящаю это моим детям, Thao,
Dominique,
пациентам, коллегам и товарищам, чьи
размышления, критика и вопросы
повлияли на мое мышление и мою личность.*

Всем и каждому: спасибо!

НАЧАЛО

Я родился в Африке. С тех самых пор те, с кем я играл и дружил, говорили, что я «смешно» разговариваю.

Мама хотела девочку, но появился я.
Девочку она родила позже.

Все 12 лет в школе я был нерадивым учеником. Меня с трудом переводили из класса в класс.

Лишь два предмета мне нравились: биология и история искусств. Их вели учителя, которым было всё равно, сколько чего мы выучили. Они, в первую очередь, пробуждали в учениках интерес к предмету. Годы спустя я уже мог препарировать мидию. И через много лет ещё горел желанием написать лекцию о скелетных дисплазиях в искусстве.

Школьные годы были ужасными. Одноклассники постоянно смеялись надо мной и моей изношенной одеждой (штаны были слишком короткими, я быстро вырастал из них). Дырки на коленях у меня были за 40 лет до того, как войти в моду.

Мои родители были разведены. Я жил с патологически бедным отцом. Он повесил замок на холодильник, чтоб я не брал еду. Собственные дети не интересовали моего отца. Его заботили лишь какие-то непонятные медицинские бумаги, которые занимали всё его время и годами покрывали весь обеденный стол.

Моя сестра жила с мамой, мы встречались за ужином несколько раз в неделю. Это было огромной проблемой. Нам приходилось не только запоминать, когда и в какой именно дом идти, но также заранее планировать, какие книги брать с собой для учёбы на следующий день. Мой мозг не был готов к этому.

Если понедельник оказывался выходным по какой-либо причине, я всегда все путал: садился не на тот автобус и приезжал не к тому дому. Без копейки денег я не мог пересечь на другой автобус, чтоб добраться до нужного дома, и шел пешком.

Развод моих родителей был тяжёлым. Пятьдесят лет спустя, находясь в разных домах для престарелых, они все еще продолжали проклинать друг друга. Так что жизнь между двумя домами была похожа на прогулку по минному полю. Если мама покупала мне штаны, следующие тридцать дней отец критиковал покупку. Если отец менял подошву на моей обуви, мама постоянно повторяла, что цвет подошвы не подходит, подошва не соответствует размеру, и что было бы лучше в принципе купить новые туфли.

Я научился полностью игнорировать все эти комментарии. Позже, когда я стал сам покупать себе одежду, я решил, что буду покупать самую дешёвую, в супермаркете. Избегая рубашек с крокодилами, игроками поло и разными логотипами.

В старших классах я полюбил симфонию «Новый Свет» *Anton Dvorak*. Это была моя единственная пластинка. Собственного проигрывателя у меня не было, я зависел от отца, он иногда соглашался крутить её на своем проигрывателе, с ламповым усилителем. Мне же было запрещено самому даже переворачивать пластинку. Тем не менее, я с удовольствием слушал её непрерывно часами.

Также, как делаю это сейчас, когда пишу эти воспоминания.

Dvorak ещё появится позже в этих "заметках".

Однажды (на самом деле, вероятно, более, чем один раз), качая ногами под столом во время бесконечно долгого ужина со взрослыми, я стукнул по ноге сидевшую передо мной даму. Преступление вылилось в бесконечные замечания мамы в духе «держи ноги под стулом».

И теперь, спустя лет этак пятьдесят пять или шестьдесят, мне приходится напоминать себе, что необходимо вытягивать ноги. Чтобы не пережимались подколенные артерии и не мерзли ступни

Позже я отказался носить костюм и галстук. Люди научились узнавать меня издалека по «белой рубашке с крестиком» (подтяжки). Однажды Mikki Tortosa искал лекторов для какого-то курса. Он пришел на мою презентацию и подумал: «О нет! Он ужасно одевается». Он походил вокруг, а затем вернулся ко мне. И пригласил меня на свой курс читать лекции. Во время ужина после курса Mikki был честен со мной и рассказал эту историю. Ввод: не судите о человеке лишь по тому, как он одевается.

Был еще забавный случай: я пришел покупать кольцо для Thao, а продавец в магазине проигнорировал меня. Я выглядел так, будто собирался покупать дешёвую бижутерию. На помощь пришла привлекательная молодая ассистентка. Купленное мной кольцо оказалось дорогим, и ассистентка получила комиссию. После этой истории кольцо стало еще более ценным для меня.

Моя сестра была на два года младше меня. Хорошенькая, умная, организованная и отличница. После получения выписки с оценками меня спрашивали: «Почему ты не берешь пример с Клэр?». Это не помогало моей самооценке, однако, стало для меня уроком: я научился никогда не сравнивать своих детей. И рубил на корню подобные попытки бабушек и дедушек.

Claire... Чудесный ребенок, трагически покончивший жизнь самоубийством в медицинской школе.

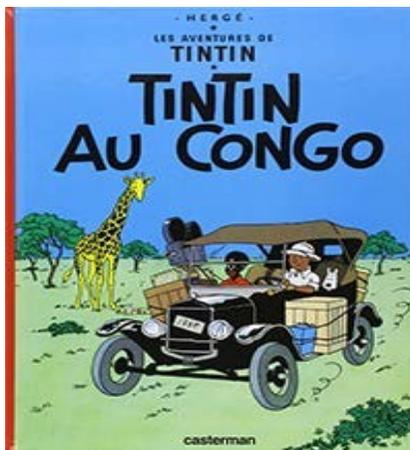
Это событие стало причиной, по которой я едва не пошел в психиатрию. Мне пришлось сталкиваться с людьми, пытавшимися покончить с собой, в отделении неотложной помощи, на студенческой практике. Медицинский персонал не любил таких пациентов, для них требовались особые «подходы». Пребывание в течение шести часов в замкнутом пространстве, в специальной комнате с мягкой обивкой, для сбора анамнеза у больного шизофренией, изменило мои интересы. Тем не менее, я всегда невероятно сочувствовал женщинам в кризисных ситуациях. К сожалению, пренатальные диагнозы нередко становились причиной кризисов.

Я не любил латынь и дурацкие войны Цезаря, не любил изучать голландский и не мог бегать с другими детьми (возможно, то были ранние проявления гипертрофической кардиомиопатии).

Как всякого нерадивого ученика, учителя поддевали меня: «*Philippe*, единственная работа, которую ты сможешь делать - собирать слоновьи фекалии в цирке».

Мне нравилось читать. Но наша домашняя библиотека была крошечной. В школе то, что мы читали, было под контролем. В основном, там ориентировались на «эссе» давно умерших известных французских писателей. Первой книгой, которую я самостоятельно выбрал для чтения, была мультипликация *Tintin in Congo*, в настоящее время запрещенная, как откровенно расистская.

Мои родители, прожившие два года в Congo, относились к африканцам довольно скверно. Однажды, много лет спустя, когда моя мама уже жила в США, медсестра афро-американка пришла измерять ей давление. Мама сказала громко, перед всеми: «Сможет ли черный человек такое сделать?». Мне было невероятно стыдно. Её самый первый комментарий при встрече с Thao был таким: «Что ж, посмотрим, какое у нее образование».

Oogie был яркой личностью, с головой и ловкими руками. Еще у него была машина (первая Celica), редкость для студентов медиков. Позже, по возвращении в США, после получения диплома за границей, его поначалу игнорировали как специалиста. Но профессиональные навыки Oogie одержали верх. Он сделал блестящую карьеру в Chicago, получил множество наград и ведущие позиции в Federation of Societies of the Hand

УЧЁБА В MEDICAL SCHOOL

В последнем классе школы, перед поступлением в университет, мои товарищи довольно неплохо понимали, чем бы хотели заняться. Я выбрал медицину, поскольку не умел так красиво говорить, чтобы стать юристом или чем-то торговать. Я не был достаточно умен, чтобы поступать в *Engineering school* (*технический университет – прим. переводчика*)

Поскольку родители были врачами, этот путь казался единственным. Хотя ни мама, ни отец не считали, что мне следует поступать в университет: учился-то я плохо. Мама, например, хотела бы отправить меня в профессиональное училище, учиться изготавливать для пациентов лицевые протезы или искусственные зубы.

Учеба в *medical school* в то время была практически бесплатной: 2 доллара. Причина заключалась в том, что правительству было необходимо увеличить количество врачей. Чтобы их стало слишком много, и им пришлось бы соглашаться на низкую зарплату. Многие американские студенты воспользовались этой выгодой. Один из них, «*Oogie*» Nagle, стал моим хорошим другом.

Вступительных экзаменов не было. Спустя шесть месяцев, в середине первого года обучения, проводили экзамен, отсеивавший около трети студентов. Но вступительных не было. Кроме того, это был последний год, когда изучение латыни было обязательным требованием для поступления в медицинский. Я уговорил родителей попробовать эти первые 6 месяцев.

В школе я ненавидел домашние задания: «Сегодня стр. 47-65 и т.д.». В университете все было по-другому. Никаких заданий! Учишься ты или нет, профессорам всё равно. Я получал огромное удовольствие от свободы в университете и от знакомств с разными людьми.

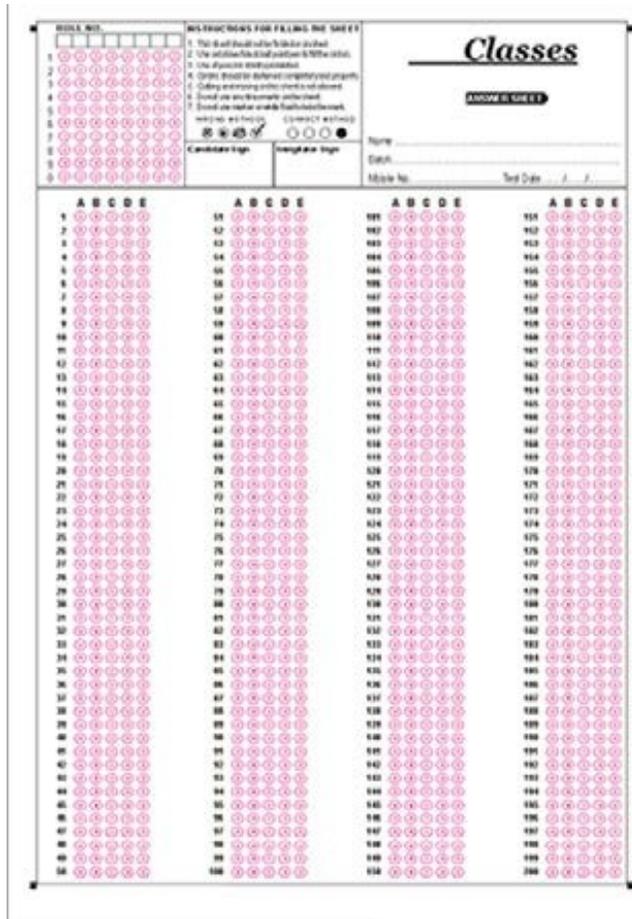
На нашем большом потоке из 1300 студентов лишь 300 закончили *medical school* (*речь идет об учебе в Бельгии – прим. переводчика*)

У нас была группа студентов из Южного Вьетнама. Они обычно держались вместе, старались понять объяснения на французском. Среди них была красивая девушка. Я был слишком застенчив, ни при каких обстоятельствах не смог бы сказать даже слова. Но с парнями я быстро сблизился. Видя их проблемы с пониманием, я предложил пройти с ними каждый предмет, заново все объясняя. Это волонтерство было довольно смелым шагом, поскольку у меня в общем-то не было квалификации для репетиторства. Но студенты предложение оценили. Это дало мне возможность чаще видеть ту красавицу, имени которой я даже не знал.

Эти студенты были из образованных семей, умны, задавали сложные вопросы. Предыдущие группы вьетнамцев, учившихся курсом ранее, передали им кучу тестовых вопросов. Так что наши занятия были полезными для всех, включая меня. В итоге, сдав тест, я оказался на 10м месте из 1300 студентов.

Мне понадобилось время, чтобы найти свой результат. Пока я искал его по списку снизу вверх, один из однокурсников увидел мое имя в самом верху и поздравил меня. Я был удивлен полученной оценкой. Мой отец ещё больше не поверил и даже позвонил в университет, чтобы сообщить, что его неуспевающий сын не может добиться такого результата.

Кстати, тогда бланки тестов с несколькими вариантами ответов только появлялись, и не исключено, что некоторый сбой поднял меня на это место. Помните карандаши 2B? Графитные стержни еще применялись для отражения света сенсора или для проведения тока между электродами. Так вот в моих грязных руках карандаши 2B оставляли много пятен!

Ужасные бланки тестов! Просто поставить галочку в нужной строке было для меня проблемой

Успех стимулирует намного лучше, чем наказание. Оставшуюся часть года я отлично справлялся.

Однако, следующие несколько лет были не так хороши. Группа вьетнамских студентов лучше знала язык и больше не нуждалась во мне. Изучать прикрепления мышц к костям было совсем не интересно. Хотя экзамен уменьшил общее число студентов, я вернулся в группу с низкими показателями, где и находился до последнего года обучения.

Было много примечательных ситуаций во время учебы: позитивных или наоборот, травмирующих.

На одной из первых моих больничных ротаций в палате был старик, умиравший от остеосаркомы бедра. Я не мог, по сути, помочь ему, но несколько недель ухаживал за ним, просматривал карту, рентген. Я жил тогда совсем рядом с больницей, на чердаке, у хозяина - водителя грузовика, и приходил по вечерам позаботиться немного о «своем пациенте». Я поил его водой из ложки, держал за руку, вытирал лоб, поправлял подушки. Старик был прикован к постели, любое движение ноги вызывало сильную боль, несмотря на наркотики. К сожалению, меня не было рядом в его последний день. Десять лет спустя, на какой-то больничной конференции, я встретил одного из сотрудников того отделения. «Вы помните мистера *SoAndSo?*» «Конечно, пациент с остеосаркомой». Я не удержался от слез при воспоминании о нем. «В свой последний день старик сказал: этот молодой доктор, с длинными волосами, будет хорошим врачом!».

Я был хиппи с волосами до плеч. Но старик увидел во мне кое-что, помимо неопрятного внешнего вида. Его доброта стала для меня уроком.

Патологическая анатомия не вызывала моего энтузиазма.

Однажды в приёмное отделение поступила красивая загорелая 18-летняя блондинка. В отпуске, на отдыхе, она упала на доску для виндсерфинга, чувствовала дискомфорт в груди. Мама привела ее на обследование. «Что-то её живот выглядит большим», - сказала она. Понятно, что именно беспокоило матерей в те дни, когда ещё не существовало контрацепции. Ее история болезни не была примечательной, и я не посчитал нужным задать ей гинекологические вопросы (не говоря о проведении осмотра!)

Девушка умерла через неделю, мне довелось присутствовать на вскрытии. Её загорелое тело, грубо рассеченное в прозектуре, на стальном столе, хлынувшая из разреза брюшной полости жидкость, картина причёсывания шелковистых волос ради разреза для удаления мозга - всё это врезалось в мое сознание жестоким образом. Незадолго до этого моя родная сестра повесилась. Смерть молодых женщин не вписывалась в мой порядок мира.

Несчастливая пациентка умерла от диссеминированного перитонеального канцероматоза яичников, и каждый раз, когда во время учебы произносились какие-либо из этих слов, они, несомненно, повышали мою бдительность.

У моего друга была история.

Друг встречался с медсестрой. После секса однажды он положил голову ей на грудь и услышал необычный звук. Он прослушал её стетоскопом и привел для обследования к кардиологу. У нее обнаружился прежде не диагностированный дефект межпредсердной перегородки.

Я был очень стеснительным с девушками.

Но однажды фотография послужила поводом для необычной связи.

Одна из моих однокурсниц встречалась с солдатом, он служил в Кибуце, во время войны Судного дня. Однокурсница хотела бы точно знать, что, что ее жених думает о ней, а не о других девушках. В то время фотосессии в стиле НЮ были незаконными, власти могли даже конфисковать фотографии. Она знала, что у меня была собственная плёнка, чёрно-белая, и попросила меня сфотографировать ее. Мне было интересно, но неловко. Я не прикасался к ней, просто давал словесные указания. Она была довольна результатом, получилось много фотографий, одна стала метровым плакатом. По сути, это был «секстинг», опередивший время на 40 лет.

Девушка рассказала об этом нескольким подругам, те тоже пожелали «увековечить» таким образом свои формы. Что ж, «увековечивание» может быть отличным словом, потому что было непросто полностью очистить фиксирующий раствор, и на некоторых изображениях спустя годы появились пятна. Тем не менее, на вечере 20-летнего юбилея окончания университета, она хранила один из крошечных снимков в бумажнике.

Опыт, полученный в первые годы становления в качестве врача, сыграл решающую роль в формировании моих взглядов на медицину. Несмотря на все эти белые халаты и фантастические технологии, медицина слишком часто казалась мне бессильной.

ПРОФЕССОР *GEORGES PRIMO*

Студентов-медиков распределяли по разным больницам и службам. Я выбирал себе ротацию одним из последних, выбора почти не оставалось. Пришлось пойти в хирургию к наставнику, имевшему репутацию жёсткого и неразговорчивого хирурга: ментору профессору *Primo*.

Georges Primo был невероятным человеком. Его семья иммигрировала из Италии в Бельгию после Второй мировой в поисках работы (на угольных шахтах). Маленький *Georges* решил, что учеба будет неплохим выходом, стал успешным студентом, затем врачом в 1949и, а в 1961-62 гг начал изучать кардиохиргию в Медицинском *Baylor College*, с профессорами *DeBakey* и *Cooley*.

Многие достижения доктора *DeBakey* были включены в разработку «Мобильного армейского хирургического госпиталя» во время Второй мировой войны (аббревиатура *MASH* даже дала название фильму). Он принимал участие в разработке «роликового» насоса при искусственном кровообращении, а также Национальной медицинской библиотеки, был пионером коронарного шунтирования, эндартерэктомии, лечения аневризмы и трансплантации. Доктор *Cooley* был учеником *Blalock* и одним из первых провел трансплантации и замены сердечных клапанов.

Доктор *Primo* принимал участие в исследованиях гипотермии путем перфузии холодного физиологического раствора в коронарные сосуды для быстрого охлаждения сердца. Предыдущая методика, разработанная *Norman Shumway*, заключалась в охлаждении сердца орошением полости перикарда холодным физраствором. По иронии судьбы, это было опубликовано в журнале «Хирургия в гинекологии и акушерстве» (1959). Капризы академической медицины!

Глубокое переохлаждение защищает сердце и позволяет пролонгировать операции на открытом сердце. *Primo* был пионером трансплантации сердца в 1973м. 43-летний итальянский шахтер стал донором сердца: чёрные легкие (пневмокониоз – прим. переводчика) убили его. Несмотря на виртуозную хирургическую технику, в те дни проблема отторжения органов и тканей ещё не была решена. Как благоразумный хирург, он приостановит программу трансплантации до тех пор, пока проблемы отторжения и инфекционных осложнений (высокие дозы кортикостероидов!) не будут решены. Это произойдет позже с внедрением циклоспорина - еще одной новаторской разработки *Shumway*, которого обучал *Barnard*, южноафриканский

хирург, выполнивший первую пересадку сердца в 1967 году.

Потрясающие хирургические разработки вызвали новые потрясения, теперь этические. В США на законодательном уровне имелись проблемы моральности и легитимности технологии пересадки сердца от человека с мёртвым мозгом. Вот почему первая трансплантация произошла в Южной Африке. Альтернативой трансплантации было имплантируемое сердце (*Jarvik*), по факту, скорее временная мера.

Время для кардиохирургии было захватывающее.

Primo был не просто превосходным клиницистом. Он опубликовал 170 статей. Был номинирован на Нобелевскую премию, но, к сожалению, не получил ее.

Доктор *Primo* действительно был крайне немногословен, потому что каждое его слово было для меня ценным. Он мог потратить 8-10 часов на работу, не сказав при этом десяти слов. Протягивал руку и ждал, когда ему в ладонь положат необходимый инструмент или нить. В редких случаях, если операционная медсестра допускала ошибку, он подпирал подбородок и смотрел через свою биноклярную лупу разочарованным щенячьим взглядом. Лишь в исключительных случаях он говорил, какой именно инструмент ожидал.

Помню прием и осмотр одного пациента, много месяцев стоявшего в очереди на коронарное шунтирование. Профессор *Primo* дышал особенным образом: делал глубокие вдохи, двигая крыльями носа. В тот раз *Primo* вошел в комнату, вдохнул запах табачного дыма, слегка поклонился пациенту, сказал: «Было приятно познакомиться». И ушел.

Я был так же озадачен, как и пациент, и вышел спросить медсестру, что случилось. Она сказала, что профессор не стал бы тратить время на пациента, который курит. Больного отправили домой. Тяжелый урок того, что следовать врачебным рекомендациям все-таки необходимо!

Когда я только начинал ротацию в отделении доктора *Primo*, я боялся сделать ЧТО-НИБУДЬ неправильно. Я плохо слышал, аускультация сердца была моей пыткой. Купил специальный стетоскоп - с микрофоном с усилителем. К сожалению, это не сильно помогало. Еще у меня ужасное чувство ритма, мне было трудно распознать раздвоенные звуки, галоп и мурлыканье. Я купил кучу кассет с записанными звуками и слушал их до бесконечности, но все еще был очень посредственным специалистом в кардиологической аускультации. С другой стороны, мне нравилась ЭКГ, у меня весьма неплохо получалось их читать. В то время (середина 1970-х) аппараты ЭКГ начали давать предполагаемые диагнозы.

Ну и почерк у меня был ужасным, и, конечно же, медицинские записи тогда вносились в старые бумажные карты. Прежде чем сделать запись в карте профессорского пациента, я писал черновик.

Помню, в первый раз мне разрешили находиться в операционной с доктором *Primo*. Медсестра строго приказала: ничего не трогать, ни на что не наступать, ничего не говорить, не входить и не выходить из комнаты! Подготовили пациента, расположили хирургические простыни (тогда были еще синие хлопчатобумажные простыни, новые, пластиковые и бумажные, лишь начинали появляться). В операционной реально не было места студенту. Медсестры постоянно передвигались; большие лотки для инструментов издавали много шума, и я ощущал себя мышью в кошачьем логове.

Наконец пришел доктор. В темноте операционной грудь и лицо пациента ярко отражали хирургический свет. Луч света придавал очкам профессора легкий блеск.

Сейчас-то мы уже привыкли к такому виду изображений, это весьма популярный способ показать сложную и драматичную суть хирургии. Но для меня это был первый мощный образ.

Primo взглянул на меня на миллисекунду, вероятно, прикидывая, насколько я опасен для пациента! Когда все шло хорошо, и не было стрессовых обстоятельств, *Primo* напевал - тихо, ничего не было слышно, если не находиться очень близко к нему. Начали стернотомию, большой циркулярной пилой. Шум пилы и запах опаленной кости сделали свое дело: я моментально потерял сознание. К счастью, медсестра не позволила мне упасть на что-то важное.

Очевидно, для них это дело было привычное: мне дали несколько кубиков сахара, стакан воды и предупреждение не возвращаться! Я просидел остаток операции, абсолютно униженный, не понимая, как извиниться. Написать записку? Что-то сказать? Ни то, ни другое не казалось подходящим, поэтому я попросил медсестру передать доктору *Primo*, что мне очень стыдно за происшествие. Но он совсем не злился и в следующий раз вел себя совершенно обычно. Гораздо позже я узнал, что один врач однажды потерял сознание и упал на операционное поле, что привело к полной замене операционных простыней и инструментов. Понятное дело, я с тех пор старался как можно внимательнее заполнять карты пациентов.

Мне нравилась хирургия, я старался проводить в больнице больше времени.

Обычно утром мы ходили на занятия, а в больницу - днём. Я не слишком часто ходил на занятия (посещаемость не проверялась!) и решил проводить все время в кардиохирургии. Преимущество - отсутствие конкуренции с полчищами студентов-медиков за обследование пациентов, больше времени наблюдения за операциями. Я спросил медсестру, в какое время д-р *Primo* приходит в больницу. В 4 утра по будням и в 5 утра в выходные! А уходит около 11 вечера, если больше нет работы. Через несколько лет он прославился тем, что провел три трансплантации сердца за один день. В какой-то мере помогало то, что профессор был женат на главном анестезиологе.

Я находился в хирургии все время, при любой возможности. Взял специальную ротацию, ночной медсестрой кардиологического отделения.

Мы с медсестрами подружились. Они научили меня многому: как тонкостям медицины, так и тонкостям самого *Primo*. Медсестрам интенсивной терапии не требовалось и 10 секунд, чтобы понять, вводить ли дофамин, β -блокаторы, адреналин, добутамин или что-то другое. Увеличение или уменьшение количества капель в минуту (в те дни не у всех была помпа, капли приходилось считать с интервалом в 15 секунд, рассчитывая на литр в час). Решения, как поступать в чрезвычайных ситуациях, казалось, были имплементированы в их нервной системе.

Когда пошли слухи, что *Franco* госпитализирован в Испании для массивных переливаний, они быстро предсказали, что все закончится диссеминированным внутрисосудистым свертыванием крови. В ту ночь я был с ними на связи, и мы отметили смерть диктатора стаканом яблочного сока.

Мне скоро разрешили самому менять повязки в отделении интенсивной терапии, доверили АД и показатели жизненно важных функций. Это было отличное обучение выполнению указания и осторожности при заполнении медицинских карт.

На дежурства в кардиохирургию студентов распределяли, как правило, всего на неделю. С небольшими хитростями мне удалось остаться на 5-6 месяцев. Было несложно убедить другого студента-медика «пожертвовать» мне дежурства. Постепенно мне удалось перестать падать в обморок. Дошло до того, что они разрешали мне подходить ближе, чтобы лучше видеть.

По очевидным причинам, размер операционного поля делают обычно как можно меньше. Из-за инструментов вокруг ученику трудно заглянуть внутрь пациента. Стульчик позволял видеть лучше, но был не надежным местом для того, чтобы стоять на нём постоянно.

Когда я, наконец, смог подойти к пациенту, реальная анатомия оказалась намного сложнее того, что мы изучаем в книгах. Было трудно ориентироваться. Для меня все ткани выглядели одинаково, это несколько отличалось от чётких цветов в учебниках *Netter*, где нервы желтые, коронарные артерии ярко-красные, а вены - темно-синие. Я боялся задать какой-нибудь тупой вопрос.

С тех пор я посещал столько операций, сколько мог. Иногда помогал, лоя инструменты в их обратном полете на столик для инструментов. Удалял бракованные иглы, когда нить была слишком короткой... Не делал чего-то потрясающе важного, но старался, как минимум, не доставлять окружающим неудобств.

Одним из способов повысить авторитет в глазах доктора *Primo* было завязывание узлов кровоостанавливающими зажимами. Когда вы уже могли продемонстрировать длинную серию идеальных узлов «петля вверху, петля внизу» и делали это быстро, вы получали возможность участвовать в шве на коже пациента.

Настал «День», когда я заслужил возможность наложить шов. Меня трясло, но я старался этого не показывать. Я зашивал множество ран на коже черепа в отделении неотложной помощи - обычно так тренируются студенты. Но это был «сердечный» пациент доктора *Primo*! Первый шов лёг нормально, и мне разрешили доделать остальное. Я серьезно подготовился, изучив расстояние между швами и то, насколько глубоко шов должен входить в кожу и выходить по обе стороны от раны. У меня было время, чтобы изучить технику, пока я чистил повязки в отделении интенсивной терапии. Я тренировался дома на полотенце (контрабандными иглами, мешочек которых был «открыт», но не использовался в операционной: медсестра бережно хранила его для меня!) Конечно, точки вколов и выколов выглядели не так, как на полотенце ... но приемлемо. Когда я закончил, доктор *Primo* кивнул и подмигнул. Я был счастлив. Этот пациент стал «моим пациентом», и я тщательно за ним присматривал.

Однажды, когда я накладывал кожный шов, *Primo* по-настоящему прокомментировал мои действия. Я держал ножницы, чтобы обрезать нить, и он сказал мне: «*Philippe*, ты держишь ножницы, как флорист!» (то есть большим и указательным пальцами в петле, а не большим пальцем и безымянным, фиксируя указательным). Я был удручен тем, что совершил ошибку, но был одновременно счастлив тем, что он решил, что меня стоит поправлять. Это выражение осталось в моей памяти. Когда я учил детей, я учил их держать ножницы, как «хирурги», а не как «флористы».

Еще один запомнившийся эпизод произошел поздно ночью, когда *Primo* собирался домой. Его вызвали к новорожденному с тетрадой Фалло, ребенок нуждался в бандажировании легочной артерии. Профессор подошел ко мне и спросил, буду ли я ассистировать, или ему вызывать настоящую медсестру. Конечно, я ухватился за этот шанс. Пока мы перевязывали, он искоса посмотрел на меня и сказал: «*Philippe*, ты толстый как свинья». Это был его способ выражения привязанности, и я был безумно рад. Все прошло хорошо. Я поднялся ещё на одну ступеньку.

Во время коронарного шунтирования я помогал рассекать соединительные ткани, окружающие подкожную вену (открыв челюсти ножниц). Тоже большая честь для студента-медика. Во время шунтирования он разрешил мне наложить ОДИН шов на вену, для меня - большая ответственность. В этот раз я был гораздо менее уверен в себе, чем когда делал швы на коже. Иглодержатели *Hegar* были длиннее, и доступ ими был затруднен, поскольку работа шла глубже в пациенте.

Время, проведенное в кардиохирургии, было для меня важным. Я нашёл наставника, у которого можно было учиться этике работы, тщательному уходу за пациентом, навыкам мгновенной диагностики и скорости – в тех ситуациях, когда это необходимо.

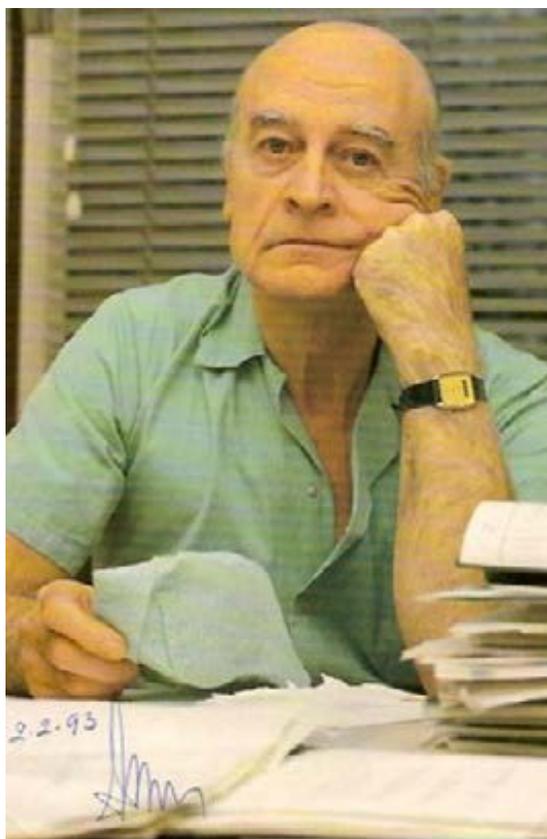
Он никогда не отказывался от пациента: однажды молодой человек был доставлен в отделение неотложной помощи, а *Primo* находился там для консультации другого пациента. Прикатили парня с тяжелой сердечной недостаточностью, с пропадающим пульсом. Профессор потянулся за ксилокаином и лезвием №11, пролил бетадин из бутылки, надел перчатку и сделал быстрый субкисфидный разрез, чтобы убрать тампонаду, о которой у всех остальных не было и догадки. Произошло кровоизлияние из коронарной артерии в полость перикарда. Он оценил ситуацию и начал действовать менее чем за минуту. Затем пациента отвезли в операционную, но фактически он спас жизнь этим важным действием.

В другой раз он аналогичным образом проделал внутригрудной массаж сердца абсолютно невосприимчивому пациенту, который не реагировал на дефибриллятор.

Рассказы о подвигах доктора *Primo* стали легендами и учебным материалом для студентов! Как можно было не хотеть узнать причины тампонады у молодого пациента после такого драматичного спасения?

Спокойный хирург, который тщательно обдумывал проблемы, но мог действовать немедленно и решительно. Ему не нравилось попусту болтать, но на хорошие вопросы он терпеливо отвечал.

У Primo был пронзительный взгляд, который парализовал меня: фальсификации с метаболитами пациента были невозможны, вы либо их знали наизусть, либо должны были признаться, что забыли. Не просто утверждать, что диурез в норме: укажите количество кубиков. У меня в кармане была шпаргалка с данными всех его пациентов, что заставило его улыбнуться, когда он это понял.

*Превосходный врач и защитник интересов пациентов.
Наставник для поколений врачей.*

Все эти месяцы кардиохирургии оправдали себя, когда я сдавал экзамены. Тогда экзамены были устными.

Нам дали пациента, не сказав диагноз, только назвали симптомы. Сдавая экзамен, мы просматривали лабораторные анализы, затем обсуждали все это с руководителем отделения. Во время хирургического экзамена заведующий кафедрой пристально смотрел на меня, поскольку я к тому времени был всем хорошо знаком (подсказка: моя мама также была хирургом этого отделения). Зная, что я интересуюсь радиологией, он показал мне пленки и попросил описать. У больного был очень тонкий верхушечный пневмоторакс, но под тяжелыми повязками был едва заметен пузырек подкожной эмфиземы. Я назвал это осложнением неудачного размещения центральной вены. Ответ был верным. Остальная часть экзамена прошла легко.

*Профессора Van Geertruyden
(кафедра хирургии)
и Potvlieghe (кафедра радиологии)*

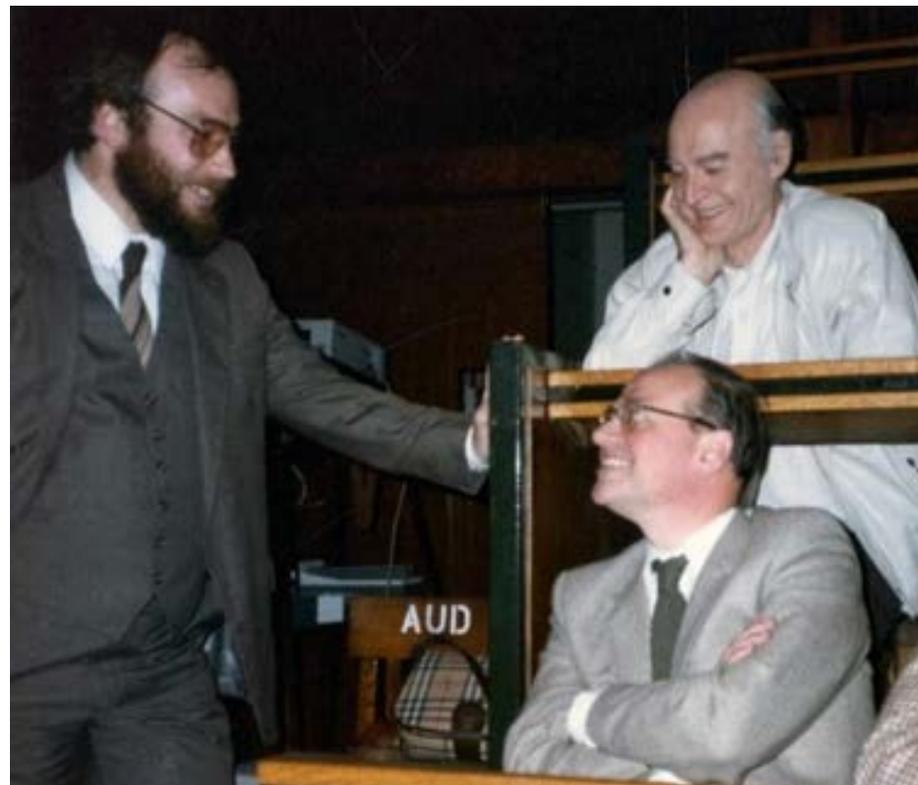

Эти месяцы помогли сдать и экзамен по внутренним болезням. Мне невероятно повезло с кардиологическим пациентом, простой осмотр показал, что у него кардиостимулятор. Я прочитал ЭКГ: нестабильная чередующаяся блокада левой и правой ножек пучка Гиса. Помощник экзаменатора, начинавший экзамен, не согласился и показал мне отчет ЭКГ. Я настаивал, он отвел меня к заведующему, немного обидевшись, что студент был не согласен с ним. Заведующий выслушал мои объяснения, довольно долго смотрел ЭКГ (когда ты студент в такой ситуации, каждая секунда кажется вечностью!). Он посмотрел на меня и сказал: «Ты прав». Я снова начал дышать! Он спросил, что еще я мог сказать о пациенте, и я назвал модель кардиостимулятора (я видел много раз, как его устанавливали, в отделении интенсивной терапии мы всегда внимательно смотрели, чтобы убедиться, что электроды установлены в правильных местах). Я даже рассказал ему, сколько времени пройдет до замены батареи. Он улыбнулся мне и сказал: «Я зря трачу свое и ваше время, удачи вам».

У доктора *Primo* в операционной был небольшой кассетный плеер, он любил слушать классическую музыку. Звук был ужасным, пленки постоянно рвались. В качестве прощального подарка я изготовил для него фанерный шкаф с полками, для большого катушечного магнитофона *Revox* и записал сотни часов классической музыки (в основном спокойной, конечно, я не хотел, чтобы громкие симфонии отвлекали его). Я даже напечатал список всех произведений с номерами, в папке с тремя кольцами. Это было немалым подвигом во времена пишущих машинок, при моих-то навыках машинописи! Я собрал деньги на многочисленных дежурствах и даже попросил немного у поставщиков хирургических инструментов. Установив все это ночью, я не мог дождаться момента, когда увижу его лицо на следующее утро!! Но он... даже не взглянул! Только в конце дня он мне позвонил поинтересоваться, что это, и как оно работает. По его блестящим глазам я понял, что он счастлив. Я был вне себя от радости. Его помощники, доктора *Leclerc* и *Deuvaert*, также очень уважаемые мною, рассказывали, пока я ещё учился в университете, как ему понравился мой подарок, и как он слушал музыку.

Когда мы с *Dominique* защитили свои PhD и поженились, он пришел и на наши защиты, и на свадьбу. С его стороны это был величайший дар: его время.

Так почему же я не стал кардиохирургом? Что ж, я не был уверен, что смогу соответствовать идеалу, который видел в профессоре *Primo*. Как долго я смогу работать, как мог он, в его режиме (а он долго работал после пенсионного возраста)? Стану ли я когда-нибудь компетентным, каким был он? Насколько хорош я буду, как клиницист?

Профессор Primo (вверху справа) и профессор Потвлиге (внизу справа) на защите докторской диссертации.

Кроме того, я был сыном хирурга. Если бы я добился успеха, это было бы «из-за матери», а если бы не стал успешным – было бы иное: «Как у него могло не получиться?».

Любой из вариантов был так себе.

И главное: меня очень сильно привлекала радиология...

ПРОФЕССОР *POTVLIEGE* И РАДИОЛОГИЯ

Студентом я не очень-то любил ходить на занятия. Предпочитал учиться по книгам и ходить в библиотеку. Тем не менее, по разным причинам, иногда занятия посещал.

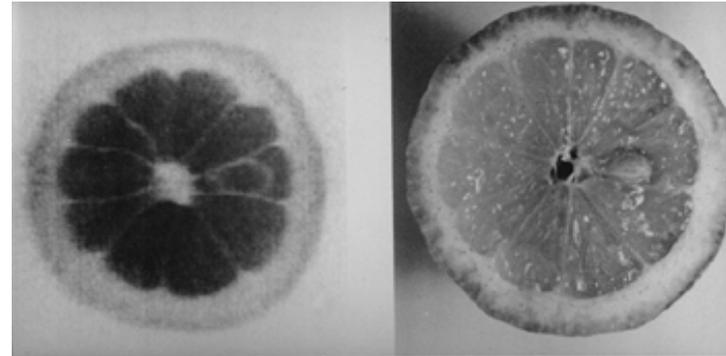
Однажды я пришел в аудиторию, где лектор показывал рентген грудной клетки. «Пациентка - женщина», - указал он на металлическую застежку бюстгалтера. Я никогда не видел рентгенограммы и ничего не знал о бюстгалтерных технологиях.

Затем профессор *Potvliege* указал на неправильный контур ребер и расстояние между ними с левой стороны (которое, как ни странно, находилось справа от экрана, и мне потребовалось много времени, чтобы адаптироваться!) «Это последствия кардиохирургической операции под названием *Fontan*». Он показал, что левая граница сердца не похожа на границу сердца другого человека: часть сердца *Fallot*.

Затем он указал на апикальные поля, их некоторое утолщение и неравномерность. «Это рубцевание туберкулеза». Небольшая часть запястья пациентки была видна на снимке грудной клетки (это была худощавая женщина), и был заметен старый перелом запястья со следами перенесенного в прошлом рахита. Он потратил 45 минут на описание состояния женщины, исходя из простого листа пластика (в те дни рентгенологи применяли диапроектор).

Это была увлекательная и в какой-то степени детективная работа! Я пошел прямо в медицинский книжный магазин, купил книгу по радиологии и был очарован фотографиями. Я сам любил делать черно-белые фотографии, и это, видимо, как-то «отзывалось» во мне. Я изменил направление обучения, чтобы больше заниматься рентгенологией. В то время (не прошло и 10 лет после студенческих беспорядков 1968 года) студенты получили большую свободу в составлении расписания (что явно не нравилось профессорам!)

Это было интересное время в истории медицинской визуализации. Ультразвук переходил от бистабильного сканирования к оттенкам серого. Понемногу появлялись аппараты с изображением в реальном времени. Первым был *Siemens Vidoson* (три кристалла, лихорадочно вращавшиеся в небольшой водяной бане). Компания *Siemens* расценила эту технологию сканирования как передовую и впоследствии расширила лабораторию исследований и разработок в области ультразвука. *Hounsfield* изобрел первый компьютерный томограф, некоторые аппараты начали поступать в продажу. Это все была ядерная медицина, которая меня никогда не привлекала: она была слишком «размазанной» с точки зрения для любителя фотографии, в которой именно резкость является ключевым моментом!

На горизонте появилось совершенно новое явление: зевматография («наложенные друг на друга изображения»), переименования в ядерный магнитный резонанс. В то время холодная война была очень холодной, пациенты боялись термина «ядерный», и в конечном итоге был принят термин «магнитно-резонансная томография». Я помню, как *Potvliege* с воодушевлением показывал картинку с разрезом лимона, и, что удивительно, это изображение до сих пор есть в Интернете!

Зевматографии требовалось 20 минут для получения изображения, которое любой повар мог бы продемонстрировать с помощью 2-секундного среза острым ножом. Это может показаться не таким уж захватывающим, но многим визионерам оно представлялось именно таким.

В то время КТ применялась лишь для сканирования головы, но эта технология была гораздо круче по сравнению с УЗИ головы, которое представляло собой поиск сдвига средней линии в А-режиме.

По сути, это было действительно потрясающее время для радиологии, причем задолго до того, как мы могли предвидеть революцию, которую десятилетие спустя принесет цифровая визуализация.

Меня заинтересовали все крутые вещи, которые происходили в радиологии. Потребовалось много времени, чтобы визуализировать всю анатомию в «плоской» проекции. «Слева от пациента - справа на снимке» также требовало некоторой адаптации. Предстояло много узнать о *kVp* и *mA*.

Глядя на пневмоэнцефалографию (изобретенную *Dandy*, известным по *Dandy-Walker*) (аномалия головного мозга, названная по описавшим ее авторам - прим. переводчика) или рентгеновские снимки забрюшинной инсuffляции, вы были бы совершенно озадачены. Последний метод использовался для диагностики синдрома *Stein-Leventhal* - теперь поликистозных яичников - еще одного заболевания, диагностика которого существенно изменилась с появлением УЗИ. Позже мне потребовалось немало времени, чтобы разобратся в срезах КТ. В конце концов, я выбрал ультразвук. В то время это был сканер на шарнире, но при аккуратных манипуляциях можно было получить изображение. Я задерживался на

ночь и с «относительного» разрешения сканировал простые вещи (губку или яблоко на водяной бане). Губки не годились, так как были полны пузырьрей. Это разочаровывало. Перед началом любого сканирования нужно было обнулить положение кристалла, иначе машина строила изображение за пределами поля монитора (в то время - оранжевого осциллографа). Итак, первым шагом было научиться включать аппарат и «обнулять» его, не путая кнопки, иначе врач на следующий день мог бы быстро отменить мое «относительное разрешение». Тем не менее, все это было весело: я делал свои собственные изображения. Конечно, никаких напечатанных снимков не было в помине, то было время вонючих *Polaroids*, которые требовали чистки и «ремонта», и были очень дорогими!

Я проводил так много времени в отделении, что однажды поздно вечером доктор *Potvliege*, который был работягой, позвал меня и сказал: «Пойдем, покажу тебе кое-что». Мы поднялись на крышу больницы, он указал на темное пятно вдалеке. «Знаешь, что там?» Я не знал. «Кладбище. А знаешь, кто там?» Я предположил, что какие-то важные люди, о которых мне следовало знать... Мое лицо выражало незнание. «Люди, которые думали, что делают незаменимую работу». Это был его способ мягко сказать мне, чтобы я не только много работал, но и радовался жизни. Какой неожиданный и трогательный урок от человека, который всю жизнь много работал.

Когда я увидел, как ультразвук используется у беременных пациенток, это был момент "вау"!

Беременным женщинам наконец-то удалось увидеть ребенка, и они явно хотели понять что-нибудь на изображении! Все было статично и очень зернисто, в лучшем случае всего несколько кривых. Но, по крайней мере, они могли видеть биение сердца плода в М-режиме!! Это были ошеломляющие моменты. По их глазам было ясно, что беременность перестала быть чередой утренних недомоганий и превратилась в нечто конкретное. Замечательной была и реакция мужей. Для мужчин это стало реальным доказательством наличия малыша. В те далекие времена непрофессионалы плохо понимали принципы роста плода. Большинство считало, что это было что-то типа «комочка кашицы, который постепенно организовывался». Так что видеть руки или ноги - было довольно удивительно.

Потому, когда пришло время выбирать ординатуру, я выбрал радиологию.

Выбор ординатуры зависел от оценок за последний год обучения. Я был довольно посредственным студентом за время учебы в университете, если не считать первого курса. Но мой предыдущий год был важным, я много учился. Моя подруга и будущая жена *Dominique* была

добросовестной студенткой, посещала все лекции и вела подробные конспекты. Я же просто взял расписание курса и изучил по учебникам все темы (что значительно улучшило навыки чтения на английском). Я делал объемные записи, которыми делился с *Dominique*. Это дало нам обширную базу знаний.

Кроме всего прочего, я воспользовался рекламным предложением от *New England Journal of Medicine*: они давали большую скидку студентам-медикам. Я читал *NEJM* от корки до корки (даже рекламу), сражаясь с терминологией и статистикой!! Хотя я и пропускал многие занятия, но учился по 8 часов, затем спал по 4, и все снова повторялось. Это давало мне максимально возможный и продуктивный режим учебы каждый день.

Выше я описал выпускные экзамены по хирургии и внутренней медицине. Было еще три экзамена: акушерство, педиатрия и онкология. Онкология не особо запомнилась... но с двумя другими связаны забавные ситуации

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРВАЯ СТАТЬЯ

На последнем курсе *medical school* нам разрешили сдавать выпускной экзамен в любое время года. Просто записываетесь на экзамен и приходите.

Мы с *Dominique* решили распределить экзамены равномерно в течение года, чтобы сосредоточиться на каждом из них. Мы ранее уже проводили «исследования» в лабораториях *medical school*. Я не был любителем фундаментальных научных исследований. Тем не менее, опыт был бесценным в плане обучения работе с литературой.

Мой проект был посвящен «проводящим путям кальциевых каналов в мембранах поджелудочной железы эмбриона крысы»!! Эксперимент подразумевал убийство группы крыс на определенных этапах их беременности. Поскольку у нас не было эфира для воздействия на мембраны, убийство крыс осуществлялась путём обезглавливания. Довольно ужасное зрелище. Нужно было рассекать под микроскопом эмбрионы размером с небольшую фасоль, находить поджелудочную железу (пятно) и выделять ее. При препарировании под микроскопом мой пинцет дрожал. Забор поджелудочной железы длился с 3 утра до примерно 10-11 вечера. После можно было заморозить весь препарат и потерять 40% активности либо продолжать, проведя в лаборатории остаток ночи. Конечно, некому было задавать простые вопросы: «где находится тот или иной химикат или прибор», или «как правильно настроить центрифугу». Разрушение центрифуги размером с морозильную камеру было бы очевидной ошибкой, которая могла положить конец карьере. Как и неправильная установка счетчика радиоактивности – крайне нежелательное, хотя и не настолько впечатляющее событие.

Dominique аналогичным образом работала над некой малопонятной фундаментальной наукой в конкурирующей лаборатории

Мой научный консультант (слева) и препаратор. У меня был даже значок радиоактивного контроля, которым я очень гордился!

Когда в сентябре мы пришли на экзамен по акушерству и гинекологии, мы поняли, что случайно выбрали день вместе с теми, кто не прошел июньскую сессию и пересдавал повторно.

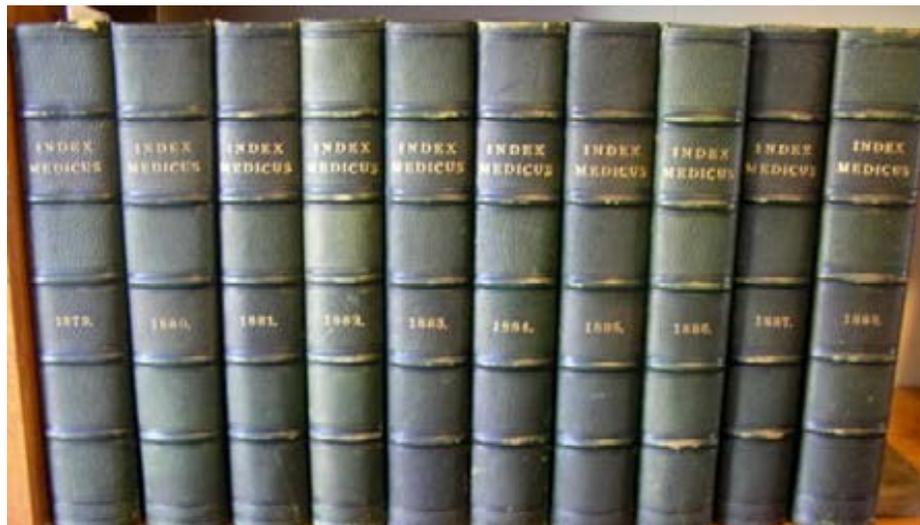
Ассистент задал несколько вопросов, затем перевел меня к председателю комиссии. Меня спросили, какой прогестерон можно дать пациентке в первом триместре с угрозой выкидыша. УЗИ первого триместра в то время не существовало. Я сказал экзаменатору, что в своей лекции (*Dominique* законспектировала это!) он сам рекомендовал вариант №3, но вообще это может оказать негативное влияние на плод, умеренно повышая риск тетрады Фалло. Он сказал: «Нет! Неправильно, откуда вы это взяли?». Я сказал, что из статьи в *NEJM*. Он спросил номер выпуска и попросил помощника принести статью. На несколько минут все притихли. Я открыл журнал и показал ему ссылку на таблицу в статье. Он искоса посмотрел на меня и сказал: «Сэр, ваш экзамен окончен». Я был напуган и не имел понятия, хорошие это новости или плохие. Позже я узнал, что получил максимальный балл!

Следующей сдавала *Dominique*. Ее спросили, как устроен простагландин F. Она рассказала, что на бумаге структура выглядит пятиугольником с двумя хвостами, но в трехмерном пространстве хвосты обернуты вокруг пятиугольника. Он тут же остановил ее и спросил: «Ты занималась с этим парнем?» "Да". «Мадам, ваш экзамен окончен». *Dominique* была так же взволнована, что было заметно, но экзаменатор ее успокоил: «Отличная оценка!».

В тот день остальные студенты, сдававшие со второй попытки, с треском провалились, о чем я узнал много лет спустя, когда один из них подошёл к нам на вечеринке и рассказал, как все были недовольны нашими успехами в тот день.

С экзаменом по педиатрии также связана забавная история. В педиатрической ротации меня направили в инфекционное отделение. Старая история: имея плохие оценки, я не мог сам выбрать интересные места, такие как метаболическая палата, подростковая медицина и т.д. В моей подгруппе детей не было ничего особенного: обычная краснуха, ветрянка и насморк. Был, правда, один ребенок, имевший странный вид. Я был студентом и понятия не имел, как выглядят нормальные новорожденные, не говоря о детях с аномалиями. Сначала необходимо было узнать, как называется то, что я увидел: это был опистотонус. Книга «Распознаваемые паттерны пороков развития человека» *Smith* была недавно опубликована (1971), я внимательно ее изучил, подбирая патологии, связанные с опистотонусом. Сегодня: откройте *Google*, введите «опистотонус», через 0,44 секунды у вас будет «около 200 000» ссылок.

В 1975 году был немного другой механизм: нужно было пойти в библиотеку, получить объемный *Index Medicus* за последний год, найти ключевое слово, скопировать все заметки на странице с ключевым словом. Затем найти каждый том и каждую страницу и просмотреть названия.

Годовой многотомный выпуск Index Medicus. Тома выглядели обманчиво тонкими, так как были напечатаны на «библейской бумаге» - тонкой и непрозрачной, с высоким содержанием хлопка для защиты от износа. Когда я был ребенком, тряпичники таскали по улицам специальные тележки и кричали, чтобы люди выбрасывали им ненужные тряпки из окон.

Если заголовок подходит, вы записываете его, а также номер страницы журнала. Повторяете это для каждого тома *Medicus* за последние 10 лет и для ежемесячных выпусков текущего года. Затем переходите в карточный каталог, чтобы найти журналы. Поскольку большинство находится не в основной библиотеке, их придется поискать в других больницах страны (Бельгия невелика, но все же). В рамках студенческого бюджета не могло быть речи о запросе на ксерокопии. Единственный вариант - сесть на велосипед и отправиться в периферийную больницу, надеясь, что необходимое находится там, а затем скопировать всё вручную (включая актуальные ссылки). Отсутствие ссылки или номера страницы означало повторную поездку на велосипеде.

Карточный каталог Yale спустя много лет после того, как библиотека была оцифрована!!

В Yale я потерял дар речи, впервые посетив библиотеку редких книг *Beinecke*. При этом я лишь посетил здание! В книги я не заглядывал: не был к этому готов.

Помню такую историю. Якобы, финансировавший библиотеку благотворитель, заработал свои деньги на сети магазинов, которые возвращали покупателей, предлагая «марки». Марки, наклеенные в буклет, впоследствии можно было менять на товары. Такая система была распространена в магазинах, когда я был ребенком. Внешний вид библиотеки должен был напоминать марочный буклет. Часть этой истории (изначально предполагалось, что цвет окон должен быть зеленым, чтобы точнее соответствовать маркам) может быть мифом ([the color of the windows was supposed to be green originally to more faithfully match the stamps](#))

Другой вероятный миф заключался в том, что в случае пожара у вас было буквально несколько секунд, чтобы выбраться, прежде чем все здание будет затоплено изнутри для тушения огня.

За улучшение процесса поиска информации я так уважаю *Google*! За то, что мне дает *Google*, я готов отдавать ему свои персональные данные. Черт возьми, я даже отдам им свою полную ДНК и отпечатки пальцев!

Библиотека редких книг Beinecke университета Yale

«Окна» - это мраморные панели, которые обеспечивают мягкий свет внутри.

Внутренняя стеклянная башня с книгами

Составление простой публикации с описанием случая стало реальным приключением. Я изучил множество состояний с опистотонусом и пришел к выводу, что клиническая картина у ребенка более всего соответствовала диагнозу синдрома *Smith-Lemli-Optiz*. Заведующий отделением инфекционных болезней посмеялся над этим предположением и сразу отверг диагноз. Что было делать?

Я был довольно настойчив и выяснил, что *Lemli*, оказывается, был бельгийским врачом, он учился в США, когда был описан синдром. Он, видимо, был важным человеком, раз его имя стояло рядом со *Smith*, написавшим целую книгу! Честно говоря, это выглядело устрашающе! Я решил связаться с ним.

Проблема заключалась в том, что *Lemli* находился в части страны (*Бельгии – прим. переводчика*), где говорят по-голландски. Добираться туда было далековато (на 58 км или 36 миль дальше, чем я добирался до работы!) Разумеется, у меня тогда не было собственного стационарного телефона. Делать звонок из больницы мне не хотелось. Я спросил разрешения воспользоваться телефоном моего домовладельца-дальнобойщика. Хозяин квартиры помог мне и подготовил несколько фраз, сам я голландский знал слабо (эвфемизм!) И так, я позвонил. Как оказалось, *Lemli* свободно говорил по-французски. Фламандцы все же люди образованные, вопреки мнению моих родителей. Удивительно, но он сам предложил приехать и осмотреть ребенка. Даже сам оплатил свой билет на поезд! Я был благодарен, но, в то же время, немного обеспокоен тем, что мог потревожить серьезного доктора из-за неправильного студенческого диагноза. Я не раскрыл того, что консультация не была согласована с лечащим врачом. Я, признаюсь, даже не упомянул, что был всего-навсего студентом-медиком. Уж лучше попросить прощения, чем получить отказ, не оставив вариантов.

Lemli приехал и очаровал меня. Он посещал франкоговорящий университет, будучи врачом, говорившим по-голландски – это было редкостью в середине 70х. *Lemli* подтвердил диагноз, побеседовал с заведующим отделением. Позже меня вызвали в кабинет заведующего, рассказать всю историю. У заведующего было недоверие на лице, но потом он усмехнулся моей безрассудности. Я получил похвалу в духе «Молодец, паренёк!» Меня распирало от гордости, словно «горошину в теплой воде»!!

Заведующий отделения предложил помочь «опубликовать статью». Да, конечно. Я сказал, что справлюсь самостоятельно. Так и состоялась моя первая публикация в *Pubmed* (*P Jeanty, D Delbeke, L Lemli, H Dorchy: синдром Smith-Lemli-Optiz без задержки развития Acta Paediatr Belg. - июль-сентябрь 1977; 30 (3): 175-8.*).

SMITH-LEMLI-OPTIZ. SYNDROME WITHOUT FAILURE TO THRIVE

Ph. JEANTY*, D. DELBEKE*, L. LEMLI** and H. DORCHY*

Departments of Paediatrics, University of Brussels* and Algemeen Ziekenhuis O.L.V. Troost, Dendermonde**

Abstract

A new case of Smith-Lemli-Optiz syndrome is described. It seems to be the first without failure to thrive and important mental retardation. From a review of the literature, it is possible to select the 16 most frequent abnormalities that define the phenotypical spectrum of the Smith-Lemli-Optiz syndrome. (*Acta Paediatr Belg* 30: 173-178, 1977)

In 1964, Smith, Lemli and Optiz described a syndrome of multiple congenital abnormalities characterized by microcephaly, mental retardation, failure to thrive, unusual facies, and abnormalities of the external male genitalia and of the extremities (24).

To date, more than 60 patients with Smith-Lemli-Optiz (SLO) syndrome have been reported (1-24). We wish to report on a new case which shows no failure to thrive nor important psychomotor retardation in the first half year of life. From a review of the literature it seems possible to select the 16 most frequent abnormalities which allow for the clinical diagnosis of this syndrome.

Case report

J.M.G. is the first boy of unrelated parents both aged 31. His 2 older sisters are physically and mentally healthy. Among the siblings of the mother, one died of measles when he was 7 months old; 3 others were treated for tuberculosis. Neither parents had been exposed to unusual amounts of radiation and both were healthy at the time of conception. No drugs were taken during pregnancy. Foetal move-

ments were not felt before 6 1/2 months and were considered as feeble and few. Term delivery occurred at home in vertex presentation and the child cried spontaneously. Birth weight was 2480 g.

Respiratory distress required a ten day incubator course. At the age of 3 weeks, the infant developed a bronchopneumonia. When 3 months old, he was referred to our hospital for chickenpox, gastroenteritis and bronchitis.

Physical examination

The length is 60 cm (P50), weight 3200 g (P25) and head circumference 41 cm (P50).

FIG. 1. — Patient with Smith-Lemli-Optiz syndrome at the age of 3 months. Opisthotonus is clearly shown. Tubercle angiomata on the abdomen. The dark spot on the skin are healed chickenpox lesions.

General condition is unaffected.

Various abnormalities are noted (fig. 1 and 2):

— Head: microcephaly and asymmetry of the skull, low set ears, the left being turned backward, residual branchial groove on the left, saddle nose, broad nasal bridge, antverted nostrils, small palpebral fissures, high arched palate, broad alveolar ridges, micrognathia.

Заведующий пригласил нас провести торжественную презентацию кейса- довольно необычное предложение для медицинского студента. Я оттачивал слайды. Поскольку я занимался фотографией, у меня была высококонтрастная пленка *Kodak*, под названием *Kodalith*, с ней получались слайды с сепией. Я повторял и повторял свой доклад до тех пор, пока не смог выдать его без ошибок и без «это... ммм...» и т.д.

Два года спустя, когда мы сдавали последний экзамен, заведующий узнал меня и задал самый сложный педиатрический вопрос: «Что следует давать детям: грудное молоко или сухое молоко?» Он улыбнулся, позволил даже посоветоваться минуту, и отпустил меня. В целом мы с *Dominique* сдали экзамены очень хорошо (3я и 4я позиции из 385). Поэтому, когда пришло время выбирать место ординатуры, в тот раз мы выбирали одними из первых.

ОТКАЗ ПО УБЕЖДЕНИЮ

Я отказался от военной службы в бельгийской армии по убеждениям совести. Мне предстояло пройти другую службу, вместо военной, в три раза более продолжительную - либо в развивающейся стране, либо в некоммерческой организации.

После выпуска, перед ординатурой, у нас были самые длинные каникулы. Надо было исследовать место, где предстояло отбывать альтернативную службу.

Развивающиеся страны, которые могли позволить заниматься радиологией без необходимости проявления рентгеновских пленок в химических ваннах в темных комнатах, должны были быть достаточно богатыми и иметь рентгеновские процессоры. Это могли быть либо Саудовская Аравия, либо Венесуэла. После нефтяного эмбарго 1973 года (помните мою однокурсницу, которая была фотомоделью для ее парня во время войны Судного дня?) Саудовская Аравия не выглядела привлекательной, там набирали толпы европейских врачей, которых ночами помещали в «лагеря для иностранцев», а днем они работали в больницах.

Во время ординатуры я был частью команды, которая проектировала ультразвуковое отделение для больницы короля *Faisal*. 35 лет спустя я вновь побывал там, когда проводил семинар. Несмотря на «*Lawrence of Arabia*» (популярный эпический кинофильм об арабских кочевниках – прим. переводчика), страна мне не понравилась.

Другой вариант – Венесуэла. Очень богатая и красивая. Испанский, один из Латинских языков, казался более привлекательным. *Dominique*, ее брат и я поехали на пару месяцев попутешествовать, чтобы прочувствовать жизнь в стране и найти работу. У нас было слишком мало денег, мы питались хлебом с помидорами все два месяца. Спали в гамаках на обочинах улиц или в парках. Получили невероятный опыт, объехав страну на автобусе (иногда сидели по соседству с курами или козами, следовавшими на местные рынки).

Намного позже, встретив *Roberto*, я знал Венесуэлу гораздо лучше, чем он.

Мы спустились на каноэ по реке *Orinoco* и остановились в местной рыбацкой деревне, построенной на сваях.

Они обменивали сушеную рыбу и мясо тапира на товары метисов.

Вверху: великолепные ткачихи. Мы купили гамак, связанный этой женщиной.

Слева: Доминик пытается свастись от комаров

Нам посоветовали привозить с собой металлические ножи, они высоко ценились местными. Аборигены никогда не видели белых людей (только метисов). Волосы на моей груди бесконечно очаровывали детей и взрослых. Они огорчались, что *Dominique* «до сих пор» не забеременела и дали нам крошечный гамак, чтобы носить ребенка на груди - проверенный способ повышения фертильности женщины.

Мы с трудом могли объяснить, откуда приехали, поскольку они в общем-то не имели представления о мире, расположенном за пределами семидневного плавания на каноэ вверх по реке. О существовании цифр они также не знали, потому было бессмысленно рассказывать, что до нашей страны, примерно ... более 90 дней на каноэ. Они видели больших птиц, которые «летают очень высоко и сияют», но не верили, что можно взлететь еще выше тех птиц и выжить.

У одной женщины поднялась температура, мы дали ей аспирин. Ошибка! Они все хотели аспирин и ели его, словно конфеты. Конечно, им было интересно узнать, каковы на вкус западные лекарства!

Маленький мальчик смог вырезать игрушечное деревянное каноэ, из бальзы, с двигателем сзади. Он был сообразительным и верно подметил, что именно двигатель отличал каноэ от их пироги. Отличал лодку, выдолбленную из длинного ствола, от нашей маленькой, но быстрой лодки, которая могла далеко плыть (правда, при наличии бензина!!)

Распространенное заблуждение - думать, что аборигены менее развиты, чем жители Запада. Они были превосходными ткачами, производили бесконечное количество корзин, гамаков и инструментов из волокон, которые добывали из пальмовых листьев.

А вот комары были свирепыми. Несмотря на жару, нам приходилось спать, не снимая одежды.

Мы совершали сумасшедшие поступки. Автостопом добрались до острова *Los Roques*. Посетили частный аэроклуб в Каракасе. Богатая и явно скучающая молодая женщина взяла нас к себе на частный борт, ей понравилось общаться со странными персонажами.

Los Roques - уникальный архипелаг в Карибском бассейне. Он в то время еще не был освоен. Я получил ожог второй степени по всей спине от подводного плавания.

Мы воспользовались военно-транспортным самолетом, чтобы посетить индейцев *Yabarana* в джунглях Амазонки. У них были интересные хижины. Индейцы жили рыбалкой и охотой. А еще выращивали корни юкки, измельчали их до мезги, выжимали токсичный сок в плетеную корзину. Один конец ловушки подвешивали к треноге и забрасывали камнями - мудрый способ выжать большое количество мякоти. Полученную кашу сушили на солнце. Мы ели каймана, это было интересно.

В итоге, я не остался на время прохождения альтернативной службы в Венесуэле. Там от нас требовался сертификат *ECFMG* (старый формат американских экзаменов для иностранных выпускников медицинских вузов). Это было слишком!

Барбекю, Caiman

*Юкка, которая, как я понимаю, здесь
обычное садовое растение*

Как оказалось, университет является некоммерческой организацией. Так что я мог работать там во время резидентуры. Конечно, в тот период мне не платили. Чтобы заработать деньги, я работал в провинциальной больнице, далеко-далеко. Приезжал туда в 3 часа ночи, чтобы обследовать пациентов. Они всегда спрашивали, почему УЗИ желчного пузыря нужно делать так чертовски рано? Ответ заключался в том, что у меня оставалось всего полтора часа на обратную дорогу, чтобы успеть вернуться в университет.

Раз в неделю я работал на армию США, сканировал в *SHAPE* (Верховный штаб вооруженных сил в Европе), где командовал *Alexander Haig*, известный как *Nixon*. Если вам кажется удивительным, что человек, отказавшийся по убеждениям от бельгийской военной службы, может при этом работать на армию США, помните, что освобождение Европы еще было свежо в памяти европейцев!

В *SHAPE* ко мне был на каждом шагу приставлен солдат, чтоб я случайно не заблудился или не обнаружил секретные коды ядерного оружия. Солдаты оказались очень вежливыми ребятами, что несколько развеяло моё предубеждение, вызванное общественными протестами и реакциями на войну во Вьетнаме.

У входа в больницу стоял большой ящик с песком, с надписью: «*Discharge your guns here!*» («Разряди оружие здесь» или «Стрелять здесь» – прим. переводчика). Довольно забавная вещь для меня! Также для меня там имелась была уникальная возможность поговорить по-английски. Находясь поблизости, я обычно слушал их радиостанцию.

РЕЗИДЕНТУРА

1968й был годом социальных протестов. В США и Европе было много противников войны во Вьетнаме. В Европе движения и беспорядки, были, в основном, студенческими. Активизировались и рабочие антивоенные протесты (подавленные Пражской весной!)

Одним из результатов протестов стала организация в Брюссельском университете новой университетской клиники в «американском стиле». Это была многопрофильная больница, все специальности в одном месте – а не так, как было принято раньше: кардиологическая больница здесь, онкологическая больница там и акушерско-гинекологическая больница где-то еще (остатки изоляционных мер с времен, когда туберкулез был самой главной опасностью).

В итоге появилась новая больница на 850 коек. Я одним из первых начинал там работать. Вначале в больнице открыли всего 27 коек, и персонал едва справлялся с наплывом пациентов и открытием новых этажей. Нас было пятеро: три резидента-радиолога и еще двое – штатные сотрудники отделения. Один из них – всемирно известный радиолог-гастроэнтеролог *Engelholm*. О его мастерстве проведения клизм с двойным контрастированием барием ходили легенды. Другой был специалистом по ангиографии.

Одного из ординаторов заинтересовала бариевая клизма, другого – общая радиология. А я спросил у всех, могу ли заниматься УЗИ. В то время ядерная медицина и ультразвук были скорее «второстепенными» по отношению к радиологии,

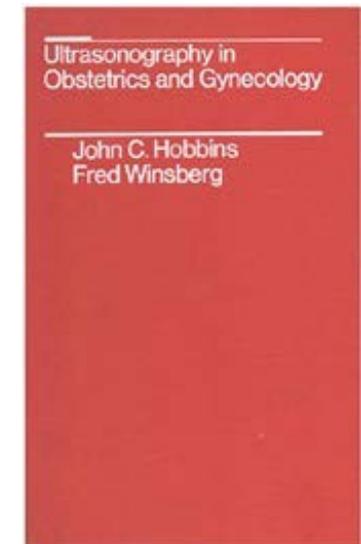
и «настоящие» радиологи не особо интересовались этой новой нечеткой визуализацией. Я легко получил их согласие.

Интересно, что два преподавателя акушерства-гинекологии интересовались онкологией и бесплодием (это было задолго до того, как появилась возможность видеть фолликулы). Они оба согласились, чтобы я всем проводил ультразвук. Трансвагинального датчика я в глаза не видел до тех пор, пока его прототип не был доставлен *John Hobbins* в *Yale* в 1982 году.

Наш самый первый аппарат был *Variant V3000* – машина, которая долго загружалась и имела довольно жалкое разрешение. По иронии судьбы, позже у нас появился шарнирный сканер *Rohe* (позже приобретенный *Phillips*).

Аппараты были неудобными, и спустя несколько недель я был единственным, кто мог ими пользоваться и получать какие-то изображения. Кроме того, у нас не было литературы. «Журнал клинического ультразвука» и небольшая глава в учебнике радиологии – это все, что я имел. Еще у меня была оранжевая книга *Hobbins and Winsberg*.

Библия семидесятых

Я учился, совершая множество ошибок. Мои дружелюбные коллеги быстро замечали эти ошибки.

Когда меня попросили провести презентацию на локальной конференции, моим единственным реальным опытом к тому времени был опыт ошибок, поэтому моя первая презентация так и называлась: «Ловушки и артефакты».

После года самостоятельных попыток сканирования я поехал на несколько недель в UCSF, поскольку был восхищен статьями Roy Filly и Peter Callum. Я провел с ними совсем немного времени, затем попал в периферийный госпиталь вместе с Faye Laing и Gretchen Gooding. Они так терпеливо отнеслись и к моему английскому, и к моим знаниям, что стали моими «ультразвуковыми родителями». Я их очень полюбил

Faye Laing в SRU

В UCSF была хорошая организация. У них сохранялись видеозаписи всех конференций, и я мог часами смотреть лекции Fred Samples (к сожалению, недавно покончил с собой), George Leopold (будущий редактора журнала «Ультразвук в медицине»), Roy, Peter и многих других. Эти две недели оказались максимально полезными. Повторение в перерывах между лекциями помогало улавливать суть вопроса, если с первого раза что-то было непонятно. Правда, лекции были без субтитров, а я тогда еще не привык к английскому. Проблема была и в том, что там использовали «чёрно-белые» дисплеи для изображений, тогда как в будущем стандартными стали дисплеи «бело-черные».

Позже моя дочь стала резидентом UCSF

Это был мой первый визит в США, страну, о которой я всегда мечтал. Меня интересовала музыка: Bob Dylan, Peter Paul и Mary, Woody Guthrie, Pete Seeger, другие исполнители фолка. И удивляло то, что не все сотрудники были такими же фанатами, как я.

20-30 лет спустя я наконец смог увидеть на концерте Arlo Guthrie, Pete Seeger and Bob Dylan

Прежде я ничего не знал о путешествиях. Это была моя первая заграничная поездка. Сумма денег, взятых с собой, была крайне недостаточной. К счастью, общежитие UCSF обходилось всего несколько долларов в день. Именно по этой причине, годы спустя, я оплачивал своим друзьям проживание и питание в США, поскольку понимал, как дорого обходится поездка сюда. Ходил я как можно больше пешком, сэкономил на автобусе. Выяснилось, что самая дешевая еда была в небольшом китайском ресторане: много риса за 0,75 долларов. Все сэкономленные деньги я потратил на книги по экологии и солнечным системам.

Хотя нет, я крупно потратился дважды.

Однажды, в центре San Francisco, я присел в баре выпить пива (и съесть арахиса, сколько влезет). Приятный джентльмен спросил меня, можно ли сесть рядом. Я как раз хотел познакомиться с местными жителями. Мы разговорились. Я был утомлен, много гуляя пешком в тот день, и новый знакомый любезно предложил отвезти меня в UCSF. И только когда он спросил, может ли войти в комнату со мной, я наконец понял, что мне сделал предложение гей!

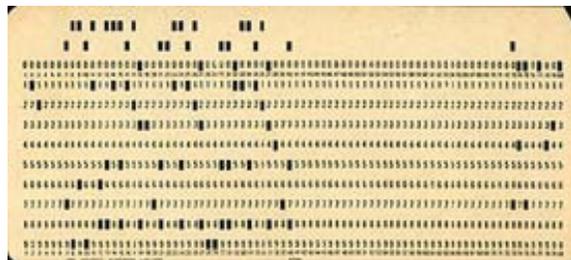
По дороге в больницу я шел мимо пиццерии. После десяти дней питания одним рисом, запах пиццы манил невероятно. Несколько дней я с тоской изучал меню в витрине, потом, наконец, сдался и заказал «имперскую» пиццу за 14 долларов! Официантка принесла мне пиццу, она оказалась огромной. Я сказал, что это не мой заказ, и указал на меню. Она сказала: «Это именно то, что вы заказали!». Ого, я никогда не видел пиццы такого размера. Поскольку теперь она была моя, я наслаждался первой ее четвертью. Съесть вторую четверть было намного сложнее, после нее я уже не мог двигаться.

Я с болью смотрел на оставшуюся половину пиццы и не мог смириться с ее потерей. Официантка и предложила: «Хотите взять *doggy bag*?» «Сколько стоит *doggy bag*?» Я понятия не имел, что такое «*doggy bag*», но не хотел признаваться! Она принесла пустую коробку из-под пиццы, и я с широкой улыбкой унес половину пиццы с собой. Несомненно, она вечером рассказала своей семье историю о тупом, который не знал ни о размере пиццы, ни о *doggy bags*.

По возвращении в Бельгию, я твердо решил попытаться опубликоваться в американских журналах. Мы получили *Toshiba SAL 10A*, линейный массив на 64 кристалла. Процесс сканирования стал происходить быстрее. Я провел измерения, собрал данные и связался с отделом статистики. Мне приставили хорошего парня по имени *Cantraine*.

Первым делом нужно было получить доступ к компьютеру. Молодым читателям покажется странным, но в те дни у компьютеров не было ни экранов, ни клавиатур, ни, конечно, мыши! Данные вводили с помощью перфокарт. Их пробивали – перфорировали – маленьким дыроколом, похожим на те, что используют проводники поездов. Это требовало некоторой сноровки, и поначалу я испортил немало перфокарт.

Прежний мой опыт работы с компьютерами заключался в «программировании» простых инструкций в компьютерной лаборатории. Порты соединялись с помощью «банановых» разъемов (типа проводов для стереооборудования). Я купил самый первый доступный компьютер *TRS-80* (микропроцессор *Tandy / RadioShack Zilog 80*) в 1977м. Первый компьютер Apple вышел в 1976м. У моего *TRS80* было целых 4 кБ (да, кБ, а не мБ!) и капризный кассетный плеер для хранения и загрузки программ. Дискет пока не существовало. Это была отличная машина для старта, но она не делала толком ничего полезного. Математические расчеты с бумагой-карандашом и линейкой-ползунком проводились быстрее. Вам самим приходилось программировать на *BASIC* все, что вы хотели бы, чтобы делал ваш *TRS*.

Против часовой стрелки слева: карта данных на 80 столбцов, ползунковая линейка (для тех, кто вырос позже), дырокол и *TRS80* (какая прелесть!)

Перфокарты требовали сортировки тонкими иглами, для наведения порядка. Затем приходилось вводить команды, какие процессы выполнять компьютеру: «следующие карты», «карта данных», «загрузить данные в память», «найти диапазон, экстремальные значения» и т.д. В программном обеспечении был *SPSS* (статистический пакет для социальных наук), который был выпущен за несколько лет до того, и до сих пор – спустя миллион выпусков – остается стандартным программным обеспечением.

Моя карьера начинающего ученого практически закончилась, когда я, спустившись по лестнице Статистического управления, рассыпал по нескольким этажам содержимое всех коробок с аккуратно сложенными карточками. Перспектива вернуть на место каждую карту была очень сомнительной.

Компьютер представлял собой новый *PDP11*, он размещался в охлаждаемой камере. Нет, это было не то, к чему может прикоснуться или даже приблизиться ординатор на втором году обучения. Как бесплатный пользователь, я мог запускать свои карты только ночью, после всех остальных, серьезных, пользователей, в последнюю очередь. Распечатка на зелено-белой линованной бумаге представляла собой довольно загадочный код *FORTRAN*. Просто запустить код – уже было достижением, но в большинстве случаев происходили мучительные поиски нужной перфокарты. Я написал на карточке инструкции по перфокартам. Естественно, без графики! В те дни компьютерная графика была представлена строчными принтерами *ASCII*, производившими вездесущие портреты Моны Лизы или Мэрилин Монро (помните их?). Согласитесь, эволюция до *Dream Works* фантастическая!

Распечатка Моны Лизы в формате *ASCII*. Каждый оттенок серого – это отдельный символ

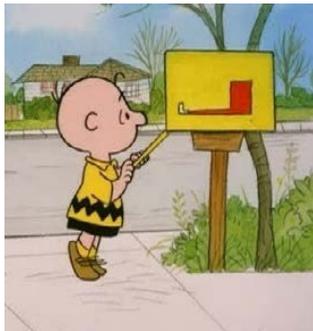
Лучше всего у меня получались точечные диаграммы. Я их воспроизводил для публикаций так: прикладывал пленку к окну просмотра и переводил символы с *Letrasets* (шрифты типа переводных картинок - прим. переводчика) на чистый белый лист. Очень утомительный процесс. Мы прикончили тонны листов *Letrasets* с разными символами, но первыми у нас закончились буквы «о»: именно их я использовал для обозначения точек на графике.

Конечно, тогда не существовало программ для обработки текстов. В отделении было несколько новых пишущих машинок *IBM Selectric*, но предназначались они для отчетов по радиологии, а не для печатания «научных работ» резидентов второго года. Тем не менее, мне разрешили использовать их в нерабочее время. Молоденькая секретарь *Patricia*, перед которой я всегда буду в долгу, сжалилась над моим неумением печатать на машинке и предложила помощь.

В то время я почти не говорил по-английски. Читал легко, но писать было намного сложнее. Я брал части разных предложений и собирал их вместе. Набирать текст следовало очень аккуратно. Опечатки требовали «белого» корректора, а замещающий текст должен был по длине точно соответствовать тексту замещаемому, иначе приходилось перепечатывать всю страницу!

Все это происходило под насмешки других врачей. Но я имел поддержку *Engelholm*. И когда статья была, наконец, готова, мой босс предложил отправить ее в Бельгийский радиологический журнал! Ну уж нет, ни за что! Я подготовил манускрипт для американского радиологического журнала, именно туда пойдет рукопись! Я отправил статью, и был похож на *Charlie Brown*, ожидающего валентинку перед почтовым ящиком. Именно так я ожидал быстрого ответа «большого американского» журнала.

Charles Schultz: «я впервые начал учить английский, читая The Peanuts в подростковом возрасте»

Но ответа всё не было. Я прикидывал, что даже при корабельной доставке на ответ должен потребоваться месяц. Месяц, два, шесть... Ничего. Отчаяние. Может, работа потерялась? Отправить повторно? Я был обескуражен. Может, утеряна открытка, подтверждающая получение? Сначала надо мной шутили ближайшие "коллеги", потом всё отделение. «Вот что происходит, если ваша цель больше ваших возможностей» (следует заметить, что это французское выражение не настолько деликатно и связано с проблемами желудочно-кишечного тракта...).

Я неторопливо готовил следующий манускрипт, но прежнего запала уже не имел.

И вот однажды, девять месяцев спустя, ко мне подошла чрезвычайно взволнованная *Patricia* и сказала, что у нее для меня есть «толстый конверт из Америки!» Как это бывает в кино, я не сразу решился открыть конверт, но *Patricia* настаивала... Манускрипт принят без доработок!!!

Потом я совершил одну глупую ошибку.

Я прочитал в *NEJM* письмо, в котором говорилось, что, мол, врачи используют бессмысленные числа с длинными хвостами цифр после запятой. Говорилось, что (в статистических таблицах – прим. переводчика) имеют смысл лишь первые три цифры после запятой. Чтобы не выглядеть «глупым врачом», я сократил число цифр после запятой в своих статистических расчетах. Я, к сожалению, вовремя не понял, что для полиномиальных уравнений все цифры значимы. Пришлось опубликовать *Erratum* (специальная дополнительная рубрика журнала с информацией об ошибке в сделанной ранее публикации – прим. переводчика). В оправдание могу сказать, что проверка этого потребовала бы применения особого нового кода *FORTRAN* и затрат времени на *PDP11*. Для моего *TRS80* задача была невыполнимой!

Мы закончили следующую статью и отправили ее. Теперь мы «знали, как это делать». В отделе меня прозвали «янки».

Всего в том году в американских журналах было опубликовано три статьи, где я был первым автором, и еще пять – в следующем году.

Но не все было так легко. Мне не хватало знаний по акушерству и гинекологии!

Однажды заведующий кафедрой акушерства пришел ко мне в кабинет с молодой женщиной. «Филипп, это моя юная подруга, юрист, у нее второй триместр беременности. Она собирается лететь на *Hawai*, но сейчас кровит. Надо глянуть, нет ли предлежания плаценты?» Я не мог признаться заведующему, что не помню, что такое предлежание плаценты. Я проводил сканирование и очень нервничал. Через 45 минут я сказал ему «беременность как беременность, ничего необычного». Всю следующую ночь я провел в библиотеке в поисках "предлежания плаценты". В 1978м это состояние еще исследовали с помощью ядерной медицины или ангиографии. В том году вышла одна статья *Barry Goldberg* о ультразвуке при предлежании плаценты. К следующему дню я знал все, что нужно было знать о предлежании плаценты... но был очень напуган. Я твердо решил, что сразу признаюсь в следующий раз, если столкнусь с состоянием, о котором не знаю. Это был важный и ценный урок.

Остаток резидентуры был в какой-то мере фиктивным. Я прошел краткосрочную ротацию по радиологии грудной клетки, желудочно-кишечного тракта, мочеполовой системы, сосудов, скелета и неотложной помощи. Меня разрывали на части. Быть единственным сканирующим специалистом УЗИ было похоже на обоюдоострый меч. С одной стороны я получал огромный опыт, с другой - оказался единственным человеком, которого клиницисты вызывали на все УЗИ осмотры в течение 4 лет. Они были беспощадными! Однажды ночью меня вызвали в 3 часа ночи: хирург не смог найти кисту яичника размером 3 см, описанную мной 6 недель назад! Ради этого я ехал 45 минут до больницы!

ПЕРЕЕЗД В США

К концу резидентуры у меня было больше публикаций (опубликованных и принятых), чем у всего факультета. Изначальная добродушная насмешка коллег, предназначавшаяся мне, становилась все более язвительной.

Пришло время планировать жизнь и работу после ординатуры. Я начал поиски работы в США. Разумеется, подобные вакансии не размещались в отделах рекламы *NEJM*, *Radiology*, *JCU* или *JUM*.

Тем временем, появилась возможность поехать в *AIUM* (Американский институт ультразвука в медицине – прим. переводчика), в *San Francisco*. В университете существовало правило: если доклады приняты на конференции, можно ехать принимать участие в форуме, при отсутствии конфликта интересов с другими участниками. На *AIUM* мною было подготовлено 12 презентаций и постеров. На конгрессе я посещал столько лекций, сколько мог, почти все, что стояли в программе. Чтобы дать понять, что я ищу работу, под постерами находилась записка: «Ищу работу в США, можете ли вы мне помочь?»

Во время встречи ко мне подошел энергичный невысокий человек с широкой улыбкой и сказал: «Philippe, твоя вчерашняя презентация о глазах плода отличная». Я поблагодарил за комплимент и добавил, что на самом деле считаю другую презентацию лучшей. Он спросил, какую именно, я показал в программе. Оказалось, автор была как раз из его группы (Marge Tortora)!

Он сразу предложил мне работу. А я и не знал, что говорил с John Hobbins!

John чудесным образом невосприимчив к старению: спустя десятилетия он остается таким же, полным энтузиазма.

История имела забавный поворот. Через несколько недель по возвращении, я был разбужен среди ночи. Звонок из США. Из-за разницы во времени, а также из-за ограниченного английского, мне было трудно разобрать слова в трубке, пришлось просить человека повторить. Оказалось, *Larry Platt* предлагал мне работу в *Los Angeles*. Я пробормотал, что для меня это большая честь, и большое ему спасибо, но сказал, что к уже нанимаюсь к профессору *Hobbins*. Тогда он произнес неожиданно: «Ничего страшного, я заплачу вам вдвое больше». Неплохо для "маленького" человека из Европы. Все это напоминало какую-то кинопародию на США. Я вежливо отказался. А потом извинился перед ним много лет спустя, когда мы встретились в США.

Я не знал, насколько престижным был университет *Yale*, когда решил работать с *John*. Но я был знаком с его публикациями. Именно его первый учебник был моим единственным помощником в ультразвуке.

John был невероятной личностью. Всегда счастливый, обладавший заразительным юмором и смехом, он в любом деле находил хорошее и позитивное. Он обладал невероятной энергией! Дарил людям ощущение комфорта и одновременно желание делать все наилучшим образом. *John* многим был похож на другого моего кумира, *Primo*, правда, был гораздо более экспрессивным и разговорчивым. Однажды он обнял меня за плечо перед всей группой и сказал: «Окей, *Philippe*, мы хорошо повеселились, больше не называй меня профессором, я отныне просто *John*». Пришлось сильно постараться, в то время в Европе подобная фамильярность была почти немыслимой.

В течение многих лет *John* собирал блестящие команды людей, почти все из которых (кроме меня) становились заведующими отделений. Это был самый большой «*Prenatal Brain Nursery*» (питомник пренатальной неврологии – прим. переводчика) в мире. Он носился, придумывал идеи для проектов, непрерывно летал туда-сюда на конференции. В те дни мы на лекциях использовали слайды, из фотолаборатории приносили коробки с ними в офис, и *Kathy* (секретарь-которая-всегда-знала-где-что-лежит) оставляла их на письменном столе. Однажды *John* выступал на конференции Национального института здоровья 1984 года, посвященной показаниям к УЗИ при беременности. Нам было любопытно, мы расспрашивали его о конференции. Он рассказал и в конце добавил между прочим: «Кстати, *Philippe*, я по ошибке взял твои слайды по анатомии плода вместо своих, но не думаю, что на конференции заметили подмену». Он мог провести презентацию и без слайдов, легко справился бы с ней.

Однажды *John*, разрываясь одновременно между несколькими задачами, хватает на бегу слайды и мчит, как ураган. Садится в самолет (экипажу приходится повторно открывать дверь) и всю дорогу готовит в лекцию, устанавливает слайды в отсеки карусели. Приземляется, выходит из аэропорта, прыгает в такси и просит отвезти его в «*Marriott*». Таксист говорит: «Не думаю, что у нас есть *Marriott*, какой адрес?» Тут *John* понимает, что сел не в свой самолет и прилетел не в тот город! Конечно, такое было возможно только до 11 сентября. В итоге тогда ему удалось перестроить расписание, все остались довольны.

John был не только талантливым организатором. Он обладал многими способностями: был прекрасным пианистом (частично оплачивал свою учебу игрой на фортепиано), спортсменом (теннис, гольф) и отличным поваром! И однажды даже издал кулинарную книгу.

John готовит для ординаторов.

Его кулинарная книга

Я любил готовить лобстеров.

John приукрашивал рассказ «омарами, опьяневшими от виски» и «ползавшими за его холодильником после одной вечеринки»

John любезно редактировал мои рукописи (позже эту обязанность взяла на себя незабываемая *Inge Venus*). Я писал свои рукописи очень медленно, а он потом сокращал целые страницы и абзацы, переделывая мои фразы. Десять страниц превращались в две. Это была для меня неплохая школа. Во французском предложении, в основном, длинные, состоят из нескольких частей. В английском по-другому: короткие предложения, поломанные "длинные" идеи. *John* (а позже и *Roberto*, когда мы работали вместе) спрашивали меня: «Это точно именно то, что ты имеешь в виду?» Обобщать и четко выражать идеи - важный навык. Кроме прочего, *John* оказал мне две невероятные услуги: 1) помог мне получить грин-карту и 2) нашёл для меня место ординатуры. Это полностью изменило мою жизнь. Мне не пришлось возвращаться в Европу.

Чтобы я получил-таки грин-карту, *John* подал объявления в три медицинских журнала (одним из них *NEJM*): требуется работа для «врача, бородастого билингва, с компьютерными навыками (обработка текста и электронные таблицы), который проводит УЗИ в акушерстве и гинекологии за 6000 долларов в год». Ладно, ок, часть информации о бороде и билингвальности не была включена. Это была низкая ставка, но она соответствовала ставке на моей стажировке. Не удивительно, что я был единственным, подавшим заявку на эту позицию. Помощнику юриста удалось убедить иммиграционную службу в том, что без моих навыков крупное исследование с большим грантом рухнет, и миру наступит конец.

Ординатура стала для меня невероятным поворотом. *Pr Naftolin*, зав. гинекологии, предложил мне стать акушером-гинекологом. Щедрое предложение, учитывая мои нулевые навыки. Меня это не привлекало, должен сказать. Кошмары о родах мне снились еще со времен студенчества. Все те тридцать два новорожденных чудом остались живы.

Вместо *Ob&Gyn* я пошел на собеседование в отделение радиологии.

Прежде я никогда в жизни не проходил собеседований. И мне удалось получить место в резидентуре. *John* добыл мне эту должность, переговорив кое с кем, сделав кое-какие телефонных звонков и отправив кое-какие письма. Я даже не видел, как проходят собеседования других людей.

Я явился на интервью радиолога в очень повседневной одежде (еще один эвфемизм) и явно не произвел впечатления. Мне предложили смутную должность, и то через неопределенное время. По сути, это было вежливым способом избавиться от меня. *Pr Naftolin* тогда сделал нечто невероятное. Он позвонил *Dr Greenspan*, заведующему кафедрой радиологии, и поблагодарил его за то, что принял меня (но он этого еще не сделал). *Greenspan*, удивленный, сказал, что так дела не делаются. После нескольких разговоров профессор *Naftolin* сказал доктору *Greenspan*: «Я знаю, что вы его возьмете. Мы оплатим его ординатуру». Теперь понятно. Мог ли заведующий отказать бесплатному ординатору? *Pr Naftolin* и *John* заключили мудрый договор: я буду проводить УЗИ пациентам больницы по вечерам, и доход покроет мою зарплату. Больница была довольна, у кафедры акушерства был контракт, у отделения радиологии был бесплатный ординатор, а у меня была должность. Это, возможно, был уникальный случай в аналах получения распределения на ординатуру.

ЗНАКОМСТВО С ROBERTO И GIANLUIGI

*В East Heaven много снега!
Машины не видно!*

Когда времена «университета Yale» остались далеко позади, было всегда радостно встречать John, который не переставал рассказывать интересные истории и предлагать проекты. Невероятный ментор!

Первые несколько недель или месяцев в университете *Yale* я замечал *Roberto*, но особо с ним не общался. Он занимал гораздо более высокую позицию и выглядел всегда очень "по-профессорски".

Я видел его на разборах клинических случаев, где, вместе с другими ординаторами, он демонстрировал потрясающее владение литературой и действительно острый ум. Было опасно утверждать что-либо, противоположное его утверждению, поскольку он знал очень много и мог найти слабину в любом ошибочном постулате. Ничего не понимая в акушерстве, я просто наблюдал интеллектуальные поединки.

Но однажды мы оба подали заявку на участие в заседании *AIUM*. Такие вещи должна была одобрять *Inge Venus*, бизнес-менеджер. *Inge* иммигрировала из Германии несколькими годами ранее. Имея железный характер, она настолько хорошо выучила английский, что была редактором всех публикаций раздела. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая, как она умела превратить любой манускрипт в «Закат над Красным морем» своими редакторскими правками, но в то время я немного смущался. Она даже правила рукописи американцев. Спустя годы мы узнали, что *Inge* вышла на пенсию и преподает садоводство. *Dick Berkowitz* тогда сказал: «О, конечно, *Inge* способна заставить семена прорасти». *Inge* была жизнерадостной личностью, её смех напоминал звон хрустального колокола.

Inge Venus в 1982 и 2020 - в должности президента Federated Garden Clubs of Connecticut

Inge отвечала за бюджет и относилась к своей должности очень серьезно! Она вызвала нас с *Roberto* в свой кабинет. Сказала, что мы можем поехать на конгресс *AIUM*, но прожить должны в одной комнате гостиницы. Предложение было неожиданным для меня и, вероятно, для *Roberto*. Застигнутые врасплох, мы приняли условие.

Наше с *Roberto* знакомство началось в самолете. У нас оказалось много общего. Многие вещи нужно было обсудить, многим обменяться. Это казалось невероятным. *Roberto* был по натуре соевой и болтал со мной до поздней ночи. Там мы и решили написать «*The blue book*» (свою книгу, учебник пренатальной ультразвуковой диагностики – прим. переводчика). Мы набросали содержание и не могли дождаться, когда начнем писать текст. *Roberto* поделился идеей книги с бывшим сотрудником университета *Yale*, и тот спросил: «Почему это вы, двое иностранцев, хотите написать книгу на английском, а не на вашем родном языке?». Ха-ха, мог ли быть для нас лучший стимул, чтобы все-таки сделать это!

Мы купили один из первых *IBM PC*, только что представленных на рынке, простую машину с односторонней дискетой. У нас были «*Easy Writer*» и «*VisiCalc*» (самый ранний редактор текстов и электронных таблиц). Работали так: я очень медленно писал главу, *Roberto* редактировал и улучшал ее.

Чтобы убедиться, что таблицы будут правильными, мы договорились с *McGraw-Hill*, что таблицы не будут наборными, а в виде фотографий (сказался мой страх сделать ошибку после фиаско с ошибкой округления, о которой я рассказывал выше). Вскоре книга стала слишком большой, чтобы помещаться на дискете, и я купил сторонний жесткий диск *Davong* на 6 МБ. Все спрашивали: «Что ты будешь делать с 6 МБ?». Дискеты были всего на 160 кб.

Это было невероятное, захватывающее время. Каждый возился со своей машиной, покупая более быстрые тактовые частоты (6 МГц по сравнению с исходными 4 МГц консервативного дизайна *IBM PC*), добавляли графические карты (*Hercules*), микросхемы памяти...

Я вообще перестал завинчивать корпус своего ПК (персонального компьютера – прим. переводчика), так как постоянно пытался улучшить его компоненты. В *Yale* имелся богатый экспертный опыт, и мы основали группу пользователей ПК университета, а затем группу *Lotus1-2-3* – отличный ресурс для поддержки и обмена.

Однажды поздней ночью мы решили почистить старые файлы с дискеты. Ужасная команда *MS DOS 1.0*:

*Del *.**

Вместо входа на дискету *A:*, я зашел на жесткий диск *C:* ... и стер единственную сохраненную копию книги!

Я понял сразу, что нет худшей ошибки в жизни, чем та, в которой некого обвинить! В шоке от ситуации, я злился на самого себя, допустив это. К счастью, на диске было всего 60 страниц, и у нас осталась недавняя распечатка с редакционными исправлениями. Это был главный урок о резервном копировании, который я сам усвоил на всю жизнь и которому всех учил.

В следующем году к нам присоединился *Gianluigi*.

Впервые мы встретились после моей презентации по анатомии плода. Он спросил, обозначали ли буквы «*TH*» на слайде мозга «*Torculus Herophilus*». Кто мог знать столь малоизвестные подробности? Прямое попадание в цель.

Gianluigi был еще одним всегда улыбающимся человеком. Его легкая асимметричная улыбка была характерной и очаровывала.

Анатомию он знал лучше любой книги, был скрупулезным в сканировании и внимательным – в написании. Когда интересовались его исключительным знанием анатомии, он отвечал просто: «Болонский университет – старейшее медицинское учебное заведение в Европе». Это, по его мнению, должно было все ясно объяснять. Ну допустим, я жил в том же месте, что и Везалий, но это совершенно не значило, что я мог написать *De Humani Corporis Fabrica Libri Septem!*

Кроме всего, *Gianluigi* был еще и прекрасным художником, а однажды он даже написал роман.

Мы втроем стали верными друзьями. Обменивались идеями, устраивали запоминающиеся барбекю, размышляли.

Однажды *Roberto* предложил съездить с ним в *Danbury*, чтобы пошить мне рубашек на заказ. Разумеется, *Roberto* всегда одевался безупречно. Он полагал невозможным для меня дальнейшее ношение рубашек из супермаркета. Я был обескуражен идеей, но все же сумел выкрутиться. Мы выбрали опцию покупки чудесной микроволновой печи, которую я использовал несколько раз в день в течение следующих 22 лет!

Есть несколько забавных историй, связанных с тем, как одевался сам *Roberto*.

Во-первых, у него была не одна, а три книги размером с журнальный столик о том, как завязать галстук или галстук-бабочку, со всеми возможными вариантами комбинаций цветов галстука и костюма. Он научил меня вместо плавного разворота передней части галстука под узлом (как пытался я), делать перекосяк в виде короткого желоба.

На каждый сезон у него было несколько костюмов.

Однажды *Roberto* (худой, как спичка) решил, что нам нужно заняться спортом, и мы купили велосипеды.

Мы ездили вверх и вниз по холмам *New Haven*.

Однажды он пришел на работу озабоченным:

-Я только что уволил горничную, - мрачно сказал он.

-Что случилось?

-Она кипятила мои рубашки.

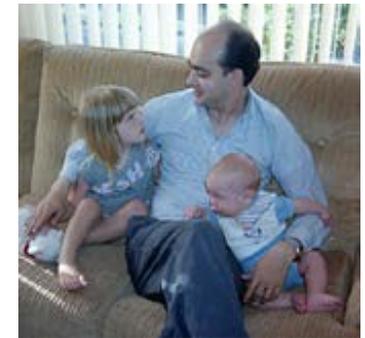
У него было 200 рубашек, он менял их несколько раз в день). Откуда он вообще мог узнать о кипячении белья? Он явно был не из тех людей, кто следит за этим видом деятельности.

-Мои рубашки сели и выглядывают из рукавов пиджака всего на полдюйма, а должны выступать на три четверти». Это было реально ужасное преступление!

На самом деле виновниками оказались упражнения на велосипеде: он накачал дельтовидные мышцы.

Так закончилась одновременно и карьера бедной горничной, и наши занятия велоспортом.

Roberto был моим лучшим другом. Мы дружили 40 лет, стараясь посещать совместно как можно больше различных мероприятий.

Roberto принимает *Cedric* в родзале и играет с *Cerine* and *Cedric*

Roberto принимал участие в рождении моих детей.

Также он помогал родиться ребенку одной моей подруги, приехавшей в США из Вьетнама. Ее муж был одним из тех вьетнамцев, которых я «обучал» на первых курсах *medical school*. Другие члены их семьи были беженцами, они прибыли на кораблях в *San Francisco*, после падения Сайгона в 1975м. На нулевом этапе адаптации к здешней жизни они сначала в течение нескольких недель изучали жизнь в *San Francisco*. Пока не сделали вывод, что американцы работают как сумасшедшие и не имеют времени на обед. Вьетнамцы открыли магазин бутербродов *Banh Mi*, размером с коробку из-под обуви, но с факсом. Американцы заказывали бутерброды, дети их разносили по офисам. В 1982м это было довольно революционное сочетание технологий и идей. Семья добилась больших успехов, все их дети поступили в колледж...

Когда родились наши дети, на помощь пришла бабушка. Поскольку мы имели скромное количество кухонной утвари, и нам обычно не хватало емкостей для десерта, она собирала банки от пива на ближайшей мусорке, разрезала их и чистила. У нас были восхитительные десерты. Она была потрясающей бабушкой.

Слева: «мальш *Tanguy*» приехал в США и учился в Гарварде и Беркли. Все дети *Roberto* очень успешны (*Cerine* в PRB и UCSF, *Cedric* в Caltech).

Справа: *Danton* (мой зять) и *Tanguy* через 26 лет после родов, которые принял *Roberto*.

30 лет спустя на ферме

С *Roberto* связаны забавные истории.

Однажды мы уговорили его попробовать парасейлинг в *Acapulco*. Он долго не решался, но потом подумал, что получит «оттуда» уникальную панораму. Короче, *Roberto* готовится к полету, тщательно защищает камеру и объектив, парашют поднимается. Он доволен и показывает большой палец. Достигнув конца заданного маршрута в бухте, лодка делает крутой поворот, парашют резко опускается. *Roberto* мгновенно тянется к крышке, защищая объектив. Потом лодка ускоряется, и *Roberto* снова в безопасности. «О чем я думал, когда пытался закрыть крышкой объектив? Если бы я потерял равновесие и нырнул, вся камера оказалась бы под водой, это же очевидно!»

Roberto получил часы *Rolex Oyster* по случаю окончания медицинского университета. Он с интересом поглядывал на мои часы-калькулятор *Timex*, за 25 долларов. «Как долго служат такие часы?» «Думаю, несколько лет». «Ты хочешь сказать, что за стоимость ежегодного обслуживания и смазки *Rolex* я мог бы годами носить часы *Timex*?». Это его шокировало. В конце концов, я перестал пользоваться наручными часами, поскольку компьютер показывал время, практически весь день цифры были перед глазами. В итоге и *Roberto* перестал носить свои *Rolex*: их у него украли в отеле.

Во время поездки в Венесуэлу я хотел купить несколько самородков речного золота (*Oro Cochano*). Мне они казались очень красивыми, их можно было использовать для изготовления украшений (еще одно хобби).

В то время Венесуэла была страной безопасной, но все же... Итак, мы вместе с *Roberto* летим в *Ciudad Bolivar*, идём на небольшой крытый рынок и заходим в магазины, один за другим. При том, что международные рынки формируют цены на золото, можно было бы подумать, что эти цены должны быть одинаковыми во всех магазинах. Не тут-то было! Цена - это то, на что можно раскрутить покупателя! С другой стороны, не так-то много людей в принципе покупает *Oro Cochano*.

Так что, если продавец видит, что вы проводите слишком много времени с его конкурентом (на самом деле, вполне возможно, с членом его же семьи!), цена немного снижается. *Roberto* торгуется по-испански, с венесуэльским акцентом. Я молча показываю, что мне нравится. Удастся договориться о цене. О кредитной карте не было, и речи, конечно, в начале 90-х. В целях безопасности я имел потайной карман на поясе с аккуратно свернутыми 100-долларовыми купюрами. Я стягиваю ремень с брюк, к шоку продавщицы, которая думает, что за сумасшедшие зашли в ювелирный магазин. Когда секрет раскрывается, она жестами предлагает мне поменяться: пояс на дополнительный самородок. Золотые воспоминания!

На обратном пути в *Caracas* в самолет забирается маленький ребенок с пакетом конфеток *Dulce de Leche*, которые *Roberto* обожает. Для меня они слишком сладкие (единственное несоответствие, да). *Roberto* решает купить ребенку еще больше конфет. Малыш бежит по ступенькам самолета к терминалу и возвращается с гораздо большим пакетом. Весь самолет ожидает завершения сладкой транзакции и, наконец, улетает. Попробуйте сказать диспетчерской вышке в США, что вам нужна 10-минутная задержка взлета, чтобы взять дополнительные конфеты.

Несмотря на общие интересы и дружеские отношения, мы кое-чем отличались: терпимостью к качеству отелей. Однажды в поездке на остров *Margarita* нас разместили в неплохом пляжном отеле. Тогда, лет двадцать пять назад, кондиционер и осушение воздуха встречались в отелях реже, чем теперь. *Roberto* отказался останавливаться в отеле с плесенью и попросил организаторов найти гостиницу получше, хотя ему приходилось ежедневно добираться на работу с материка. Это ограничило число городов, которые мы посещали совместно. Например, он ни за что не стал бы снимать жилье в *Kabul*.

С *Gianluigi* тоже случалось забавное. Он снимал комнату на третьем этаже дома в *New Haven*. Первый этаж занимал бар. *Gianluigi* не любит бары, но в тот раз ему было одиноко, и он решил выпить пива. *Gianluigi* спускается в бар, откуда его выпроваживают: он без пиджака. Что ж, он поднимается, берет пиджак, снова пытается и снова получает отказ: у него нет галстука. Еще один поход туда-обратно и еще один отказ, из-за кроссовок. Он устает и сдаётся. Когда на следующий день он рассказывал эту историю на работе, *Mitzi* сказала: «Это же гей-бар!».

К сожалению, моя ординатура началась вскоре после приезда *Gianluigi*, у нас было недостаточно времени для общения.

Roberto и *Gianluigi* начали писать «красную книгу» - проект, который мы давно хотели реализовать и который укрепил нашу дружбу.

Барбекю с Gianluigi

Спустя несколько лет после выхода Красной книги мы организовали курс по пренатальной диагностике. Чтобы всем было проще, его проводили в *ClubMed*, в заливе *Sonora*, в Мексике. Место было красивым. Местные власти не могли понять, как мы, кучка «лишенных солнца» докторов, могли оставаться в зале. Атмосфера была отличной, и отзывы мы получили отличные.

Antonella, Dominique, Roberto и Gianluigi на курсе в заливе Sonora

Борода тогда была гуще и темнее!

Изучение тонкостей парусного спорта с Roberto

Sandra (одна из моих сонографистов), Dinesh Shah и его жена, Dominique, Roberto и его дети

С Sheryl Rodts-Palenik – победительницей a case of the day. 20 лет спустя она станет соавтором публикации с моей дочерью Cerine

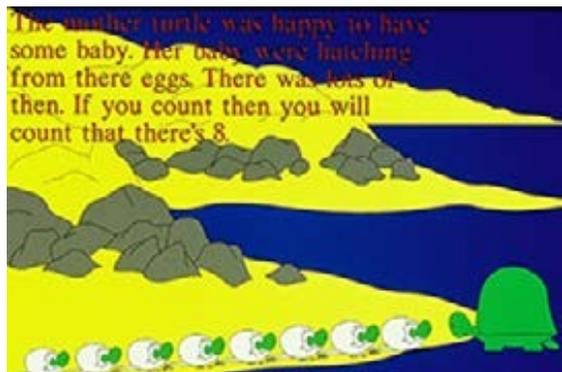
Review > J Ultrasound Med. 2010 Mar;29(3):455-63. doi: 10.7863/jum.2010.29.3.455.

Prenatal diagnosis of spontaneous septostomy in dichorionic diamniotic twins and review of the literature

Cerine Jeanty ¹, Elizabeth Newman, Philippe Jeanty, Sheryl Rodts-Palenik

Affiliations + expand

PMID: 20194940 DOI: 10.7863/jum.2010.29.3.455

Моя 6-летняя дочь сделала презентацию из 5 слайдов о черепахе, которую нарисовала на компьютере. Тридцать лет спустя я встречал людей, которые помнили ее слайды. К моменту подачи заявки на ординатуру у нее было уже 11 публикаций!

Cerine задолго до PRB и UCSF

Одна из первых лазерных указок Kodak, сжигала две 9-вольтовые батареи за одну сессию!

В 1988м, небольшой домашний офис с первой домашней сетью «Lantastic», которую было очень сложно настроить

Roberto и Dominique разговаривают

Однажды, во время курса пренатальной диагностики в *Nashville*, звонит мой сын *Cedric* и спрашивает, можно ли ему поохотиться на ферме. Я был занят курсом, *Cedric* парень ответственный, я разрешил. У нас был факультетский обед дома с *Roberto*, еще некоторыми приятелями и *Gianluigi*. Приехав домой, мы увидели, что *Cedric* умудрился убить оленя и снять с него шкуру. Убитый олень целиком лежал на кухонном острове, готовый к обработке. Все были несколько удивлены, увидев это все, но после некоторого колебания приняли участие в диссекции. Спустя годы мы вспоминали эту историю.

Несколько дней спустя мы бродили в высокой траве на ферме. *Gianluigi* поворачивается ко мне и спрашивает:

-Здесь есть опасные животные?

-Да, у нас есть змеи!

-*Snakes???* (*Gianluigi* произносит «*Znakes*»). *Roberto* смеялся над всей ситуацией и над очень выразительным лицом *Gianluigi*.

“*Znakes??*”

Финальные доработки слайдов

Крепкая дружба

Это вам Middle Tennessee, а не Болонья!

После разделки оленя: Gianluigi, Eli Maupon, Dominique, PJ, Ginny, Roberto, Percy Pasora

Gianluigi и Roberto готовятся проводить мне “радикальную липэктомия”

Греем термометр Галилео, чтобы проверить, всплывут ли внутренние индикаторы

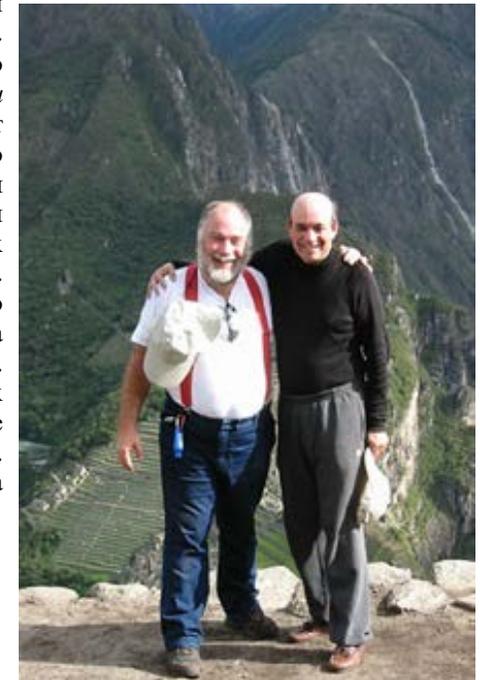

Через 10 лет после выхода “The Red Book”

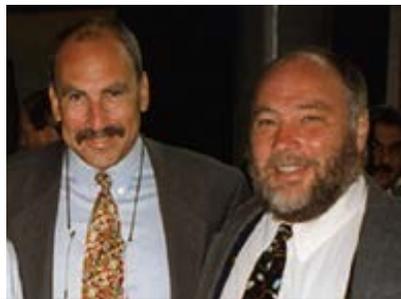

На пренатальном курсе в *Buenos Aires*, в программе было так много лекций, что требовались долгие часы для переустановки слайдов из пластиковых ячеек на карусели. Делать это нужно было аккуратно, слайды могли перевернуться или перемешаться, что было бы ужасно. Я распечатывал слайды самостоятельно (см. ниже эпизод о *Matrix PCR*) и тогда решил, что это будет мой последний курс с пластиковыми слайдами: с этого момента я буду вести презентации с компьютера. Дело было в 1996м. Я начал готовить такие курсы. Приходилось хорошо разбираться в характеристиках компьютера и проектора. В том году в *SRU* (Обществе радиологов в ультразвуке) я сделал первую свою презентацию с компьютера, объясняя по ходу, как делаются новые слайды, какое программное обеспечение необходимо для графики и презентаций. В конце подходит *Teddy Lions* (а он настоящий технарь), берет меня за плечо и говорит: «*Philippe*, ты умеешь усложнять простые вещи! Делать слайды вообще несложно». Ага, конечно. Три года спустя слайды исчезли навсегда!

Во время посещения *Machu Picchu* мы выпили бокал вина за обедом. Предположили, что хорошие фото получатся с *Huayana-Picchu* (Солнечной горы), поблизости от *Machu Picchu*. В те дни там не было ограничений на вход. Сейчас для защиты как самого места, так и сердец пожилых посетителей, таких как я, доступ сюда ограничен. Дополнительная высота по сравнению *Machu Picchu* составляла 260 м (2690 м над уровнем моря). Тот подъем был одним из самых сложных упражнений, которые мне доводилось когда-либо выполнять. Но мне приходилось идти следом за *Roberto!*

Teddy Lions с *Peter Cooperberg* в *SRU*

Roberto, Antonella и *Gianluigi* на курсе *MFM*, Лас-Вегас, 8-10 сентября 2001 г. Они были заблокированы в отеле на неделю, пока разворачивалась трагедия 11 сентября. Мне пришлось уехать тогда с курса.

Лихор. Очень фараонный вид

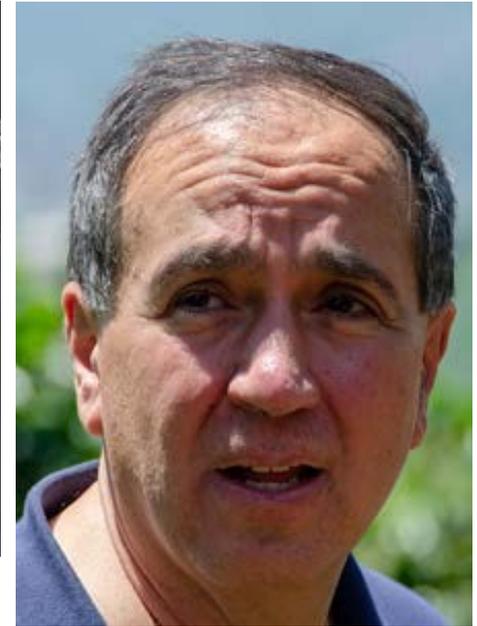
36 лет спустя после первой встречи

В университете *Yale* моими соседями по студенческой скамье были *Frank Chervenak* с одной стороны и *Al Reese* с другой. Они бесконечно подкалывали меня по поводу организации рабочего места. У обоих были наборы идеально заточенных карандашей, положенных перпендикулярно краю стола, стопки идеально выровненных медицинских карт и расходных материалов. На моем столе с большим компьютером и тоннами бумаги, лежали открытые книги поверх других открытых книг, с десятками закладок. Чтобы что-то написать, мне приходилось подпирать планшет коленями.

Однажды они вдвоем напали на меня. Пришли в мою комнату и спрашивают: «Эй, *Philippe*, где фотография гастрошизиса, сделанная три недели назад?». Я ловко разобрался в слоях бумаги и достал картинку. «А как насчет той акрании?» Та же история... *Al* посмотрел на меня и сказал: «Я понял, у тебя на столе «геологическая» классификация бумаг: чем старше снимок, тем он глубже зарыт в этих кучах на столе». Мы посмеялись. Они признали мою организацию рабочего места альтернативной техникой.

Frank Chervenak также хотел отточить мои познания в католицизме

Важное событие: чествование John в Cornell Club на ежегодном конгрессе Международного общества ультразвука в акушерстве и гинекологии. Слева направо: Нижний ряд: Hung Winn, Alfred Abuhamad, Siegfried Rotmensch, Michael Berman, Gianluigi Pilu, Ruben Quintero. Верхний ряд: Giancarlo Mari, Richard Viscarello, Joshua Copel, Ray Bahado-Singh, Charly Lockwood, M. Jeremiah Mahoney, Frank Chervenak, Mary D'Alton, John Hobbins, Richard Berkowitz, Roberto Romero, Antonella Perolo, Philippe Jeanty, Gregory De-Vore, Moshe Mazor, E. Albert Reece.

<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6053678/>

Людам свойственно с любовью вспоминать первые годы своего пути. Но то, что John собрал в те годы в Yale университете, стало веселым счастливым ядром долгих дружеских отношений. То была особая среда, которую потом невозможно было воссоздать когда-нибудь.

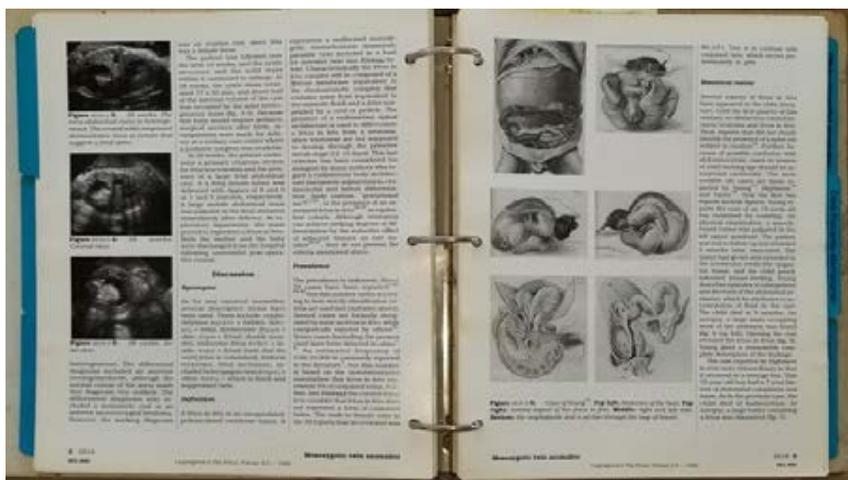
TheFetus and TheFetus.net

Case-reports - пасынки медицинской литературы.

Их суть заключается в описании редких случаев. Потому их аудитория невелика, издатели неохотно предоставляют им место. Кроме того, множество интересных случаев происходит в среде, где публикация не является приоритетом: в частных практиках или небольших больницах. Если бы кейсы были хорошо структурированы, иллюстрированы и удобны для поиска, такой контент был бы ценным. Ординаторы и аспиранты обычно ищут материал для публикаций. У врачей есть кейсы, но врачи чаще не заинтересованы в публикациях. Это даёт обеим сторонам определенные преимущества. Чтобы упростить поиск, *TheFetus* провел тщательную классификацию кейсов по ICD9 (международной классификации болезней IX пересмотра – прим. переводчика), и публикации стали поступать. Случаи-статьи размещали не в переплетенном журнале, а в виде перфорированных вкладышей, скрепленных скоросшивателем. Таким образом, похожие статьи находились рядом. Этот журнал был основан в 1991 году.

Так выглядела страница «Оглавление» по аномалиям костно-мышечной системы.

Пример страниц журнала

Эта работа не была простой, особенно для человека с неродным английским. К счастью, мне помогли два прекрасных сотрудника: *Cheryl Norris-Turner* (см. следующие разделы) и *Tom Ebers*. *Tom* был редактором отдела, спокойным, всегда улыбающимся парнем, любившим пошутить. У него был чрезвычайно острый глаз на орфографические ошибки: отсутствие скобок, точки с запятой вместо запятых и т.д. (в то время компьютерная проверка текстовых документов только зарождалась). Он знал все учебники грамматики и мог предоставить бесконечные списки правил. Он забавно комментировал страницы. Как и в случае с *Inge Venus* (вверху), страницы, исправленные им, становились «Закатами над Красным морем».

В конце 1989го-начале 1990го еще не существовало графического интерфейса: *Windows 3.0* появились только в 1990м. Для настольных издательских систем единственной возможной программой на ПК была *GEM «Graphics Environment Manager»*, а лучшим программным обеспечением была *Ventura Publisher*, она появилась на ПК в 1990м.

Теперь любой мог создавать красивые страницы на ПК и экспортировать их на обычный коммерческий принтер. Выровненные верно страницы, расстояние между абзацами и разделами, расчитанное так, чтобы текст выравнивался по столбцам. Это была прекрасная программа, но, как все профессиональные хорошие программы, освоить ее было трудно. Мне предстояло узнать о точках и пиках, вдовах и сиротах, желобах и пустом пространстве. Об «em» и «en», тире и других издательских мелочах. *Ventura Publisher* умела не только экспортировать текст, но даже делать цветоразделение (СМЯК) фотографий для принтеров.

Это были самые первые дни цифровой фотографии, а изображение 640 на 480 пикселей было изображением с высоким разрешением, а не миниатюрой!

В *Nashville*, крупном центре издательств Библии, было легко найти типографию, готовую напечатать журнал. Печатник *Bob Johnson* поначалу с подозрением отнесся к аматорскому цветоделению, сделанному таким чистым любителем, как я. Но после первых же выпусков он убедился в превосходстве нового метода по сравнению с привычным, ручным, цветоделением. Он был немолодым джентльменом, всегда безупречно одетым. Контраст между ним и мной был ощутим. Но мы подружились. *Cheryl* следила за всем. Отслеживала, какую статью редактировать, сколько изменений сделано, кто не ответил на вопросы. Она была фантастической (вернее, она до сих пор остается такой).

Проблема заключалась в том, что все это было дорогим удовольствием. Я не был богатым парнем. Мы продали *TheFetus* почти по себестоимости, так что мне не удалось накопить резервных денег. Кроме того, по мере увеличения числа подписчиков, возникало все больше проблем с отправлениями, повторными ответами, обработкой потерянной почты. *Cheryl*, тогда уже тоже очарованная ультразвуком, решила стать сонографистом, а значит теперь уже не могла выполнять прежнюю работу. Окружение в клинике также стало довольно враждебным по отношению к академическим начинаниям. Пришло время искать другую позицию. Но в 1995м мне и самому пришлось приостановиться: я занялся частной практикой и прекратил заниматься *TheFetus*, надеясь, что временно.

Vanderbilt придумал устроить прощальную вечеринку. Буквально тогда же уходил один из служащих архивов, афроамериканец, проработавший 30 лет. Почему-то о вечеринке для него не было разговоров. Я был изумлен и попросил, чтобы прощальный вечер посвятили нам обоим. Ха-ха!! Это было высмеяно. Тогда я сказал: просто отмените вечеринку, я и сам не пойду на нее, это явная дискриминация.

Прощальный вечер отменили, и вся больница хотела узнать, почему собственно. Тот сотрудник очень крепко меня обнял, и это был лучший прощальный вечер для нас обоих.

На этом фоне развивались две технологии, которые в конечном итоге заменили собой многие вещи: Всемирная паутина и *PubMed* (1996). Когда я впервые увидел *Medline* на компакт-диске, у меня были слезы радости! «Все, что вы можете искать» в медицинской литературе – с собственного рабочего стола и даже ночью из дома.

Medline по-прежнему требовал изучения медицинских предметных рубрик (*MeSH*), но это была колоссальная экономия времени по сравнению со старыми книгами. Прогресс! Несомненно, это был наилучший способ использования налоговых долларов США за всю историю. Релиз на компакт-диске в 1984м назывался *Ovid* и имел интерфейс поиска, разработанный *Mark Nelson* - разработчиком *MeSH*. Для названия он выбрал латинское имя, поскольку был специалистом английской филологии. *Medline* был бесплатным, но подписка на обновления на компакт-диске предлагалась *Wolters Kluwer (издатель, ныне владелец ресурса UpToDate - прим. переводчика)*, цена подписки все еще составляла 1000 долларов в год! Позже *Medline* получил дальнейшее развитие в 1997м как онлайн-версия: *PubMed*. Медицинский поиск уже больше никогда не будут прежним.

Интернет появился в 1991м, но тогда лишь немногие исследователи о нем знали.

Многие люди узнали об этом в 1993м, с появлением первых браузеров: *Mosaic* и *Netscape*. Для неспециалиста было сложно и утомительно кодировать HTML-страницы, пока *Vermeer Technology* не разработала *FrontPage* (позже приобретенную *Microsoft*). *FrontPage* работал аналогично настольной издательской программе (хотя и с гораздо меньшим количеством опций), затем материал компилировался в соответствующий HTML-код. Я ломал голову, пытаюсь создавать веб-сайт для практики. Сейчас это все выглядит до смешного дилетантским.

Всемирная паутина полностью изменила издательскую ситуацию. Вместо печати ограниченного тиража рассылаемых по почте дорогостоящих выпусков, предоставлялась веб-страница, к которой пользователи получали свободный доступ.

Небольшие парни, вроде меня, могли теперь составить конкуренцию столетним издательским корпорациям. Нет необходимости в офисе на *5th Avenue*, нет необходимости в торговой сети и отделе продаж. Сильнейшее потрясение в балансе сил между авторами и издателями. Моя бунтарская позиция против властей получила поддержку.

Во время курса в Сербии, вскоре после войны, *Alexandra Novakov* попросила меня поставить автограф на ксерокопии Красной книги. Почему ксерокопия? Потому что на покупку книги она должна была потратить эквивалент ее дохода за несколько недель или даже месяцев (я не помню точно)! Как издатель медицинских материалов мог допускать такое? Как смеют издатели влиять недельный доход врача бедной страны, если они не писали текст, не делали снимков, а лишь отформатировали и напечатали их на бумаге? Я решил никогда не передавать издателям авторские права на все, что напишу. Решил сделать *TheFetus.net* полностью бесплатным. Не отдавая копирайт на книги, юридические отделы издательств отправляли забавные письма! «Вы должны подписать авторские права». «Нет, я не должен и не хочу, а если вам не нравится моя позиция, уберите из книг мои главы». Это не способствовало моей любви к *Appleton, McGraw-Hill* и другим. По тем же причинам у Красной книги не было второго издания.

Первые дни *TheFetus.net* (знаменитый, доступный врачам всего мира, образовательный веб-сайт, созданный *P.Jeanty* – прим. переводчика) были медленными и давали возможность познать Интернет. Большинство людей узнавали о сайте друг от друга, несколько человек опубликовали обзоры. Охват стал быстро расти. В первые годы интерфейс сайта несколько раз менялся. На помощь пришел замечательный компьютерный волшебник: *Chuck*. С ним также связана история. Я отчаянно пытался справиться с рядом мультимедийных проблем, которые не решались звонками в службу поддержки, чтением инструкций или экспериментами. В отчаянии я сделал кое-что совсем новое: разместил запрос в группе новостей. Через несколько минут *Chuck* ответил, но мне было трудно понять его ответ. Поэтому я спросил, есть ли какое-нибудь количество *Dove Bars* (вкусное мороженое), которое могло бы убедить его вникнуть в проблемы? И сразу получил ответ. Конечно же, отправить мороженое по почте не вышло, и я отправил ему чек на несколько коробок. Недавно я напомнил ему о том эпизоде. Двадцать пять лет спустя он снова делал ревизию веб-сайта, но теперь с контрактом длиной 10 страниц!

Нашей целевой аудиторией были не только врачи и сонографисты, но также интерны, ординаторы и даже родители. Позже мы даже обнаружили там студентов: они использовали сайт для домашних заданий. Особенно способной ученицей оказалась *Zoe* (имя изменено, на тот момент ей было всего 13!). Я попросил, чтобы ее мама одобрила электронное письмо, отправленное ею. Она решила один трудный кейс, но использовала при этом неточную терминологию. Я подтолкнул ее к верному ответу, тогда она и написала, сколько ей было лет. Я был впечатлен. Мы все еще поддерживаем связь, 13 лет спустя. Сейчас она закончила колледж и публикует собственное исследование. Я не присваиваю ее успех, нет-нет. Она просто невероятно умная женщина.

“Zoe” и её куклы-цефалопаги

Google был запущен в 1998м, и именно тогда *TheFetus.net* стал очень популярным.

Много лет подряд он входил в первую пятерку поисковых запросов *Google* на слово «плод». Популярность сайта принесла результат: *Barry Goldberg*, организовавший *SonoWorld*, предложил захостить *TheFetus.net* под брендом *SonoWorld*. «Переходы» по *TheFetus* увеличивали посещения *SonoWorld* и позволяли им лучше продавать рекламу. В то время статистика была всем для веб-сайтов. Гениальная идея *Sergey Brin* и *Larry Page* заключалась в том, чтобы показать: поиск страницы не так важен, как рейтинг страницы. Рейтинг зависел от других страниц, связанных с сайтом. *SonoWorld* был коммерческим сайтом, я же развивал *TheFetus.net* как некоммерческую корпорацию. Некоммерческая организация (501c в США) не облагается налогом. Таким образом, все доходные статьи и гонорары *CME* (система продленного последипломного медицинского образования – прим.переводчика) могли полностью поддерживать сайт. Кроме того, это значительно упрощало бухгалтерский учет.

Я не хотел, чтобы *TheFetus.net* выглядел «сайтом Филиппа». Старался максимально скрыть упоминания о себе. Только на первой странице в объявлении появлялось мое имя, остальная информация была спрятана во вкладке «О программе». Чтобы сделать сайт более интересным, я начал публиковать «*Case of the Week*» («случай недели», «всемирно известная профессиональная диагностическая викторина – прим. переводчика»), *Luis Guerrero* умело сократил их до *COW*, и прозвище прижилось!

Luis Diaz Guerrero и Alberto Sosa из Венесуэлы

Fabrice Cuiller и Luc Gourand (Франция), оба хорошие клиницисты и друзья

По сути, это был тот же процесс обучения ординаторов: показываешь трудный случай, помогаешь поставить правильный диагноз. Чем больше приходится размышлять над диагнозом, тем больше вероятность его запомнить. Нужно сказать, мой собственный запас *COW* был довольно ограничен, но другие врачи начали предлагать случаи. Вскоре опубликовать *COW* стало престижным. Мы составляли списки победителей, попадание в эти списки тоже стало очень желанным. Когда я ездил читать лекции, люди представлялись: «Я двукратный победитель *COW*!». Фактически, список победителей стал соперничать со списком подавших собственный кейс. Кто-то сказал мне: «Когда я публикую свой случай, я не могу сам на него отвечать, и значит не получаю за неделю балл». С тех пор публикация кейса автоматически давала балл автору.

Если кому-то и не удалось найти верный ответ, по крайней мере, они получали пользу из проведенного поиска ответа – многие соглашались с таким, философским, мнением. Некоторые ответы были так красивы, что мы публиковали их целиком, чтобы продемонстрировать молодежи и новичкам интеллектуальный процесс, лежащий в основе успешного диагностического поиска. *Javier Cortejoso* прославился подходом в духе Шерлока Холмса. Еще один уникальный человек - *Christa Faschingbauer*, которая решила 341 кейс из 380, продемонстрировав высочайшую степень знаний, учебы, последовательности и настойчивости. Некоторые прилежные участники квестов даже упоминали о трудностях, возникавших в их семейных отношениях при разгадывании загадок: их партнеры были в некотором роде «*Fetus.net*-вдовами» или «*Fetus.net*-вдовцами».

Одним из наиболее плодотворных поставщиков отличных кейсов долгие годы был *Fabrice Cuiller*, работавший в *Reunion Island*. *Fabrice* – как раз был тем человеком, для кого публикации в литературе не столь важны, но который вносил щедрый вклад в виде сотен случаев, опубликованных на сайте.

Luc был шокирован, как и все остальные, когда Nick Ut опубликовал фотографию Kim Phuc. Они с женой усыновили вьетнамского сироту. Еще одна, связывавшая нас нить (Thao, супруга P.Jeanty, была из Вьетнама – прим. переводчика)

Нам пришлось ограничивать число попыток ответа: один врач прислал мне 130 дифференциальных диагнозов. Мы в итоге ограничились тремя, я считал это разумным с позиций клинической практики. Долгое время респонденты получали такие комментарии версий: «Отлично» или «Хорошая идея, но неправильная». Позже мы поняли, что конкуренция порой была жесткой, и некоторые придумали целые схемы. Пользователи собирались вместе, один отвечал до тех пор, пока его ответ не принимался, затем остальная часть группы давала правильный ответ. Чтобы не допускать такого, пришлось изменить подход и просто «благодарить» автора за версию, раскрывая правильный ответ только в самом конце недели.

Работа над веб-сайтом сопровождалась порой сложными ситуациями. В один из выходных я начал получать десятки писем от разъяренных родителей. В публикации о трисомии 13й хромосомы упоминалось, что, поскольку это состояние летальное, можно рассматривать вариант прерывания беременности. Группа людей, настроенных агрессивно, уничтожали меня потоками писем. Подумав, я решил написать этим родителям такой ответ: «Я благодарен, что вы любите ваших детей с трисомией 13й хромосомы, не хотите ли вы усыновить других детей с трисомией 13й хромосомы, которых не хотят некоторые матери?» На этом поток писем остановился. Я учился тактике защиты.

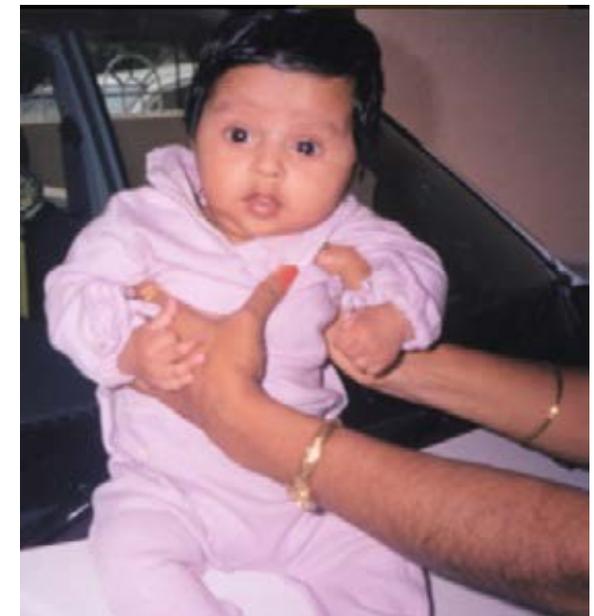
Когда началась война в Персидском заливе (для уничтожения оружия массового уничтожения Saddam), я разместил ссылку на веб-сайт, где дискутировалось мирное решение кризиса. Ранее я по убеждениям совести отказался от военной службы. Это вызвало серию неприятных писем от людей, причем тех, которые сами не использовали сайт, но были проинформированы одним из пользователей.

“Однако протестующие во всем мире, которые организованы и управляются коммунистическими передовыми группировками, продолжают сбивать с толку публику при поддержке и подстрекательстве левых профессионалов, таких как вы, прикрывающих аморальный и безбожный образ жизни псевдо-изоцирненными анти-американскими разглагольствованиями. Мой вам совет: читайте больше, представляя, что вы просто глупый полезный для либералов идиот, а не заядлый ленинист...”

Я аккуратно отвечал и сохранял полученные письма (и имена). Много лет спустя эти электронные письма очень интересны для чтения, особенно с учетом развития событий той войны.

Предоставление сайта на бесплатной основе делало его доступным в странах с ограниченными ресурсами. Многие писали мне об этом трогательные электронные письма: «Я живу в 4 часах езды от ближайшего врача в *Andes*, получать на *TheFetus* ответы на вопросы - это прекрасно». И родители были признательны. Однажды я искал изображения детей с синдромом *Ellis-van Creveld*. Я написал маме, разместившей фото очаровательного малыша, спросил разрешения использовать его в лекции. Она с радостью согласилась, сказав, что нашла сайт во время беременности. Другая мама прислала мне для консультации фотографии своего «танатофорного ребенка» (*с летальной врожденной дисплазией костей – прим. переводчика*). Я предположил, что это все же была гипохондроплазия, и с тех пор каждый год, в день рождения ребенка, получал от нее отчеты о его развитии и прогрессе.

Однажды в Индии на курсе меня встретили молодые родители. Они были еле видны за гигантским букетом цветов. Мы не были знакомы. Их врач консультировалась со мной о терапии для сильно отечного плода с аритмией. Я сказал доктору, что сам точно не знаю, но проконсультируюсь с педиатром-кардиологом *Ann Kavanaugh*. *Ann* сказала: «Беременную нужно направлять в специализированный центр». «*Ann*, спрашивают как раз из специализированного центра». Она дала некоторые советы, ритм улучшился, отечность исчезла, девочка выжила. Такие случаи очень вдохновляют.

Маленькая девочка, эхограммы которой пришли издалека... и которая выжила благодаря опыту кардиолога, никогда её не видевшего

Счастливым обстоятельством для нас было поощрять молодых врачей, подталкивать их к повышению уровня в ультразвуковой диагностике. «Я хотел бы поделиться с вами признанием о завершённой диссертации. Во вторник моя ординатура по акушерству и гинекологии подходит к концу, я искренне благодарен за вашу работу, что дали «стимул» к развитию знаний и к исследованиям, которые не прекратятся во вторник!».

Мы даже развивали академический интерес. «После ваших занятий я получил новый запас энтузиазма, страсти и энергии для преподавания, о котором не подозревал. Вы вдохновляете работать не только на профессиональном уровне в качестве радиолога, но и на более высоком уровне, чем я прежде считал возможным, на уровне обмена знаниями. Это стало поворотным моментом моей жизни.»

Некоторые читатели-авторы после обучения на *TheFetus.net* стали публиковаться в традиционных журналах. Обычно история такая: врачи присылают изображения, я им помогаю, затем они досылают дальнейшую информацию о случае, фоллоу-ап. Если случай стоящий, я советую написать об этом. Они начинают интересоваться *COW* и робко отвечают на несколько недельных квестов. Через несколько лет, увидев список победителей, они решают: в следующем году я тоже попробую. Ниже я подробно остановлюсь на истории *Franti* и *Fede*. Другие, такие как *Lusine*, выполняющие рутинную работу в весьма скучной повседневной обстановке, были рады новым вызовам и в итоге представляли кейсы на всемирных конгрессах *ISUOG*.

Один из постеров *Lusine Karapetyan* на *ISUOG 2020*

Другие, не имевшие ранее склонности подробно изучать сердце или ЦНС, начинали думать: «Хм, я могу получить этот срез, могу собрать воедино результаты». В любом случае, родители получают пользу, и удовлетворение работой возрастает.

Все это похоже на то, когда смотришь, как вырастают дети, и получаешь удовольствие от того, что помог им вырасти.

Команда *TheFetus.net*

Первым сотрудником сайта был *Chaitali Shah*, будучи ординатором в университете *Thomas Jefferson*, работал с нами в 2005м.

Следующей была *Juliana Leite*, позитивная улыбчивая бразильянка. Вместе с сонографистами они разыгрывали меня, набрасывались с разными приколами, включали заставки, переворачивавшие мой экран вверх ногами или справа налево.

Готовим с *Juliana*

Жи читает лекции в Милуоки

В кабинете

Lech Dudarewicz из Польши с Franti и Juliana, проводили вместе сессию AIUM в San Diego

Следующим партнёром был очень застенчивый победитель *COW Frantisek Grochal*, для всех *Franti*. *Franti* был полной противоположностью *Juliana*, всегда сомневался в своих силах и своем будущем. Но был трудолюбивым и настойчивым в решении проблем. Мы прекрасно проводили время вместе. Ребята останавливались у меня, и таким образом экономили на жилье и транспорте. Я построил для них небольшой флигель (во дворе собственного дома – прим. переводчика), чтобы у них была независимость.

Мы вместе покупали продукты и все такое. Однажды *Franti* купил курицу-гриль в *Costco*. Обычно он ограничивал рацион и ел спагетти, чтобы вернуться со сбережениями в Словакию. Я тогда тоже купил курицу. Вечером мы болтали: «Как твоя курица?» «Ой, очень вкусная ... Я съел всю!»

Я смеялся, потому что я только что сделал тоже самое! По выходным мы вместе рубили дрова: дом и пристройка отапливались дровами.

Franti рубит и колет дрова с моей дочерью Cerine

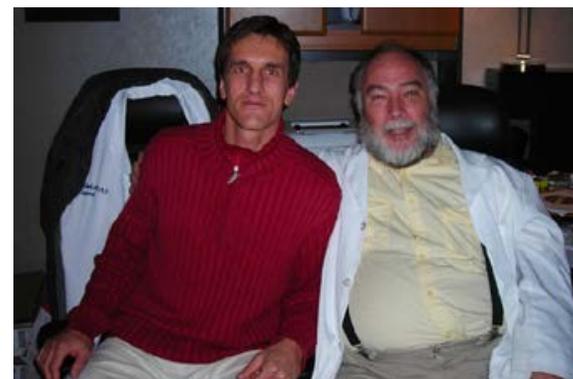
Franti был любезен. Когда у меня был сильный бронхит, он предложил мне пить лекарство, привезенное с его родины: смесь сырого лука и меда 50-50%. Это было определенно ужасно, но я не хотел его обидеть. Каждый день я выливал одну ложку, чтобы он видел: количество снадобья в горшке уменьшается. Конечно, он потом любезно признал, что домашние средства не всегда работают.

Однажды я расспрашивал *Franti* и *Irina* о традиционной еде в их странах. Было забавно: для нас троих ответ оказался общим - тушёнка из дешевого мяса с картофелем. Пища, которую придумали в бедных странах, чтобы выжить зимой. Все наши три рецепта были почти одинаковыми! Была еще забавная общая история о холодной войне. В их странах людям внушали, что американцы собираются их бомбить. А мне внушали, что российское вторжение неминуемо, учили прятаться под партой. Пропаганда по обе стороны железного занавеса была одинаковой.

Franti научился рисовать и скоро стал делать это лучше меня, я даже учился у него некоторым техникам.

Как раз когда *Franti* был у меня, появилась еще одна превосходная ученица *Irina*, из Беларуси. *Irina* тогда только учила английский и невероятно смущалась. Но была она очень умной и отличной компаньонкой. Мы вместе написали несколько лекций.

Когда *Franti* возвращался в Словакию, он сэкономил более половины своей зарплаты. Его единственной серьезной тратой была покупка высококлассного ноутбука и программного обеспечения *Sony*. В то время *Franti* работал в военном госпитале - не самом лучшем месте для практики акушерско-гинекологического УЗИ. Начальник *Franti* завидовал его успехам, вставлял палки в колёса (обычная проблема, у меня была такая же Европа). Я всегда советовал ему уходить и заниматься частной практикой. Он был перфекционистом, купил лучший аппарат (большой долг, источник бесконечной тревоги). Однажды я предложил провести курс в его городе, чтобы сделать ему "рекламу". Он сначала отверг идею: «Не наберем и 15 человек, не теряйте времени зря». Пришло 115 человек. Зрительный зал оказался слишком маленьким, и многим пришлось стоять. Приехали даже профессора из Братиславы. Лекции *Franti*, как всегда, были замечательными, его репутация была прочно закреплена. Он больше не был «просто именем в Интернете».

Feng Weng, Franti, его жена Kate и дочка Fredericka

За следующие несколько лет практика *Franti* настолько расширилась, что у него не оставалось времени для работы в *TheFetus*. Тем не менее, и через 6 лет после ухода *Franti* из группы, респонденты *COW* по-прежнему обращались именно к нему в своих ответах: его популярность не ослабевала. Он рассказывал мне, как однажды проводил осмотр второго триместра, и был ошеломлен, узнав, что муж пациентки был важным человеком. Так он понял, что стал элитным сонологом в своей стране.

Следующим человеком в команде стала молодая женщина *Thanh Tu Le Thi* из Вьетнама. Работала она отлично, но была обеспокоена предстоящей свадьбой.

Не хватает рук, чтобы контролировать этот сумасшедший ветер!

Сессия Q&A

Ти и ее руководительница, всемирно известная Nguyen Ha, представившая однажды один из самых необычных COW -эктопическую беременность с имплантацией в печени!

«Младшая сестричка» На

Они прозвали меня «Профессор Кокос», мне очень нравился свежий кокосовый сок

GE (компания General Electric – прим. переводчика) любезно предложила TheFetus.net принять для пожертвования во Вьетнаме «Voluson I» (УЗ аппарат высокого класса – прим. переводчика). Сканер типа «толстого ноутбука». Конечно, я ввозил машину контрабандой, не собираясь ничего узнавать о системе импорта в коммунистическую страну. Thao провозила отдельно датчик аппарата, так мы выглядели более «невинно». Таможенник, увидевший размер «моего ноутбука», сказал насмешливо и громко: «Очень старый ноутбук, попросите своего начальника купить вам более легкую модель!». Я горячо поблагодарил его за совет и пошел своей дорогой. Я захотел продемонстрировать новую машину родне Thao, у неё дома. Конечно, никакого геля для УЗИ у нас не было. Что в доме похоже на гель? Капля шампуня. Первоначальное сканирование получилось отличным, машина работала отлично. Однако, через несколько минут пошла явная деградация изображения. Никакие манипуляции с усилением, понижением и любыми функциями не улучшали изображение.

Это было сильное разочарование. Еще бы: везешь машину в такую даль, а она умирает за полчаса. Только тогда мне пришло в голову, что функцией шампуня является создание пузырей, пузыри - враг ультразвука. Вытерев шампунь и просто смочив кожу, мы скоро восстановили качество визуализации прибора!

Последний и нынешний мой партнёр - Federico Badano, Fede для всех. Еще один человек «всегда позитивный». Наше первое знакомство состоялось на курсе в Аргентине. Fede был нейрорадиологом. Тогда, на курсе, его восхитили доклады по акушерскому ультразвуку. Он решил добавить к своим навыкам УЗИ, а в следующем году стал победителем кейса недели! Я спросил его, может ли он присоединиться к команде (команда - было громкое слово: в ней были он и я). У Fede был хороший английский и отличные компьютерные навыки - два основных требования. К сожалению, к этому времени SonoWorld испытывал финансовые трудности, и получение временной визы превращалось в серьезную проблему. Приехать в США у него не вышло, надо было работать на удалённой позиции. Он согласился. Зарплата в SonoWorld была скромной, но Fede были нужны не деньги, а опыт. Fede также приобрел популярность среди респондентов COW. Также, как это было с Juliana и Franti, я пригласил его присоединиться к лекциям на курсах, и его солнечная личность засияла еще сильнее. Мы провели 3 информационных курса в Myanmar и несколько - в Egypt и Chili.

Fede, Gwan Jun Kim (Korea) и Franti в Мьянмаре

Сверху: Fede помогает студентам на информационном курсе в Муантар.

Внизу: David Berck, Ya Chio и Fede. Мы все носили longyi, чтобы выглядеть «более местными»

К сожалению, *SonoWorld* обанкротился. Я был вынужден сообщить *Fede*, что больше не имею для него зарплаты. У него был самый смешной ответ (хотя я ожидал от него: «Я больше не работаю»): «Не волнуйся, *Philippe*, я буду добывать себе пищу в лесу». Как можно не любить такого парня?

В течение года и более *SonoWorld* не поддерживался. Затем его передали *Inteleos*, который также пренебрегал им. Я начал активно искать другое место для размещения. *Gustavo Malinger* любезно предложил и предоставил ISUOG. Все эти перипетии продолжались какое-то время, пока *Inteleos* не продал *SonoWorld* жадной австрийской компании (*123sonography*), единственный интерес которой заключался в том, чтобы выдавить из него баллы *CME*.

В течение многих лет мы продолжали накапливать случаи и делали это без ИТ поддержки, пока компания *123sonography* однажды просто-напросто не отключила нас. Причем без предварительного уведомления, чтобы можно было хотя бы сделать резервную копию. Конечно же, никто из *123sonography* не ответил. К счастью, *Irwin Kuperberg* удалось выкупить весь *SonoWorld* обратно.

Covid нанес еще больший ущерб в 2020м. Пока изучалась механика перехода на ISUOG, я снова обратился к *Chuck*, попросил его переделать сайт с более свежим интерфейсом и убрать многолетние следы пренебрежения. Таким образом, однажды ISUOG унаследует хороший сайт, и я смогу спокойно заняться своей собственной коронарной окклюзией.

Cheryl and Pam

Окончив колледж, *Cheryl* тут же стала искать работу и подала заявку на должность секретаря в компании *Vanderbilt*. Ей предложили место у меня, с предупреждением, что «парень требовательный, эксцентричный, прошел через множество помощников; очень сложный человек, и, если к обеду вам не захочется с ним работать, мы вам подберем другую должность». Она вспоминала: «Тот день, изменил весь мой жизненный путь ... и 30 лет спустя мы все еще вместе».

Cheryl была полна энтузиазма, спрашивала сразу обо всем, мы решали все немедленно. Ее воспоминания: «В первый день обед был в известном китайском ресторане на территории кампуса. Мы вошли, его там хорошо знали. Несмотря на его сильный и непонятный французский акцент и их слабое знание английского, мы чудесным образом получили 2 заказа тройных деликатесов на стол менее чем за 2 минуты. Нас обслужили, мы всё съели, заплатили и менее чем через 10 минут вышли из ресторана. Большая часть еды попала на его рубашку и бороду, что, как я поняла, было частью его обаяния. Урок 1-го дня - Он все делает быстро и ожидает того же от остальных»

Мой номерной знак

“Я ненавижу медленные ПК”

(игра произношения и символов – прим. переводчика)

«Dr. Jeanty меня испугал, когда сказал: «Все называют меня *Philippe*». Это на самом деле много о нем говорило. Могу сказать, что за эти годы он просил меня делать по-настоящему сумасшедшие вещи, но он ничего такого, чего не сделал бы сам. Я видела, как он ехал на очень старой «Honda», у которой явно были проблемы с коробкой передач. На следующее утро он поменял свой «предварительно завязанный» галстук с тройными пятнами деликатесов, он явно надевал галстук через голову, лишь бы успокоить заведующего отделением. Он знает имя каждого секретаря и проявителя пленок и относится к ним с уважением. Урок 2-го дня - Его не волнуют материальные вещи, титулы и что подумают люди. «Not a pretentious bone in his body» («Никаких понтов» - вариант перевода, прим. переводчика). В первый раз, когда я пыталась писать его под диктовку, он был в своей квартире. Между сильным французским акцентом, быстрым темпом речи и громкой газонокосилкой, которая полностью заглушала 100% его голоса каждый раз, когда проезжала мимо окна, я практически ничего не слышала и не могла напечатать. Это было ужасно».

Слева: бейдж *Cheryl* в первый день

Внизу: *Cheryl* позирует для фотографии с *Art Fleisher* и *Wee Chong*

Cheryl была умной, организованной, умела расставлять приоритеты, а еще была веселой. Очень похоже копировала мой акцент. «Он попросил меня пойти в типографию, отправить пакет по почте и отредактировать рукопись между делом!» Я часто просил ее сопровождать меня на осмотрах, и она очень заинтересовалась ультразвуком.

Я также брал с собой *Cheryl* на несколько курсов. Ее первый полёт на самолете, первая поездка в Нью-Йорк... Она берет ключ-карту от двери гостиничного номера и смотрит на меня: «Что это такое и как оно работает?»

Roberto, *Gianluigi* и я повели ее во французский ресторан. Она смотрела меню, все было незнакомое. «*Philippe*, выбери-ка для меня!» Я выбрал настоящие французские блюда: улиток и стейк-тартар. Когда она увидела, «улиток» в тарелке, ее чуть не стошнило. Дождавшись стейка, она была разочарована: «Они подали сырую отбивную!». В конце концов, она закрылась в своей комнате и съела пачку сникерсов по 5 долларов, которые, по ее мнению, были любезно предоставлены отелем!

Roberto u Gianluigi устанавливают технику для курса в NY

Редактируя *TheFetus* и помогая мне, три года спустя *Cheryl* подала заявку во Флоридский институт ультразвука в *Pensakola, Florida*. Учитывая наши с ними многочисленные контакты, для нее это было несложным. Обучение длилось всего шесть месяцев. Специальность сонография тогда только зарождалась, обучали ей, в основном, на рабочих местах. Каждый студент готовил кейс. *Cheryl* представила случай *prune-belly* (*синдром сливового живота* – прим. переводчика) с описанием причин, дифференциального диагноза, прогноза и т.д. Она тщательно промаркировала изображения и сделала отличные слайды в *Harvard Graphics* (до *Aldus Persuasion* и *Powerpoint*). Я тогда купил принтер для слайдов *Matrix PCR* (устройство для изготовления слайдов размером с картотечный шкаф, за 15 000 \$). Он печатал слайд каждые 30 минут, то есть его нужно было запускать его в полдень, чтобы закончить съемку к следующему утру. Этот дорогостоящий матричный принтер требовал немалых усилий для печати тысяч слайдов. В один прекрасный день я получил холодный отказ от фотографа отделения, когда попросил для себя слишком много слайдов, и решил делать их самостоятельно. В итоге у меня было лучше оборудование, чем в отделении. *Cheryl* оставила на курсе наилучшие впечатления и легко закончила обучение.

Куча слайдов

Пока Cheryl была на учебе, заменила её Susan McDougal, ее имя ассоциировалось с полемикой в White Water (политический скандал в США 90х – прим. переводчика). Однажды она исчезла из моего офиса за несколько часов до того, как туда приехали Fibbies (на сленге копы, сотрудники FBI – прим. переводчика)

Cheryl вернулась ко мне уже в качестве сонографиста. Хотя она специализировалась на детской сонографии, ей было поначалу было трудно даже различать каудальный и головной конец плода. С присущим ей упорством она скоро освоила биометрию и анатомию. Мы курсировали по больнице, в отделение интенсивной терапии, иногда в морг, чтобы сфотографировать интересные аномалии. Проводили много времени в библиотеке, разбирая малоизвестные аномалии из старых книг. Однажды ездили в периферическую больницу, забирали там хориоангиому плаценты. Единственным свободным контейнером была пустая банка от *Cool Whip*. В пути из контейнера с плацентой протекала кровь, и бедной *Cheryl* пришлось предоставлять документы в отдел кадров на предмет контакта с кровью! Когда я перешел из академической практики в частную, я, конечно же, взял с собой *Cheryl* и *Pam* – еще одну мою сонографистку, которая присоединилась к нам через год после *Cheryl*. Она вспоминала, что во время собеседования не понимала, что я говорил ей, а я не понял ничего из ее слов, была она застенчивой и говорила слишком тихо. Это оказалось прекрасным началом нашей 27-летней дружбы!

Amy, Pam,
Cheryl

Иногда сонографистам приходилось подтверждать свою компетентность перед стажерами-врачами, которые порой считали себя на голову выше. Один из них принес пачку видеокассет, чтобы посоветоваться со мной. Пока пленка перематывалась на высокой скорости, Cheryl вошла в кабинет, взглянула на экран и произнесла:

-Аномалия стебля тела?

Чувство превосходства ординаторов как рукой сняло.

Анатомия сердца тяжело давалась сонографистам и ординаторам. Особенно 3D аспекты: что спереди, что сзади – непросто было понимать даже по красивым анатомическим рисункам. Однажды мы с Cheryl поехали на бойню и купили сердце свиньи. Это было приключение. Бойни расположены далеко от черты города. Не имея подходящего контейнера, мы попросили картонное ведёрко в KFC (*Kentucky fried chicken*). Идем с этой коробкой по поликлинике, а заведующий отделением спрашивает: «Можно и мне кусочек?». Он очень удивился, увидев, что у нас в ведёрке. Позже препарирование свиного сердца стало популярными на курсах *Fetal Echo*, которые мы проводили дома и за рубежом.

Первая диссекция «свиного сердца» состоялась во время плавания на каноэ по реке Harpeth. Здесь мы вымачиваем сердца в реке

Marcin проводит демо

На нашей ферме у реки был отличный большой камень, на нем можно было легко и аккуратно препарировать свиные сердца.

Препарированные сердца кромсали на корм рыбам.

Хотя сначала было только сплошное «Фууу», в конце концов все участвовали!

Кто не узнает группу модераторов?

Время от времени лучший ученик награждался призом the Fetal Echo-CHOCOLAT-graphy

Иная обстановка была в Бразилии (слева) и Баку (справа). Препарирование проводилось также в Аргентине, Алжире, Египте и нескольких городах России и Беларуси.

По понятным причинам, в мусульманских странах использовали сердце ягненка вместо свиного. Дома у нас были даже перчатки для мусульман, которые хотели выполнять препарирование, но предпочитали не касаться плоти.

Еще одним обычным методом обучения у нас была игра «*stripped-anomalies*», в общих чертах основанная на идее покера на раздевание. Мы выбирали аномалию (например, трисомию 21), и каждый по очереди должен был упомянуть одну черту синдрома. Кто делал неверное предложение или тормозил, снимал с себя один предмет одежды. В такие дни ученики умышленно носили больше украшений, чем обычно.

Без ложной скромности время от времени я обучал проведению аэро-соно-гистерографии: мои руки были вроде «влагалища», а ученики практиковались попеременно вводить физраствор и воздух в трубки.

Defne учится гистероэхографии

Мы с *Cheryl* проработали вместе 28 лет. Она так хорошо умела пародировать меня, что, если бы я умер, никто бы не заметил разницы. *Cheryl* и *Pam* проводили обычно первичные консультации, рассказывали пациентам о результатах обследования и вероятных исходах. Справлялись даже при кардиальных аномалиях.

Pam была одним из первых сонографистов в США, прошедших сертификацию *Fetal Echo*. Она коллекционировала сертификаты тестов, как другие коллекционируют марки! Они обе были способны выполнить скрининг аномалий полностью за 8 минут, со всеми измерениями и изображениями.

Такие таланты были бесценным достоянием. Во-первых, от них ничего не ускользало. Если они говорили, что анатомия нормальная, так оно и было. Во-вторых, пациенты, у которых обнаруживаются отклонения от нормы, всегда находятся в состоянии сильного стресса и упускают большую часть исходной информации. Я обычно заходил после сканирования *Cheryl* или *Pam*, подтверждал то, что говорили они, это немного обнадеживало беременную.

За 28 лет совместной работы была всего одна проблема: однажды я не оказал ей достаточной поддержки после укуса клеща, хотя она так пострадала!

Pam-ram-ram ...

У нас была принята совершенно открытая система работы над ошибками (по причине миллионов моих собственных ошибок, сделанных, когда я сам начинал заниматься УЗИ). Никогда косо не смотрели на того, кто сообщал об ошибке. Вместо этого мы все вместе садились и разбирались, как избежать подобного в будущем. Мы постепенно обновляли наше руководство по процедуре, каждая ошибка приводила к оптимизации протокола. Например, мы рутинно визуализировали выходные тракты желудочков сердца задолго до того, как это прописали в национальных рекомендациях. Многие годы мы проводили еженедельные ланчи для разборов интересных кейсов, обзор интересных статей. Напомню, что мы занимались частной практикой. Было важно не терять опыт и навыки.

Мы просили направляющих врачей сообщать нам о наших ошибках. Зачастую врачам бывает как-то неловко сообщать коллегам об их промахах. Когда удалось преодолеть первоначальное сопротивление, заработала отличная система. Уж лучше я сам буду первым, кто узнает об ошибочном диагнозе, чем наши конкуренты в городе будут хихикать по этому поводу.

Единственное, что удручало сонографистов – когда я показывал им, что они упустили. Такое бывало редко. Но однажды я выявил *situs inversus totalis*, который пропустила *Liz*. Пока я сканировал, она застыла, когда я спросил ее: ты это видела? Это было унижительно для нее. Она много отдала бы за машину времени с возможностью вернуться и повторить осмотр.

Мы изменили протоколы: необходимо было сохранять снимок с шейкой матки и предлежащей частью плода, чтобы было понятно, в головном или тазовом предлежании находился плод, а затем - двойное изображение грудной клетки и живота плода, для ориентации.

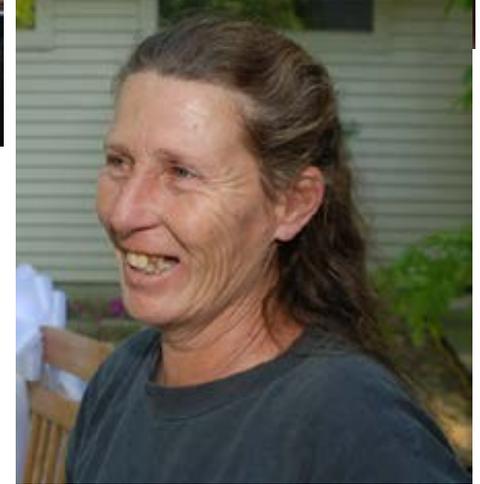
Я также призывал сонографистов делать публикации. Они написали несколько статей. В итоге, приехав навестить своего бывшего босса в Бельгии, я мог возразить на его утверждение:

- У вас в Америке нет хорошего УЗИ, потому что сканируют техники.
- Мои сонографисты опубликовали больше статей, чем все ваши врачи вместе взятые.

Неудивительно, что это был наш последний разговор.

Рат даже читала лекции на одном из курсов, ее (кажется) не запугали, и она показала другим сонографистам хороший пример выхода из зоны комфорта

Домашние обеды, частично приготовленные нашей домохозяйкой Топуа, настоящей милой деревенской женщиной с добрым сердцем. Топуа говорила как-то мне, что она была единственной женщиной в семье, ни разу не побывавшей в тюрьме. Она была бунтаркой.

Мои сонографисты были моими глазами все эти годы. Они были верными спутниками каждый день и многому меня научили. (Попробуйте быть единственным парнем во время обеда с кучей девушек в течение 28 лет!). Общение с ними было лучшей частью нашей совместной работы. Мы с ними взаимно восхищались друг другом, это была наилучшая основа для гармоничной рабочей среды.

Истории пациентов

Само собой разумеется, что единственная причина делать УЗИ - потребность пациента. Даже если нам вдобавок и нравится получать хорошие снимки.

Пациенты – люди веселые (большую часть времени). Они рассказывают самые невероятные истории. Я вот люблю болтать с ними во время обследования. Акушерским пациентам на обследовании это помогает понять, что именно мы смотрим, почему смотрим различные структуры. Для гинекологических пациенток это снижает стресс, вызванный самим положением и дискомфортом от процедуры.

Я всегда расспрашиваю пациентку о ее работе и образовании. Так я начинаю понимать, какой словарный запас использовать в разговоре, как адаптироваться к ее восприятию.

Меня, например, злит, когда врачи говорят со мной, будто я маленький ребенок, или, наоборот, будто для меня все очевидно. Рассказывая одну и ту же информацию работнице кафетерия или бизнес-персоне, вы, как правило используете отличающиеся слова и аналогии.

Чтобы найти верный баланс, слушайте вопросы пациентки. В своей лекции «Ловушки и артефакты» я говорил, что ультразвук - это 1% технологий и 99% контакта с людьми. Имея французские корни, я обычно не стесняюсь прикасаться к пациентам, чтобы выразить сочувствие или утешение. Не раз на моем халате оставались следы от помады или косметики.

родителям оказана
поддержка

Какой культуре не принадлежала бы пациентка, кроме, возможно, наиболее фундаменталистских мусульман или евреев-харедим, вы, по меньшей мере, можете взять ее за руку. В США лучше всего обнять пациентку с невынашиванием, это может быть лучшим лекарством.

Моя дочь на каникулах иногда наблюдала за моей работой. Она говорила своей подруге: «Ты не поверишь. Знаешь, что делает мой отец? Он делает неприличные процедуры полуобнаженным женщинам, а потом они встают и обнимают его на глазах у своих мужей». Да, медицина бывает разной.

Однажды меня вызвали в комнату, где сканировали пациентку из *Iordania*. Необходимо было обсудить ее ситуацию (большая киста яичника). Пациентка была не в курсе, что я присутствовал при осмотре. Женщина была подавлена из-за того, что оказалась при мне без платка. Я отвернулся, лишь только понял ситуацию. Она надела платок, мы стали общаться, но она плохо понимала, что я ей говорил. В тот же день, немного позже, гинеколог направил ее обратно ко мне, уже для аспирации кисты. Я понимал, что ей было и страшно, и неудобно. Вместо того, чтобы говорить об аспирации, я болтал о *Petra*, Мертвом море, рисовании песком в стеклянных бутылках ... Она расслабилась и была готова к процедуре. Потратив эти 10 минут, вероятно, вы сэкономите больше в итоге.

Помню как-то раз другую мусульманскую пациентку направляют в пятницу, в нерабочее время. Все уже ушли, у меня не осталось сонографиста. Направляющая медсестра, моя старая приятельница, уговаривает меня принять больную. «*Sally*, но в этот час в клинике нет женщины, которая могла бы сопровождать осмотр этой дамы!» Я слышу какой-то разговор на другой стороне линии: «Ей всё равно!». Это был единственный в жизни трансвагинальный осмотр, проведенный мною, без сопровождения третьего лица. Что, надо заметить, оглядываясь назад, было довольно глупым поступком. У пациентки был выкидыш, и она была признательна за четкий диагноз. У них с мужем было кафе средиземноморской кухни, мы долгие годы поддерживали с ними прекрасные отношения.

Иногда в интересах пациентов приходится нарушать правила и рисковать. Девизом *Primo* было: «*Mon Devoir avant mon Droit*» («Мой долг выше моих прав»).

Так что я всегда трачу время, расспрашивая пациенток о мужьях и их занятиях. Один муж пациентки был ловцом жемчуга. Я недоверчиво сказал: «Да ну! В *Middle TN* вам далеко до работы!». «Нет, я вылавливаю жемчуг в речных устрицах, здесь, недалеко». Я понятия не имел, что в *Tennessee* есть жемчуг. Добытый здесь жемчуг и перламутр используется для украшения сценических нарядов артистов кантри-музыки.

Другой муж сказал, что играет на гитаре. В *Nashville* ОГРОМНОЕ количество начинающих гитаристов. Большинство из них надеется выпустить «хит» и заработать достаточно для покупки нового дома каждые несколько недель. Жизнь - очень странная штука, полная и голода, и нелепого богатства. -Вы уже записали альбом? - спрашиваю я его.

Pam сползает со стула со смеху, беременная (пациентка) смеется, отец широко улыбается. Он оказывается знаменитым артистом, с портретами на больших рекламных щитах по городу. Я не узнал его. *Pam* извиняется за меня, говоря, что мое музыкальное образование началось с Вивальди, а закончилось Брамсом.

Похожая история произошла с другим мужем, тот обратился потом к своему продюсеру и прислал мне коробку с альбомом. Еще одна пациентка сама оказалась артисткой, правда, без сценического грима неузнаваемой. У нас было строгое правило: на работе никому не разрешалось просить автографы или фотографии у пациентов, и пациенты ценили это.

Что для певца является самым важным в его ребенке? Я имею в виду, кроме ЭТОГО органа! Правильно, голосовые связки. Я стал экспертом в демонстрации валлекул, голосовых связок и дыхательных движений на уровне связок. Это стало частью обычного осмотра и, как правило, сопровождалось реакцией «Ой, как мило». Демонстрация голосовых связок плода на учебных семинарах обычно озадачивала участников: они не были уверены, так ли уж необходимы эти изображения.

Также важно говорить с мужьями пожилых гинекологических пациенток, им особо некомфортно в кабинете УЗИ. Это не то место, куда они хотят попадать, но приходят поддержать своего спутника жизни. Глядя в глаза, обращаясь, пытаюсь помочь, можно устранить барьеры и убедить их, что их партнер в порядке.

Также приходится поговорить с маленькими братьями и сестрами. Этим часто озадачивает сама беременность: новых детей не приносят из магазина, как все остальные покупки, верно ведь?

К сожалению, я не был свободен от предрассудков. Помню пожилую женщину на гинекологическом осмотре. Я узнал, что она не работает. «Вы печете печенье?» - предполагая таким образом развить разговор. «О нет, я планирую полёты моего мужа!» Я присмотрелся повнимательнее, у нее на обеих руках были огромные бриллианты, она была явно из очень состоятельной семьи.

Я считал особенно важным продолжать разговор, если возникала сложная аномалия. Пытался выиграть несколько минут, прежде чем пациентка все поймёт и станет нервничать. У меня была заготовлена целая куча общих вопросов. В стрессе от поиска диагноза я не обращал внимания на ответы и часто задавал один и тот же вопрос, в течение нескольких минут. Тогда *Pam* или *Cheryl* покачивались стуле, как бы говоря: «Тупица, ты только что спрашивал об этом».

Был один несложный способ успокоить пациентов - дать номер моего домашнего телефона. У меня была визитка, все женщины получали ее. Вопреки ожиданиям, очень немногие звонили. Никто не злоупотреблял. Чаще мог звонить муж, который не смог попасть на обследование и не был уверен, что понимает объяснения своей жены.

PHILIPPE JEANTY, M.D., Ph.D.
Ultrasound

300 20th Avenue North, 4th floor
Nashville, Tennessee 37203
Phone: (615) 329-6690, ext. 2229
Appointments: (615) 329-6299

Fax: (208) 246-5229
Home: (615) 799-5776
E-Mail: jeanty@tbfetus.net
www.PrenatalDiagnosis.com
www.TheFetus.net

Работница гостиницы попросила провести обследование. Гордилась, что вечером ее увидели по телевизору, поскольку о семинаре рассказывали в новостях. У ее плода обнаружилась трахеомалияция. Потом мы долгое время общались с ней. Затем она стала антипрививочницей, и дальнейшее общение с этой женщиной я прекратил.

Иногда мне приходил в голову вопрос, почему родители хотят завести ещё детей, если не могут совладать с теми, которые уже есть. Одна маленькая девочка незаметно заползла под стол во время осмотра и вышибла сетевой провод, вызвав у нас в офисе полный хаос. Но приходила и пациентка из общины амишей: восемь детей с разницей в 10-11 месяцев, все безупречно одеты и вели себя прекрасно.

И наоборот. Помню семью, от которой пахло так, будто они не мылись несколько недель, а выглядели они, будто спали на улице. Я испытывал поначалу легкую неприязнь. Пока я подготавливал маму, отец очень ласково всё объяснял дочери. Мне стало стыдно за первоначальный порыв. Они получили самый длинный рулон распечаток. Я даже пригласил их в офис, чтобы показать девочке каждое изображение. Это был минимум, который я остался им должен за столь важный урок, усвоенный мною в тот день.

Для шумных маленьких мальчиков предназначалась простая уловка. Маленькие мальчики любят нажимать кнопки, как вы могли заметить, если ожидали когда-нибудь рядом с ними лифт. Я усаживал их себе на колени и просил «помочь просканировать маму». Показывал им, как нажимать одну кнопку, *Freeze*, и только один раз, чтобы заморозить или разморозить изображение. Получив такую ответственность на гигантской клавиатуре, они были горды и становились (в основном) полезными помощниками. Ну а кинопетля исправляла неточные фризмы изображений. Несколько раз ребята писали мне на штаны, но какая работа не несет в себе опасности?

Никто не мог пересказать истории пациентов лучше, чем *Cheryl*. У одной пациентки был полип шейки матки. Гинеколог поинтересовался, имплантирована ли ножка полипа на уровне полости матки или ниже, в цервикальном канале. Для лучшего ультразвукового окна в ближнем поле трансвагинального датчика, мы заполнили влагалище пациентки гелем, чтобы датчик не касался полипа. После осмотра посоветовали потужиться, чтоб гель вытек. Пациентка вернулась через несколько недель и рассказала: «Муж вернулся из командировки раньше, чем предполагалось. Я была на кухне. Он засунул руку мне в трусики и сказал: «Ого, ты думала обо мне!» У нас был лучший секс года, прямо на кухонном столе. Сделаете мне сегодня такую же процедуру?»

Была еще 84-летняя, с большими бриллиантами, на каждом пальце. Соно-гистерография, проведенная по поводу постменопаузального кровотечения, выявила полип. Женщина взяла меня за руку и тихонечко спросила: «Доктор... это можно получить, если слишком часто... с молодыми мужчинами?»

Дети были забавными. Увидев трехмерное изображение младшей сестры, маленький мальчик спросил у мамы: «Почему она без одежды?»

Не все пациенты – приятные люди.

Причем наихудшие из них, как правило, очень богатые.

Один раз приходит на осмотр в первом триместре семья, у которой было шесть девочек. И сразу же заявляет, что им нужны фотографии их «сына».

-А как Вы узнали? - интересуемся мы.

-Провели анализ ДНК плода.

Cheryl внимательно смотрит, не видит признаков полового члена, но говорит, что мол на этом сроке мы не можем сказать окончательно. Семья устраивает «*gender-reveal party*» (вечеринку, на которой раскрывается записка с указанием пола будущего ребенка – прим. переводчика). На эту пати члены семьи слетаются на частных самолетах из разных уголков США, поздравить семью: «наконец-то у них родится сын!» Они возвращаются на осмотр во втором триместре, *Cheryl* получает убедительные снимки половых губ. Она испуганно подходит ко мне с просьбой:

-Пожалуйста, расскажи им об этом сам!

Супруги вылетают из кабинета, громко, перед пациентами в приемной, заявляя о нашей некомпетентности. Акушеры подталкивают их к проведению амнио (амниоцентез – аспирация небольшого количества околоплодной жидкости для хромосомного анализа клеток плода – прим. переводчика). Амнио однозначно показывает 46, XY. Пациентка отказывается приходить в нашу клинику и дальше обследуется в другом месте. В третьем триместре другая клиника по какой-то причине оказывается недоступна, и ей приходится вернуться к нам. На этот раз *Cheryl* получает трехмерное изображение половых губ, но ничего не говорит. Было моей задачей рассказать о факте родителям (которые записывали разговор для адвоката). Ребенок родился, фенотипически это была девочка. Диагноз – 46 XY, полная дисгенезия гонад. Существует риск неопластической трансформации таких внутрибрюшинных гонад, в подобных случаях рекомендуется их удаление. Я часто думал, каково быть дочерью, воспитанной в такой семье? Как мало ценности она представляла она для своих родителей? Было ли это равносильно или еще хуже, чем вырастать при Талибане?

ИСТОРИИ И ПРИКОЛЫ ОТ КОЛЛЕГ

Поскольку я сам проходил когда-то стажировку в *UCSF*, то хорошо понимал, насколько это недешево. Жилье и транспорт в США очень дорогие. Одна девушка, моя стажер, ответила, когда я попросил сказать мне номер рейса:

-Пожалуйста, не беспокойтесь, я приеду на автобусе к вам домой сама.

Но в 30 минутах езды на машине от моего дома нет автобусов!

В результате, почти все ребята жили у меня дома, за исключением некоторых мусульманок, для которых это было не приемлемо.

Ездить вместе с ними на работу было неплохо. Я помогал им преодолевать некоторую застенчивость, узнавал об их жизни, семье, опыте. Когда я впервые взял с собой *Franti* в продуктовый магазин, он всю обратную дорогу болтал о разных сортах хлеба в магазине. Он рассказывал, как жил в советские времена: когда длинные полки для хлеба были почти пустые, на них лежало всего несколько батончиков. *Irina* не могла поверить в размер емкости с маслом. Она думала, что эти контейнеры предназначены для школ или больниц, но не для семей! Да, мы в США слишком много едим!

Один парень толково организовал свою поездку. *Claudio Coco* сумел забронировать квартиру, найти мебель и даже машину – все из Италии. В 2003 году сделать это через Интернет было в общем-то непросто. Он приходил к мне, и мы проводили выходные вместе. *Claudio* захватил с собой из дома несколько бутылок восхитительного сладкого итальянского вина: «для медитации».

Claudio и «вино для медитации».

Целый день мы работали, а затем с бокалом вина наслаждались закатом, мирной атмосферой фермы. Мы могли решить за вечер все проблемы мира. Однажды, потратив много сил, раскалывая крепкий деревянный сук, *Claudio* философски заметил:

-У вас здесь не такая уж праздная жизнь.

Claudio написал несколько статей в соавторстве с моей дочерью, которая в то время училась в старшей школе.

Claudio Coco в *Сицилии*

Еще один памятный человек в моей жизни. Молодая женщина из Индии: *Апирата Рао*. Она выглядела очень элегантно в красивом сари, но на работе одевалась в западном стиле.

Когда *Anirama Rao* гостила у нас, буря повалила дерево. Мы пошли его убирать. В чем разница между Индией и США: в Индии слоны убирают деревья, в США эту работу выполняли врачи! Однажды вечером, когда я предлагал отвезти ее домой, она сказала:

-О, я могу пройти сама, только успокойте меня: здесь ведь нет тигров и слонов?

К сожалению, в США женщины опасаются больше грабителей, чем слонов, но на ферме опасности не было!

Езда на слоне с Ани

Hector Quiroga приехал из Венесуэлы. Умный, несколько агрессивный парень, всегда читал и работал. Уезжая, осказал мне, что из своей стажировки будет помнить все наши совместные кейсы, но самое главное - как разговаривать с пациентами. И вообще, отношение к жизни. Это было так тепло с его стороны.

Eleni Tzachrista была у нас вместе с ее мужем, который стажировался у *Vanderbilt*. Я пригласил их на выходные. Им очень понравилась река. Я предупредил мужа, что ручей скользкий, на что он сказал мне:

-Philippe, я грек, мы рождены на воде!

Да, но на соленой воде. Эта река была пресной, с огромным количеством водорослей. Конечно, он сразу поскользнулся, упал и рассмеялся:

-Теперь я мокрый грек!»

Примерно в то же время, что и *Eleni*, здесь находился *Jose Sierra*, отличный парень из Колумбии. Он был тихим, а о помощи просил, только испробовав все возможные варианты. Он был из *Medellin*, столицы *Pablo Escobar*, умершего менее 10 лет назад. В офисе у меня всегда играла классическая музыка. Однажды *Jose* услышал музыку и начал ее напевать. «Это музыка из моего города» - сказал он.

Я улыбнулся, и попросил назвать имя певца. Я сообщил ему, что это была Ода радости из 9-й симфонии Бетховена. Это осталось шуткой между нами.

Jose и другие стажеры на каноэ

Defne Gurbuz, радиолог из Турции. В конечном итоге бросила ультразвук и сделала много публикаций по компьютерной томографии.

Sefa Kelekci, также из Турции, был очень скромным и решил жить в городе. Он был перфекционистом: знал, сколько минут до лифта, сколько до автобусной остановки, и не переставал восхищаться пунктуальностью автобусной системы в *Nashville*. Наверное, один из первых, кто это заметил! Он стал руководителем отделения гинекологии в *Izmir*, опубликовал множество статей.

Я делил кабинет с коллегой. Тесноватый, правда. Но позволял нам много общаться и обсуждать пациентов

Elke Sleurs прилетела из Бельгии. Из голландско-язычной части страны. Было удивительно, что она выбрала меня партнером для совместной работы. Была она веселым человеком, мы прекрасно провели время. В обмен на ультразвуковые перлы, она решила обучать меня одному голландскому слову в день. Она примирила меня с голландским! Позже *Elke* провела некоторое время с *Roberto*, прежде чем вернуться в Бельгию. Жаль, но в итоге полученные знания ей не слишком пригодились: она ушла в политику, стала Государственным секретарь по Сокращению Бедности, Равным Возможностям для Людей с Ограниченными Возможностями, Борьбе с Мошенничеством и Научной Политике.

С *Luis Goncalves* связана забавная история. Я читал лекции в *Sao Paulo*. У меня было гораздо больше материала, чем времени, я не успевал прочитать всё. Так что я предупредил аудиторию, что дам оставшиеся лекции в конце дня для тех, у кого ещё будут силы. Осталось много людей. К концу я и сам устал. Молодой человек вскочил на трибуну и спросил, можно ли задать вопросы. Конечно, ради этого я там и находился. Тогда он достал два метра бумажных записей со сложными эхограммами. Он был увлеченным человеком, таким энтузиастом, что дискутировать с ним было интересно. Восемь месяцев спустя я вернулся в *Sao Paulo* на следующий курс, и кто бы вы думали был там? Он самый! Мы общались больше, он спросил, может ли приехать ко мне в США. Конечно! Он накопил денег, чтобы приехать на целых шесть месяцев, и ... сделал эту поездку своим свадебным путешествием! Несмотря на отсутствие соответствующего энтузиазма у его молодой жены, которая проводила медовый месяц в нашем доме, а не на райском пляже в Бразилии. Ну кто приезжает в домик в *Nashville* в свадебное путешествие?

Luis был отличным парнем, сонографисты любили его. *Cheryl*, в частности, получила огромное удовольствие, обучая его американскому сленгу или правильному произношению! *-Burger вместо Booger!*

Cheryl и *Luis* через 15 лет после того, как она научила его тонкостям американского студенческого сленга. Она также была моим учителем, но мне, вероятно, не стоит писать в документах терминологию, которой она меня научила.

Luis оставался у нас шесть месяцев, выполнял работу сонографиста. Затем переехал к *Roberto*, проделал тонны кардиологических 3D-исследований и получил ординатуру. После короткого возвращения в Бразилию *Sofia*, его жена, поняла, что в США их ребенка ожидает лучшее будущее, и они переехали насовсем. Однажды они вместе с *Sofia* были с нами на курсе в Нью-Йорке. *Sofia* любила ходить по магазинам. Каждые 20 минут какие-нибудь парни из магазинов известных брендов подходили к ней, предлагая модельные контракты. Мы поразились ее популярности. Она действительно была очень красивой.

C Sofia (слева) и Eva (внизу)

Как раз когда здесь был *Luis*, к нам приехал новый парень, замечательный аргентинец *Adrian Clavelli*. Я прежде понятия не имел, что между Аргентиной и Бразилией существует конфликт. Не вникал во взаимоотношения между их странами. Тем не менее, они отлично общались друг с другом. Моя дочь поехала провести часть лета с семьей *Adrian*, чтобы выучить заодно испанский. *Adrian* жил в микроскопической квартире в *Buenos Aires*, но умудрился найти место для *Cerine*. Его жена *Sylvia* проводила педиатрическое УЗИ. Позже, во второй раз *Adrian* приехал уже с семьей, и мы с удовольствием вместе смотрели достопримечательности. Он возглавил собственную клинику.

Sylvia подарила мне набор сочетающихся галстуков и подтяжек - моя единственная экстравагантная попытка одеться модно

Adriana Valcamonico была врачом из Италии. Там у нее остался бойфренд. Однажды он позвонил ей (в то время международные телефонные звонки были очень дорогими), расспросить, чем она занимается. Она объяснила (конечно, на итальянском), что мы ищем ферму для покупки. Через несколько секунд я услышал, как она сказала своему парню «*Cretino*». Он решил, что мы занимаемся чем-то неподобающим, она быстро его осадил. Ее «*Cretino*» осталось в семейных преданиях. Позже парень приехал в гости. *Adriana* купила американский автомобиль, такой огромный, из семидесятых, с "ластами". Когда парень хотел сесть порулить, она посмотрела на него сверху вниз (она была очень высокой), и взгляда было достаточно, чтобы пресечь дальнейшие попытки. Она была довольно интересным человеком. Настоящая итальянская тигрица! Несколько лет спустя она была соавтором статьи в *NEJM* о низких дозах аспирина при гипертензии, вызванной беременностью. Быть тигром - это хорошо в академической медицине!

Fernando Heredia из Чили был дружелюбным и очень умным, мы отлично ладили. Он, кроме всего, оказался профессиональным пианистом, исполнял сложнейшие фрагменты фортепианных сонат Бетховена. Однако, из-за проблем со здоровьем кого-то из семьи, он скоро переключился с пренатальной диагностики на онкологию, и я потерял его из виду.

Не все стажеры были хорошими. Некоторые оказались, по сути, просто туристами, использовавшими бесплатную еду и жилье. Один парень из Бразилии не умел вырезать и вставлять в *Word*. Я его прогнал. Еще одна женщина из Италии постоянно опаздывала. Я сказал ей, что устал ждать ее по утрам.

-Philiip, мужчины должны ждать женщин!..

На следующий день я уехал на работу без нее, и вместо того, чтобы сделать соответствующий вывод, вечером она, видите ли, разлилась. Она тоже долго не продержалась.

Из-за того, что мой офис и дом были небольшими, было трудно принимать одновременно двух и более коллег. Выросло число желающих, возникла конкуренция.

Третьим странным парнем, в конце 80-х, был китайский врач *Yu Ping Sun*. Я уверен, что прилететь ему, видимо, было действительно трудно, поскольку в те дни отношения с Китаем были совсем другими. Он всегда носил большое зимнее пальто, независимо от погоды. Почти не говорил по-английски и задавал вопросы типа: «Где баночка с клеем для марок?». Во время обеда он ложился спать в комнате ожидания пациентов. Однажды он исчез, мы не смогли найти его. Предположили сначала, что он самостоятельно пошел в библиотеку или книжный магазин. Но вечером позвонили в службу безопасности кампуса. На следующий день агенты *FBI* приехали для расследования. Больше мы о нем ничего не слышали. Вероятно, он растворился в теневой китайской экономике. Что, кстати, довольно, грустно, принимая во внимание огромный прогресс Китая всего несколько лет спустя: он мог бы избавить себя от многих невзгод.

Sherif Derbala прилетел из *Egypt*. Приятный позитивный человек, у нас были прекрасные отношения и дружба на протяжении десятилетий. У себя в *Cairo* он был известен. Позже отправил свою дочь учиться ко мне: ученица во втором поколении. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я имел двух учеников из одной семьи. Мы с *Sherif* много гуляли по лесу. Он был философом. Когда одна из моих пациенток попросила меня стать ее врачом в раю, я разочаровал ее, сказав, что не имею религии, а значит собираюсь быть просто-напросто «изысканной пищей для червей». *Sherif* огорчился, узнав, что я атеист, и тут же предложил мне принять ислам. Я улыбнулся ему и сказал, что один из моих сотрудников хочет, чтобы я стал епископалом. Может, им собраться вместе и решить, какую религию мне лучше всего принять? Я знаю, что это была плохая шутка, но *Sherif* никогда не припоминал мне ее. Он даже подарил мне свой молитвенный коврик, который я положил рядом с кроватью.

Sherif сделал единственный перевод моей лекции на арабский язык. Он убедил меня, что в этом не было необходимости, поскольку все арабы учили английский.

Sheriff с дочерью *Yasmine* (тоже была моей курсанткой) и сыном *Youssef*

Irina приехала из Беларуси. Отчасти именно ради этой поездки она выучила английский! Ее семья была не в восторге от самой идеи: «В Америке убивают людей на улицах» - говорили ей ... Это правда, но все же вероятность подобного не слишком велика. У неё был долгий перелет, поскольку любой без исключения перелет из Минска тогда совершался через Москву. Даже чтобы получить визу, ей пришлось предварительно съездить на поезде в Москву! Понятно, что она приехала измученная. А у меня на следующий день был курс в *San Francisco*, и я предложил ей присоединиться: еще 6 часов полета! Прямой перевод белорусских фамилий на английский может отличаться от перевода на английский через посольство в России. Ее фамилия была написана настолько иначе, что авиакомпании пришлось переоформлять билет!

Irina всегда улыбалась, но было почти невозможно заставить ее что-либо сказать: она была настолько застенчивой, что мы прозвали ее *Snow Oyster* (игра слов – прим. переводчика). К счастью, она была у меня одновременно с *Franti*, который имел (ненавистные) остатки русского языка с советских времен. Наконец, *Irina* начала разговаривать! Она взяла на себя несколько проектов публикаций, читала лекции, стала более уверенно говорить по-английски. Она продолжала развиваться, сделала яркую карьеру в Минске и осталась другом на долгие годы. Она почти никогда не отвечала на вопросы о себе, но так много спрашивала обо мне, что я дразнил ее: «Ты пишешь биографию?»

Улыбка Ирины

Уезжая, Irina купила массу сувениров и подарков. Она посмотрела на свою комнату, полную пакетов, и философски сказала: «Похоже на зал ожидания на вокзале!» Но она не могла расстаться ни с одним подарком!

Одним из самых необычных моих курсантов была *Wedad*. Она пробовала отвечать на кейсы, и я с удивлением обнаружил, что отвечала она из *Iraq*. Я расспрашивал, как они пережили войну. Она рассказывала, что ее муж (инженер) модифицировал ее ультразвуковой аппарат, чтобы он работал от автомобильных аккумуляторов, и когда бывало достаточно электричества, они могли заряжать батареи и работать. Доступ к воде был так же ненадежен. Я восхищался ее решимостью не только работать, но и пытаться учиться в столь тяжелый период. Узнав ее получше, я предложил принять ее как беженку. У меня была свободная комната во флигеле, немного денег я мог дать ей от *TheFetus* за отправку кейсов.

За много лет до этого я предложил *Alexandra Novakov* то же самое, чтобы спасти ее от войны. Когда война, наконец, закончилась, мы подготовили всевозможные документы. Правда, тогда ее муж предпочел остаться в Сербии. Позже мы встретились в *Belgrad*, когда она попросила меня подписать ее ксерокопию «Красной книги».

Между тем, выяснилось, что муж *Wedad* работал переводчиком в армии США, то есть имел право на получение визы в США. Так что однажды они приехали всей семьей. У них было три дочери, в комнате им было тесновато. Моя дочь *Cerine*, ее муж, их друг и я построили специальные двухъярусные кровати, чтобы у детей была хотя бы теплая постель.

Две ее старшие дочери говорили на безупречном английском, чем произвели на меня впечатление. Они изучали язык, просматривая американские фильмы снова и снова и озвучивая их. Младшая девочка была стеснительной и явно травмированной. Война, переезд в совершенно другую культуру, перевод в новую школу. Кто смог бы обвинить ее в развитии посттравматического стресса? Со мной поработали какое-то время старшая дочь и сама *Wedad*. Семья была хорошая. Проблемы возникли из-за мужа, который отказывался рассматривать позицию ниже инженерной. Он не хотел начинать с нуля. Они приехали в начале Великой рецессии, соответствующих рабочих мест не хватало. Через шесть месяцев мне надоело спонсировать семью мужчины, который даже не искал работу, и я посоветовал им найти другое жилье. *Wedad* стала сонографистом.

Nattinee и *Tharinee* были очень хорошими тайскими врачами MFM (материнско-плодовой медицины – прим. переводчика). К сожалению, во время их визита я серьезно приболел и чувствовал себя виноватым, что недостаточно занимался ими. Они сблизилась с моей женой *Thao*. Позже я попытался компенсировать отсутствие заботы с моей стороны, прочитав курс в их больнице.

«*Pop*» (прозвище *Nattinee*) с мужем и дочерью и *Anne* (*Tharinee*).

Tharinee и *Nattinee*,
препарирован
ие сердца

Eva Rakanska была из Чехии. Она приезжала дважды. У нее сложились очень хорошие отношения с моими сонографистами, которые познакомили ее с нашим аппликатором, тезническим специалистом по использованию ультразвуковых аппаратов. Эти двое тоже нашли общий язык, поженившись. *Eva* сдала *USMLE*. Я познакомил ее с программой резидентуры, которую она в итоге выбрала. Сейчас она работает гинекологом в местной практике. Ответы на *COW* ведут в разных направлениях!

Мои стажеры украсили мою жизнь. Их вопросы стимулировали. Их усилия не пропали даром. Наша дружба продолжалась. Я до сих пор поддерживаю связь с большинством из них, особенно теперь, во время нынешней пандемии *Covid*. Это как иметь большую семью. Мне нравится читать или слышать об их детях, успехах и продвижениях.

Как мы проводили время с курсантами

Помимо работы, у нас было немало совместных развлечений. Понятно, что, кулинария - первое, что нас объединяло. Мы обменивались кулинарными техниками (конечно же, не все ребята готовили!)

Danilo Dordoni был одним из курсантов, итальянцем. Как-то мы возвращаемся с работы, обсуждаем обед. Я спрашиваю: «Тебе нравится паста?» «*Philippe!* Я же итальянец!!!». Прихожу домой, беру яйца, муку, немного базилика с огорода, оливковое масло, начинаю все перемешивать. У нас есть машинка для нарезки теста феттучини. *Danilo* смеется и говорит мне: «Когда я сказал, что готовлю макароны, я имел в виду, что я открываю картонную коробку и бросаю в кипяток, а не изготавливаю их с нуля! *Philippe*, расскажу эту историю своей маме. Ей должно понравиться».

Живя на ферме, ты имеешь возможности гулять по лесу, рубить дрова. Это, собственно, и есть мои главные рецепты лечения жизненных разочарований.

Один из бразильских курсантов

Большие костры очень нравились «городским».

Древесины в запасе у нас было достаточно. Многие друзья занимались деревообработкой и участвовали в строительных проектах.

Стол, изготовленный Franti

Juliana
поворачивает
горшок

Бразильский курсант на лесопилке

Fernando Guerra играет на пианино во время перерыва на курсе Fetal Echo.

Ферма была отличным местом для проведения встреч [Little People of America](#) (объединение людей карликового роста – прим. переводчика). Мои ребята-стажеры многому научились, общаясь с маленькими американцами.

Помню раз «AJ», вот этот подписанный малыш в желтой рубашке на фото, хотел открыть дверную ручку, но не смог до нее дотянуться, я подошёл, чтобы помочь. Его мать остановила меня: «*Вы хотите, чтобы мальчик чувствовал себя беспомощным? Он может подставить табурет!*». Для меня это был глубокий познавательный опыт, повлиявший даже на мою манеру общения с пациентами. Не относитесь к своему ребенку как к беспомощному, иначе он именно таким и станет.

Через 15 лет, благодаря своей маме, AJ не стал беспомощным «инвалидом». Обычный ребенок, с коротким скелетом! Еще несколько лет спустя AJ стал стэнд-ап комиком в *Las Vegas!*

Смешная история. Один из детей как-то сказал маме: «У Philippe в ванной есть питьевой фонтанчик как раз для нашего роста!». Фуух... Нам пришлось повесить табличку на биде

Я знал многих из этих детей еще с тех пор, когда они были эмбрионами. Парень с палкой на фото ходил в медицинскую школу, когда мы с ним в последний раз общались.

Один из моих стажеров однажды был поражен, спросив одного из этих детей, чем они занимаются в школе. Получил ответ: «Дифференциальными исчислениями». Имейте в виду: размер не всегда определяет уровень!

Тайские курсанты *Pon* (в центре) и *Ann* (вверху слева). Низкорослая девочка в желтой рубашке - та же самая, что в синем купальнике на картинке выше. Жизнерадостный ребенок, в своей жизни перенесший больше операций, чем ей было лет. Ее родители (стоят у нее за спиной, у них заметны *Achon* и *Hurochon*) (*ахондроплазия* и *гипохондроплазия* – прим. переводчика)

Мне всегда бывало интересно узнать о жизни людей со скелетными дисплазиями, с которыми мы встречались во время зарубежных поездок, сравнить их опыт с опытом подобных людей в США.

Мужчина с Ахоном в Красноярске, Сибирь

С носильщиком в Shiraz, Iran. Не знаю точно, какой именно тип карликовости у него

Когда меня познакомили с этой пациенткой, моей первой фразой было «я не разбираюсь в педиатрии». Мне улыбнулись и сказали: «Нет, она жалуется на первичную аменорею, ее беспокоит бесплодие»

Juliana и Fernando Guerra играют в ручье

В разное время мы держали лошадей, коров и овец. Запомнился один эпизод. У одной коровы тяжело проходили роды (головное предлежание с предлежащей ногой и запрокидыванием головки). Ветеринар попытался провести репозицию ноги и потянуть за голову. Большинство читателей этих воспоминаний - акушеры-гинекологи, которые, несомненно, не одобрили бы такую тактику. Но у коров такое выполняют. Маневр не сработал. Теленок погиб внутриутробно и родиться не мог. Нам пришлось держать корову, пока ветеринар орудовал тонкой гибкой пилой, перерезая шею теленка: древняя, средневековая, плодо-разрушающая практика родоразрешения. Стажер, который все это время держал корову, был впечатлен. У коров поверхность эндометрия не такая гладкая, как у человека. Плацента у них многодольчатая (котиледонная), образована множеством небольших шишковидных долек, которые развиваются в «карункулах» слизистой оболочки матки. У одной из наших коров был выворот матки, и ее эндометрий казался мне совершенно необычным. Но ветеринар поправил меня, сказав, что это нормально. Ему тогда пришлось вправлять выворот матки, еще и накладывать серкляж для профилактики рецидива. А при диссекции цыплят мы, например, обнаружили, что у птиц нет диафрагмы. Это было сюрпризом, прежде я полагал, что все позвоночные, которые дышат воздухом, имеют диафрагму (на самом деле нет, только млекопитающие, а среди рептилий - только крокодилы).

Приготовление мехуи

Adrian и Sylvia разделяют оленя

Мой сын Cedric любил охотиться, Все вокруг помогли в препарировании, оно было практикой по сравнительной анатомии. У оленей нет верхних резцов, только твердое небо, которым они измельчают пищу. У них нет и желчного пузыря, поэтому рассечение брюшной полости проводить проще (не хочется разливать желчь на будущую еду!). Однако у них есть тарзальная пахнущая железа, ее следует избегать с большой осторожностью, та как она портит вкус любого мяса, с которым соприкасается. Легкие и сердце тщательно брались «блоком» для изучения анатомии.

Я катал своих курсантов (здесь Angelana Capelanes) на каноэ по реке Harpeth. С другим стажером нас однажды настиг ужасный шторм, вокруг гремел громом. Мы были сильно напуганы.

Истории из путешествий

Радиологи обычно проводят всю жизнь, глядя в экран в темной комнате. Мне же досталась привилегия – возможность выступать с презентациями в разных точках по всему миру. Во время поездок случались забавные истории.

Полётные истории

Помню первую поездку в США, с пересадкой в аэропорту *JFK*. Когда самолет снижался к аэродрому, на мили вокруг, тут и там, я видел лишь крошечные домики и больше ничего. Я даже забеспокоился: где высокие небоскребы, которые всегда ассоциировались с Нью-Йорком? Я даже задал этот вопрос бортпроводникам, которых, должно быть, уже сотни раз спрашивали об этом: «В целях безопасности мы не приземляемся между небоскребами». Она, скорее всего, подумала: «Ты болван», но не сказала этого.

Прежде, до начала поездок с лекциями, я несколько раз летал, помню даже кое-какие забавные истории, связанные с самолетами.

Однажды мы приземлялись в *Filadelphia*, другой самолет летел параллельно так близко, что мы могли видеть лица людей. Я так и не узнал, что произошло, но наш самолет совершил маневр уклонения и сделал круг, прежде чем зайти на вторую посадку.

В другой раз, сидя в носовой части самолета, я увидел, как между плиток пола поднимался дым. Бортпроводники сказали, что это водяной пар, от изменения высоты. Я уловил разницу в запахе и настоял, чтобы сообщили пилоту. Внезапно самолет пошел на снижение. Пассажиры смотрели друг на друга, недоумевая, что происходит. Мы были недалеко от *Nashville* и приземлились между пожарными машинами, которые стали заливать самолет пеной. Пассажиры получили инструкции: оставлять вещи в самолете и выбегать через ближайший выход. Там развернули аварийные трапы. Я прежде не скатывался по горкам из самолетов, они довольно крутые. Мгновение - и вы на земле. Я был молод и находился в носовой части борта. Я стал помогать капитану: останавливал падающих каскадом пассажиров, помогал им вставать на ноги. Менее чем за 3 минуты самолет опустел. Отлично, кстати, учитывая время, которое обычно требуется, чтобы всем выйти из самолета. Автобусы довезли нас до терминала. Через час привезли личные вещи. Позже мы узнали, что один из пассажиров незаконно пронёс в грузовой отсек отбеливатель для синих джинсов. Контейнер протек, что и стало причиной пожара. Когда капитаны говорят вам, что бортпроводники работают для вашей безопасности, они правы. Это было очень профессионально организовано, все было благодарно им за результат

Самым странным моим полетом был рейс из *Dubai* в *Kabul* в 2002м. Полная история этого путешествия приведена ниже, эта часть касается, собственно, полета. Афганистан, прошедший через долгую войну с Россией, находился в начале долгой войны с США. Понятно, что у национальной авиакомпании «*Ariana*» были разграблены самолеты. Борт, которым я летел, был чисто белого цвета, без опознавательных знаков. Внутри все этикетки были на испанском! Самолет провёл всю свою жизнь в Латинской Америке, когда стал слишком стар, чтобы летать, был продан Индии, там был подготовлен ко второй жизни и, наконец, передан Афганистану.

Старый Boeing 727 без маркировки!

Это был первый в моей жизни самолет без ремней безопасности. Во всяком случае, ремни были не на каждом сидении. Я перебрался на другое место, пристегнулся и смотрел в окно. Люди были невероятно недисциплинированными. Они курили и стояли в проходе, даже когда самолет взлетал. Будучи единственным жителем Запада в этой ближневосточной смеси, я не собирался делать замечания по поводу безопасности. У кого-то из них наверняка была джамбия (такой короткий изогнутый кинжал), и я не хотел знать, у кого именно. Окно было поцарапано и выглядело как матовое стекло. Тем не менее я видел большое масляное пятно на крыле, а одна из панелей крыла сильно вибрировала.

К середине полета остатки заклепки, удерживавшей угол панели, слетели, и от вибрации возник звук, напоминавший газонокосилку. Посадка была довольно обычной, необычной была взлетно-посадочная полоса. Обе ее стороны были завалены трупami самолетов и вертолетов. Здесь кабина, там крыло, там половина корпуса. Нечто похожее на кладбище автомобилей, куда люди ходят собирать запчасти.

По прибытии поздно вечером в Mongolia, мы проходим погранконтроль, забираем багаж и ищем водителя, который нас заберет. Ни водителя, ни объявления, ни сообщения. Это всегда меня невероятно бесило. Аэропорт закрывается! Подходит невысокий старик, что-то говорит по-монгольски и показывает 4 пальца. Я отмахиваюсь от него, поскольку понятия не имею, чего он хочет. *Thao* считает его подозрительным. Аэропорт пустеет, охранники начинают уходить. Старик появляется снова и опять показывает нам 4 пальца. Я предполагаю, что это цена, чтобы добраться до отеля. Я пытаюсь сторговаться до 3. Но не тут-то было. Выходим. Нет никаких такси, есть только маленький русский клон *Fiat*. Кто-то сидит впереди и тихо разговаривает. *Thao* обеспокоена еще больше, уверенная, что нас похитят!

К счастью, мы выезжаем на межштатную автомагистраль, и все выглядит более привычно. Но в какой-то момент парень вдруг притормаживает и резко сворачивает на крохотную грунтовку. Ногти *Thao* вонзаются в мою руку, она предлагает выпрыгнуть из машины, пока он не причинил нам вреда. Я не был уверен, потому что не думал, что, in the middle of nowhere (в безлюдной глуши – прим. переводчика) мы найдем какую-то помощь. В конце концов, мы все-таки приехали в *Ulaanbaatar* и даже в отель. Цена, которую он озвучил, была вдвое выше обычной, но выбора не было. Поворот на грунтовую дорогу был вызван ремонтными работами на шоссе и был довольно невинным.

Еще был рейс, в *Columbia*. Вскорости после крушения 757-го, в горах тихоокеанского побережья *Columbia* в 1995м, где погиб 151 человек. Я летел с побережья в *Bogota* на старом 2-х винтовом самолете. От побережья до северного конца гряды Анд самолету нужно набрать значительную высоту: *Bogota* расположена на высоте 2600 м. Внезапная смена звука гудящего мотора привлекает всеобщее внимание. Приказ пилота: пассажирам снять обувь и принять согнутые позы, как при крушении. Самолет забит туристами: очень экстравертными латинскими туристами! Начинаются крики, религиозные жесты, в каждом ряду, на каждом сиденье. Видимо, все эти крики долетели-таки до высших сил, потому что через несколько минут легкой тряски гудение двигателей возвращается на прежний уровень. Общий вздох облегчения, все внимательно слушают моторы. Разговоры стихают, молчат даже маленькие дети! Через 30 минут сцена повторяется, вновь с криками и мольбой. Я не завидовал пилоту, который пытался устранить неисправность двигателя своей ракеты, находясь за весьма хлипкой дверью (до 11 сентября дверь кабины пилота больше походила на занавески, чем на реальные двери). На этот раз мы сильно теряем высоту (видны огни поселений внизу, а потом и огни в домах). Самолет ковыляет в *Bogota*, пилот объявляет, что аэропорт уже в поле зрения, и нам следует вернуться в позицию, как при крушении. Незадолго до приземления самолет становится устрашающе тихим: останавливается второй двигатель. Самолеты с винтами тормозят за счет изменения шага лопастей, без двигателей их остановить намного сложнее. Наконец, мы останавливаемся в конце взлетно-посадочной полосы. Пилот получает бурные аплодисменты. Когда мы, выходям в конце концов из самолета, некоторые женщины передают пилоту свои драгоценности. Мне прежде не доводилось видеть такое.

Один пилот, побывавший в горячих точках Афганистана, был реально крут. Он знал свою машину, как знают друг друга люди после многих лет, проведенных вместе. Он поддел меня: «Ты испугался вначале, а?». Как говорится в пословице: лучше находиться на земле, мечтая подняться в небо, чем находиться в небе, желая оказаться на земле. Мы имели подобный опыт во время тяжелого полета в Монголию. Чередование пустынного ландшафта и голых скал вызывало нежелательные восходящие потоки тепла, именно они сотрясали наш маленький самолет, словно листок в адской пустыне.

Конечно, не все истории полетов были страшными.

Как-то раз, на рейсе из *Puerto Vallarta*, моя соседка по бизнес-классу берет телефон из сиденья перед ней (помните такие?) и начинает оживленный разговор. Через несколько минут включается пилот по внутренней связи:

- Дамы и господа! Благодаря миссис такой-то - такой-то, мы получили разрешение использовать взлетно-посадочную полосу № 17 в *DFW*. Это сократит нам примерно 9 минут руления до терминала.

Жених моей соседки оказался авиадиспетчером, и мы получила бонус для посадки самолета! На самом деле, мы прилетели настолько раньше, что пришлось ждать, пока предыдущий самолёт освободит гейт.

После фиаско с самовоспламенением *Samsung Note 7* все авиакомпании стали тщательно проверять безопасность телефонов. Они теперь объявляют: «Если вы потеряете телефон в кресле, не перемещайте сиденье, чтобы не повредить телефон, вызывайте бортпроводника». Клиенты думают, что это такой сервис. На самом деле это предотвращение раздавливания и возгорания аккумулятора. Я уронил телефон во время полета *Lufthansa*. Прошу помощи у бортпроводника, потом у бортиженера. Они не могут его найти. Меня пересаживают на следующее место. Позже ночью телефон нашлся через два ряда, соскользнул при турбулентности. *Pfeww!*

Пилот вертолета вносит «коррективы» после неудачной первой попытки поднять вертолет.
Камчатка, Россия

В другой раз *Thao* теряет телефон. Стюардесса не хочет помочь (черт возьми, ведь им проще помочь!), я иду к супервайзеру и сообщаю об этом, как о нарушении безопасности. Простая разница в формулировках – и супервайзер находит телефон за секунды.

Иногда проблема не в воздухе, а на земле. Например, задержанные или отмененные рейсы с очень плотными стыковками.

Прибудьте в Chicago, O'Hare в 19:05, пройдите миллион км по аэропорту до пограничного контроля, сядьте на автобус до нового гейта и вылетите в 19:39. На все 34 мин. Благодаря Global Entry у меня получилось

Медицинская помощь в воздухе

Когда по внутренней связи объявляли «Есть ли доктор в самолете?», я обычно был склонен промолчать. Если просьбу повторяли - чувствовал, что должен ответить. В принципе, чем может быть полезен радиолог, плохо слышащий, не знакомый с клинической медициной?

В тот первый раз я летел с сыном *Cedric*. Был длительный перелет в Индию. Пациентом был пожилой мужчина с явной сердечной недостаточностью. Я пытался прислушаться к его легким, но из-за близкого рева реактивного двигателя это было иллюзией. Его артериальное давление было приемлемым, но были выражены отеки ног (у кого бы их не было в долгом перелете эконом-классом?). Мы пересадили пассажиров вокруг, уложили пациента на четырех креслах, приподняв его ноги. Бортпроводники сформировали вокруг него палатку с занавесками, вышла «настоящая» реанимация в небе. Стюардесса спросила, хочу ли я посмотреть список лекарств. Я не назначал сердечные препараты с того времени, как учился в медицинском университете, то есть 24 года, но смутно помнил, что у сердечников применяли какую-то *штуку-для-изготовления-бомб*. Естественно, целых пять минут я не мог вспомнить название. О да! Нитроглицерин.

-Вы хотите таблетку 5 мг или таблетку 10 мг?

Откуда мне было знать? Я отчаянно искал какого-нибудь другого врача для помощи. Подумал, что если 5 мг - это хорошо, то 10 мг должно быть лучше: давайте попробуем 10 мг.

Не успел больной принять лекарство, подходит пилот и спрашивает, надо ли сажать самолет или можно продолжать рейс. Как может радиолог, который делает УЗИ в акушерстве-гинекологии, вообще принимать такое решение??

-Мы над Тегераном.

Я тут же представил себя заложником в посольстве и сказал капитану:

- Думаю, можно продолжать.

Я чуть не помочился в штаны.

Когда-то раньше (давно) я ухаживал за кардиологическими пациентами в отделении интенсивной терапии (см. выше, раздел *Primo*). Я и здесь проделывал то же: отслеживал диурез, артериальное давление, пульс, отеки стоп и т. д. В основном, для своего успокоения, надо заметить. Старик был благодарен за внимание, и, что намного важнее, он дожил до Mumbai, куда приехала скорая. Я отдал лист, где записал жизненно важные показатели, лекарства, потребление жидкости и объем мочи (измеренный в стаканах или полустаканах, у нас не было чего-то более точного). Моя рубашка и штаны были мокрыми от пота. *Cedric* был горд, услышав эту историю: бедняга провел большую часть полета один. *British Airways* повела себя превосходно. На обратном пути нам с сыном повысили класс обслуживания до бизнеса - первого в моей жизни на длительном перелете. *Cedric* был в восторге: сидеть в бизнес-классе! Он и без того был впечатлен обедом в эконом-классе, так что дела шли великолепно. Они подарили мне бесплатный бизнес-билет в кругосветку, которая через год стала отдельной историей!

В настоящее время врач во время полёта может связаться с наземной службой, которая обеспечит помощь: гораздо более безопасная система.

После первого позитивного опыта далее я чувствовал себя более комфортно, отвечая на вопрос, есть ли на борту доктор.

Следующей была женщина, летевшая в *Nashville*: холодные ноги, сильная боль в животе и спине, при пальпации - «шум» в мезогастррии. Трудно проводить медосмотр пациентки одетой и сидящей в кресле самолета. Я заподозрил у нее аневризму аорты, ее срочно доставили к *Vanderbilt* после посадки. К сожалению, с дурацким *HIPPA* я не узнал продолжения истории.

Еще случай, наиболее драматичный. На рейсе в *Egypt*, у пожилого пассажира обостряется сердечная недостаточность. Сам больной говорит на каком-то египетском диалекте, его сын переводит бортпроводнику на арабский, бортпроводник переводит для меня на английский. Довольно сложно выяснить анамнез. Я думаю: «Если у меня умрет этот мусульманин, я, житель Запада и гражданин США, буду убит по прибытии». У *Egypt-Air* нет лекарств, даже на манжету для давления им требуется время. Этого старика мы также укладываем горизонтально, с приподнятыми ступнями. К счастью, недалеко от Каира. В итоге, мы с пациентом выжили. Когда мы подходили к багажной карусели, пассажиры даже аплодировали!

Следующая история, более забавная, произошла в *Iran*. В этой стране люди к нам относились тепло, но требовалась осторожность, чтобы не задеть власти. Мы в зале ожидания, ребенок 10-12-лет пытается заговорить с *Thao* и мной. Мы предлагаем ему конфету (обязательно завернутую, иначе родители не примут). Ребенок спрашивает разрешения у родителей съесть это. Улыбчивый ребенок в забавной шляпе.

Мы прощаемся, идем на посадку, занимаем места на борту. Мальчик оказывается в нескольких рядах от нас. Рейс направлялся в *Ryad*, полеты в Саудовскую Аравию не слишком веселые, всегда с долгими молитвами перед взлетом. Раньше на борту даже давали короткое сообщение на английском, чтобы жители Запада не паниковали во время длинной молитвы.

Стюардесса обращается к пассажирам, спрашивает врача. Я отрываюсь и встаю. Пациентка - тучная женщина, ни слова не говорит по-английски. Ее муж с ней рядом, но отказывается смотреть в глаза. Не говорит, на что жалуется его жена. Пациентка - женщина, и попытаться обследовать ее было бы глупо с моей стороны. Недавно ее прооперировали – это все, что я смог узнать. Что именно за операция и как давно была – узнать невозможно. Это Саудовская Аравия, естественно, все бортпроводники мужчины, и они тоже не могут получить необходимую информацию. Наконец, мы получаем манжету для измерения давления, которую она позволяет наложить на ее абайю. АД в норме. Имея нулевую информацию о ней, я предлагаю положить ее на несколько сидений и приподнять ей ноги (мне кажется, это универсальное лечение? По крайней мере, стоит использовать эффект плацебо). Ее муж отказывается переходить на другое место! К счастью, мы были недалеко от *Ryad*, я возвращаюсь на свое место. Тот мальчишка из аэропорта радуется и заявляет, что «его американский друг спас женщину», рассказывая обо мне всем в аэропорту.

Последние два случая были менее впечатляющими. Почечная колика, настолько очевидная, что даже я смог ее распознать. Парень получил морфий и остаток полета провел в задней части самолёта. Следующей была молодая женщина, у которой явно происходил выкидыш, и нечего нельзя было поделаться, пока мы не приземлились.

Женщина с вывихом лодыжки на обочине дороги

Один раз я сам был пациентом. На курсах от *Kypros* в *Lissabon* я проснулся с невероятной болью в спине. Совершенно не мог двигаться. После некоторых размышлений позвонил на стойку регистрации, попросил прислать кого-нибудь, помочь мне одеться. Потопапал на завтрак, где *Gianluigi* и *Yves Villes*, подготовленные лучше меня, предложили немного опиоидов. Презентацию проводил в полусонном состоянии. *Kypros* попросил кого-то из местных врачей отвезти меня в больницу. Так как я улетаю на следующий день, мне не могли сделать спинномозговую инъекцию (пузырьки могут расширяться и вызывать проблемы, нужна осторожность, как при дайвинге). В аэропорт пришлось ехать в инвалидном кресле, в первый раз. И это было очень печально. В то время кресла бизнес-класса на борту полностью не раскладывались, ну а сидеть было невозможно. Стюардесса любезно спросила капитана, и мне разрешили провести полет, лежа на полу камбуза бортпроводников. Капитан сам однажды испытал подобный опыт и очень мне сочувствовал.

Опиоиды заставляли меня спать, и полёт оказался удивительно коротким. Однако полет от *New York* до *Nashville* на *puddle hopper* (маленький самолет для внутренних рейсов – прим. переводчика) стал настоящей пыткой.

Байки из путешествий

Безусловно, самой необычной была поездка в Афганистан.

В 2002м, всего через несколько месяцев после начала в Афганистане войны, *Marveen Craig* (пионер сонографии в США) прислала мне письмо по электронной почте. На форуме одного из интернет-сайтов врач из Афганистана пожаловался: «Американцы посылают только бомбы, а нам нужно образование!».

Marveen и ее муж Walter (также пионер сонографии) в 2020 году

Marveen, добрая душа, тут же подумала: «*Philippe* нравится заниматься международным образованием, *Philippe* подойдет». Ну конечно, я согласен, почему бы нет. Этот курс, конечно, абсолютно не финансировался. Но, к счастью, я получил от *British Airways* «кругосветное путешествие» (см. «Медицина в воздухе» выше). Бесплатную поездку предстояло оформить в лондонском офисе авиакомпании *BA*. Связаться с ними было непросто (попробуйте созвониться с этим офисом из США в 2002м и перемещаться по меню, озвученному на британском!). В качестве дополнительного осложнения, моя помощница, во время моего отсутствия, решила удивить меня, наведя «порядок» на столе. Я вернулся к идеально упорядоченному столу, на котором ничего не нашел. В частности, она понятия не имела, куда делось письмо от *BA*. То есть все оказалось под угрозой срыва еще до начала. Но тут из ее сумочки выпадает помада, нам приходится выдвигать ящик стола, и там, сбоку, лежит письмо *BA*!

Связь с *Kabul* была еще более ненадежной. Было непонятно, кто приглашает, кто занимается организацией на месте, и другие детали.

Только за день до отъезда я получаю информацию, в какой, собственно, отель собираюсь. Интересно, что по дороге в аэропорт из новостей *NPR* узнаю, что отель *Intercontinental* (не уверен в точном названии) только что был взорван. Но я еду в любом случае, это решено. И беру с собой два полных чемодана купленных учебников по ультразвуку, чтобы раздавать их. Так что чемоданы у меня очень тяжелые.

Чтобы попасть из *Nashville* в *Kabul*, я следую сначала в *Atlanta*, перелетаю в *Heathrow*, затем в *Dubai* и, наконец, в *Kabul*. Самолет из *Nashville* взлетает, но шасси не складываются, мы кружим 5 минут и возвращаемся. В принципе, от *Nashville* до *Atlanta* - короткий 45-минутный перелет, думаю, они могли бы и полететь, но, конечно, *FAA* не спрашивает моего мнения. Следующий рейс слишком поздно, и я не успеваю в *Heathrow*! Паника! Я предлагаю выход: попробовать полететь в *Chicago* и сесть на *Chicago-Heathrow*, и, как ни странно, время совпадает. Мне приходится поторопиться, поскольку борт из *Chicago* готовится вылетать. Это все происходит вскоре после 11 сентября. Службе безопасности не нравится идея изменения маршрута в последнюю минуту, особенно с вложенными рейсами! Дальше полететь в *Chicago* - это идея, но рейс в *London* должен быть изменен головным офисом в *London*, с учетом временной разницы - в офисе нерабочее время. Я рискую и лечу в *Chicago* в надежде, что *American Airlines* сдвинут следующий рейс. Удивительно, но им это удается. Я у гейта, в *Chicago*. Однако мои чемоданы задерживает охрана. *TSA* (Закон о транспортной безопасности), принятый всего несколько месяцев назад, настроен так, чтобы не пропускать террористов. Почему я беру так много учебников и, что особенно их интересует: почему моим конечным пунктом назначения является страна, с которой мы находимся в состоянии войны? Они вытаскивают из чемоданов каждую книгу и перелистывают страницы, как будто в поисках наркотиков (ну кто ввозит наркотики в Афганистан ???) *BA* смотрят на меня так, словно я не имею отношения к их рейсу, и лишь потому, что я лечу бизнес-классом, они немного терпимее. После препятствий я наконец добиваюсь своего. И даже пропускаю несколько рюмок в самолете, чтобы снять стресс!

Трансфер из *Heathro* в *Dubai* проходит без происшествий. Я получаю электронное письмо, в нем говорится, что билет *Dubai-Kabul* мне передадут в отеле - в «нескольких минутах ходьбы» от аэропорта. НЕ БЫВАЕТ коротких пеших прогулок с двумя большими чемоданами после двух долгих перелетов... ну да ладно. В 2002м *Dubai* - еще далеко не такой шикарный город, как сейчас. Все достопримечательности, которые мы ассоциируем с *Dubai*, датируются 2005м (кроме *Burj Al-Arab*, отеля, похожего на парусную лодку). Я прилетаю невероятно уставшим. Забираю багаж и, следуя примитивным инструкциям, иду пешком, ищу отель «в нескольких минутах ходьбы». Кругом пыль, песок и грязные бумажки. Я не говорю, не читаю и не понимаю ни слова по-арабски, и мне, откровенно говоря, не слишком комфортно. Ищу полицейского. Вокруг никого, хоть возвращайся в аэропорт. Хотя в 3 часа ночи вы не можете войти в аэропорт без билета или посадочного талона. Ха! Попробуй кому-нибудь объяснить мою историю. Наконец, меня приводят к коменданту, который, должно быть, решает, что моя история слишком безумна, чтобы быть выдуманной, и соглашается проводить меня до стойки регистрации отеля. Отель находится в аэропорту.

Каким-то чудом для меня все-таки забронировали номер, и там БЫЛ мой билет. Коменданта трудно было переоценить! К сожалению, посадка была уже через час, так что времени у меня оставалось - принять душ, прилечь на 20 минут и вернуться к гейту.

Рассказываю дальше, о событиях после приземления.

Поскольку аэропорт *Kabul* полностью разрушен десятилетиями войны, там вообще нет терминала. Просто будка. Люди выстраиваются в очередь и готовят паспорта.

Я получаю в отеле визу, которая не вклеивается в паспорт, это просто лист бумаги размером с почтовую марку, с печатью и даже без фамилии.

Пока я стою в очереди, подходит мужчина в тюрбане с большим автоматом. Я думаю: «Ого, либо очень хорошие, либо очень плохие новости». Он машет, чтобы я следовал за ним, а очередь подозрительно смотрит на нас. Мы садимся в какой-то джип (садимся без моего багажа, его не выпускают!) Меня привозят не в отель, а в какой-то частный дом. Человек, который не знает ни слова по-английски, пытается рассказать что-то на языке, который мне кажется русским, и указывает на свое запястье. Он приводит меня в довольно большую комнату без мебели, если не считать низкого столика с ковром на нем. Позже я узнаю, что это кровать. В Афганистане не нужны ни одеяла, ни деньги на матрацы или простыни. Я сижу и жду. Нет смысла искать *WiFi*. *WiFi*, конечно, еще не достиг этого уголка мира. На самом деле, в комнате даже нет электричества. Через несколько часов приходит улыбающийся парень в западной одежде и представляется организатором курса! Какое облегчение!

Хозяин гостиницы в Kabul. Обратите внимание на здание позади

Из-за войны в дом электричество подавалось на 3 часа в день.

К счастью, наша очередь была вечером, поэтому я смог зарядить ноутбук и использовать небольшой вентилятор, который мне одолжили. Вода была ОЧЕНЬ нормирована. У нас был кувшин (около галлона) для питья, купания и смыва. На самом деле никакого смыва и не было, туалет был просто дырой в земле. Человек, пригласивший меня, оказался довольно дружелюбным парнем. Поскольку отель разбомбили, он переселил меня в этот бесподобный дом.

Курс проводился под эгидой Министерства здравоохранения (а оно не имело полномочий). Еда была представлена разнообразием фасоли, риса и изюма со следами мяса, что меня устраивало. Один раз меня пригласили в «ресторан». Он находился на 3-м этаже частично разрушенного здания и имел прекрасный вид на окружающие разрушения. Там просто не было ни окон, ни стен, которые мешали бы обзору. Цыпленок, которого мы ели, был настолько твердым, что мне пришлось глотать его, жевать было невозможно.

В зале на курсе было человек 50-60. Это был старый деревянный амфитеатр, свидетель лучших времен Афганистана 50-60-х. Участники курса казались немymi. Я обычно перемежаю выступления вопросами, но никто не отвечал, потому я трудился все четыре дня и прочитал ВСЕ лекции, которые у меня были. Каким-то чудом объявился мой багаж, и книги были розданы, с прекрасными улыбками. Все министерство здравоохранения сидело без электричества, потому они установили в саду генератор, через удлинитель заряжавший мой ноутбук и довольно новый проектор. Было ясно, что моя принимающая сторона в *Kabul* имела кое-какое влияние. Кофе-брейк навсегда останется в моей памяти. Паренек принес ведро с водой, окунул бумажный стаканчик, наполнил водой и подал первому слушателю в первом ряду. Затем снова наполнил ту же емкость и двинулся к следующему человеку. И так, пока ведро не опустело. Потом вернулся к садовому шлангу, долить еще воды.

В конце курса прошла небольшая церемония. Красивая молодая женщина (с большими голубыми глазами, похожая на знаменитую девушку с обложки *Nat Geo*), в безупречном белом длинном платье и чадре, окаймленной маленькой золотой каймой, подошла задать вопрос. Первое слово, сказанное кем-либо за 4 дня! Другие присутствующие смотрели на нее, как на женщину, обращающуюся к мужчине, тем более к иностранцу. Они думали, может, я съем ее или что-нибудь в этом роде! Я ответил и дал понять, что уважаю ее личное пространство. Затем все выстроились в очередь, задавали вопросы или комментировали. Последним был старик с сильно обветренным лицом, в большом тюрбане. Он просто протянул руку. В его глазах были слезы. Я был так тронут, что тоже заплакал. Это был первый медицинский курс в Афганистане за 35 лет.

В последнее утро хозяин дома, в котором я гостил, показывал мне *Kabul*. Я захотел взглянуть на рынок. Один фермер торговал бараниной. У него было несколько живых овец. Когда собиралось достаточно покупателей, он зарезал и разделывал одну. Я сам много лет разделывал собственных овец, но этот человек был настолько быстр и точен в жестах и движениях, что зрелище завораживало. Когда овцу разделят и продадут, он будет ждать следующей серии покупателей. Без электричества разделывается только то, что будет наверняка продано. Торговец обувью сидел рядом с большой грудой разрозненных туфель. Я не увидел ни одной совпадающей пары. Мой спутник рассказал, что торговец восстанавливает обувь (он, правда, не уточнил, что обувь с трупов), и люди подбирают себе туфли, более или менее подходящего размера. Под тёмной паранджой ног женщин все равно не видно, так о чем беспокоиться?

Эта поездка поменяла меня. Сколько вещей в жизни мы воспринимаем как должное? Простейшие приспособления (кран, унитаз, свет, электричество, оконные стекла, двери, крепкие стены) были здесь роскошью, и все же дети широко улыбались, фермеры выращивали овощи, и жизнь продолжалась.

Мальчик и его мама, завуалированная паранджой

Две девочки несли газовый баллон и присели передохнуть

По часовой стрелке: покупатель говядины

Мясник собирается резать овцу

Продавец козьего мяса (следующие козы ожидают под тележкой своей очереди)

Хлеб (похож на лаваш) и довольно вкусный

Поставщики топлива и продуктов

«Кофейня»

Продавец постельных принадлежностей

Торговец обувью и торговец платьями. Паранджа предназначена только для выхода на публику, в частной жизни женщины выглядят элегантнее (конечно, в пределах возможностей)

Squatters (трудный перевод – прим. переводчика) жили на нижнем этаже этого дома

У этой истории ужасный эпилог. У хозяина гостиницы было две жены, старшая и младшая. Меня не представили ни одной из них, но один раз я случайно заметил, как младшая шпионила за мной из машины. Она слышала о курсе и о том, как люди его оценили. И решила учить английский. Конечно, вы знаете, что обучение девочек в Афганистане запрещено талибами. Однажды ночью брат младшей жены пришел к ней в комнату, облил женщину бензином и поджег. Она умерла. Услышал эту историю, я не мог поверить! Я чувствовал себя частично виновным в смерти несчастной женщины.

... Еще одна насыщенная событиями поездка была в *Medellin* (территория *Pablo Escobar*). Я летел туда вместе со своим стажером.

Перелет был таким: *Miami-Cartagena-Medellin* с остановкой, но без высадки в *Cartagena*. Я сносно говорю по-испански, чтоб поддержать простой разговор, но расслышать объявления в самолете было сложно. Когда мы вышли на остановке, с изумлением поняли: это был не *Medellin*, а *Puerto-Negro*. Что делать дальше? Междугородный звонок невозможен (во-первых, я не ношу с собой монеты, во-вторых, у меня нет номера бронированной гостиницы). Нужно пройти иммиграционный контроль, чтобы поменять несколько долларов. На паспортном контроле начинается суета из-за моего ноутбука, требуют заплатить налоги на импорт, ситуация становится неприятной. Мне следует, вероятно, подумать о "*propina*" (*незаконный побор, взятка – прим. переводчика*), но такое - за пределами моих представлений. Время идет. Когда мы проходим миграционный контроль, наступает ночь. Аэропорт вот-вот закроется. Нам срочно нужно найти отель. Рядом с *Puerto-Negro* отелей практически нет! Наконец, хорошая новость: *Holiday Inn* в 10 км. Обнадеживающее американское название радует. Из слов оператора невозможно понять, есть ли в отеле свободный номер, мы берем такси и едем наугад, надеясь на лучшее. В «*Holiday Inn*» случается чудо: свободный номер у них есть. Я заполняю форму, и тут портье говорит: «О, доктор, *tenemos una reservación por Usted*» («Мы имеем бронь для вас» - прим. переводчика). Как это возможно? Объяснение получаем на следующий день. По дороге в аэропорт человек, пригласивший нас, попал в автомобильную аварию и сразу отправил мне электронное письмо. Но в те дни в аэропорту не было доступа к электронной почте! Его письмо мы пропустили. Тот человек и забронировал отель. *Puerto-Negro* – город поблизости *Medellin*, где находился аэропорт, и мы прибыли в правильное место. Побережье *Columbia* очень гористое, более близкого места для размещения аэропорта не нашлось.

... Я люблю классическую музыку и определенно ненавижу музыку громкую в стиле *Boum boum tchak*, которую часто играют на вечеринках конгрессов.

Поэтому, когда меня приглашают в *Olomouc* в Чехии, я думаю: «О, как замечательно: *Dvorac, Smetana, Janacek, Mahler* ... в этом месте я хотя бы послушаю цивилизованную музыку». Я умоляю *Ishraq Dhafalah* дать нам возможность познакомиться с музыкальным наследием Чехии (сама-то *Ishraq* оказалась йеменкой, ну ладно, с наследием страны, ее удочерившей). *Ishraq* явно озадачена, но в Чехии ведь несложно найти классических музыкантов. С каким нетерпением я ждал вечер камерной музыки *Dvorac*! Пребывал в предвкушении прекрасного вечера после лекционного дня. И вот вечер, приезжают музыканты, устраивают вечеринку. Оказывается, в дороге они положили партитуры на крышу машины, забыли и потеряли их! Единственная музыка, которую они играют по памяти - современная! Какое разочарование. Но история забавная.

Эта ошибка не стоила того, чтобы познать *Ishraq*

.. Прибываю как-то раз измученный и потный в Индию.

Моя очаровательная принимающая сторона начинает выкручивать мне руки, чтобы я «отобрал пациентов» для семинара на следующий день. Пациентка - молодая женщина, жалуется на первичную аменорею. Она, конечно, девственница и ни слова не говорит по-английски. Я не знаком со сканером (прибор очень старый). С трудом нахожу яичники и то, что, казалось, было влагилицем. Я не вижу у пациентки матку, подозреваю Мюллерову агенезию (врожденное отсутствие матки – прим. переводчика). Там ходят слухи, что американские врачи приезжают в Индию и извлекают почки невинных людей! Она отшатывается при мысли о трансректальном сканировании. Бедный ребенок, мы этого не сделали! После этого эпизода я больше не соглашался сканировать пациентов «по прибытии». Демонстрационных сканирований аномалий плодов тоже не любил. Дело в том, что стандарты раскрытия персональной информации сильно различаются в разных странах. На *Philippines* я однажды просканировал 36-недельного анэнцефала и рискнул спросить:

-Кто-нибудь женщине что-нибудь об этом говорил?

-О нет, ни в коем случае до родов!

...Позднее прибытие в *Alexandria, Egypt*.

Таксист пытается успеть сделать еще одну поездку до закрытия аэропорта и едет, как сумасшедший. В качестве кратчайшего пути выбирает улицу с односторонним движением в противоположном направлении. Водители встречного движения уворачиваются кое-как, с выразительными жестами и криками. Дорога сужается до такой степени, что может проехать только одна машина. Мой водитель отказывается пропустить встречный транспорт, и трафик останавливается. Другой выходит из машины и начинает кричать. Мы с *Thao* ищем выход, но улица настолько узкая, что мы не можем даже открыть двери машины. Единственный возможный выход – разбивать заднее стекло, если до этого дойдет. Другой водитель стучит по багажнику машины, в дело вмешиваются прохожие, собирается толпа. Какая-то молодежь приходит с трубками и клешками. Наш водитель, наконец, сдаёт назад, опасаясь за свою машину. Когда я рассказываю обо всех этих событиях организатору, он смотрит на меня, и его лицо словно говорит: «Какая неженка!».

... *New Zealand* находится очень далеко.

Перелет бесконечный: сначала на западное побережье, затем в *Narita*, затем в *Auckland*. По звершении такого быть улыбчивым трудно. Я особо не терплю иммиграционные процедуры и заполнение форм. Поскольку я сам лично не бронирую поездки, обычно никогда не знаю, где именно останавливаюсь. Чтобы решить проблему, я взял за привычку утверждать, что моим «местным адресом» будет *Hilton*. Поскольку практически в любом городе, где есть аэропорт, есть и *Hilton*. Суровый иммиграционный офицер заставляет меня подтвердить, что я действительно доктор и действительно еду на медицинскую конференцию.

-Вы точно останавливаетесь в *Hilton*?

-Да.

-Пройдите за мной...

Он распаковывает все, что у меня есть, разворачивает носки и проверяет коробки с лекарствами! Что происходит?

-В *Auckland* нет *Hilton*» (сейчас уже есть!).

Просидев целую вечность на скамейке, я, наконец, получаю разрешение пройти.

Бывают моменты и места в жизни, когда показывать раздражение - не лучшая идея, и миграционная служба аэропорта - одно из них. Если я когда-нибудь буду сканировать этого парня, я положу ультразвуковой гель в морозилку на 20 минут, прежде чем провести ему УЗИ!

... Возвращаясь с курса *ISUOG* в Австралии.

Встречаемся с *Ruben Quintero* в лобби аэропорта в какие-то нечестивые часы, что-то около трёх часов ночи.

Маленький ребенок неподалеку кричит, как резаный. *Ruben* поворачивается ко мне: «Держу пари, что этот ребенок летит нашим рейсом». Действительно, так и было! Мы долго ждали посадки. Зачем вставать в 3 часа ночи, чтобы ждать 1,5 часа перед посадкой? Я плохо себя чувствую в такие часы: становлюсь ворчливым. Когда посадка заканчивается, ожидаем обычного «Двери закрываются». Тот ребенок сидит в четырех рядах от нас, мы можем слышать каждую модуляцию его крика. Удивительно, как ребенок может так долго кричать. Как наши предки выживали в саванне, когда орущие дети рассекречивали их местонахождение для каждого льва? Где-то через полчаса решаем вытащить ноутбуки. Стюард немедленно грубо приказывает упаковать их обратно. Умолять бесполезно. Через час мы зовём старшего бортпроводника, спрашиваем у командира разрешения пользоваться ноутбуками. Паранойя *Qantas* не позволяет нам этого. К середине утра узнаем, что из-за неисправности закрылков самолета улететь мы не можем и должны покинуть самолет. Еще одно долгое ожидание в аэропорту. Они ищут деталь, понимают, что у них ее нет, и решают вылететь другим самолетом из *Sidney*. В середине дня мы, наконец, можем подняться на борт (после переоформления посадочного талона, поскольку конфигурация самолета изменилась).

Еще час на разгрузку и перезагрузку багажа. Ребёнок теперь молчит. Мы потеряли его из виду. Ждем на борту, стараясь даже не смотреть на наши ноутбуки, чтобы не взглянуть на самолет. Еще час. Проблема теперь в том, что члены экипажа слишком долго были на смене (и вдобавок подвергались насилию со стороны клиентов, желающих использовать ноутбуки), и они не могут лететь в *Los Angeles*. Ничего страшного, полетим в *Sidney*, сменим экипаж и отправимся, наконец, в путь. Итак, у нас новая команда и ... ничего не происходит. Еще через несколько часов нас отпускают погулять по аэропорту с предупреждением держаться поближе и 7-долларовым ваучером на роскошный ужин. В самолете теперь неисправен радар, и требуется целая ночь, чтобы решить проблему, отправив нам на помощь третий самолет. В конце концов мы улетаем с 18-часовым опозданием. И ни слова извинений от *Qantas*. Это был мой последний полет с ними! Хотя более оптимистичные путешественники сказали бы, что нам удалось избежать двойной смерти в обмен на 18 часов нашей жизни. Да, вероятно. Возможно, так оно и было.

Ruben Quintero (другой *Yalie*). Его фето-фетальная классификация классификация близнецов стала стандартом обследования

В Австралии

... Когда я начал путешествовать за границу, у меня была проблема с людьми, которые должны были меня встречать, но не встречали.

Однажды в *Caracas* я жду и жду, никто не подходит. Начало 90х: ни телефона, ни Интернета. Наконец, кто-то подходит: «Вы доктор *Jeanty*?» (По-испански произносится как *Hianti*). "Да, я!!!" «Мы думали, вы старый профессор, вы опубликовали так много статей. Мы и не знали, как вы на самом деле выглядите!» История гласит, что у *Roy Filly* была та же проблема, и именно потому он решил отрастить бороду.

... В поездках по Латинской Америке, представляя меня, обычно говорят, что я «*coming from jail*»! Так у них на испанском звучит университет *Yale* (игра слов: «*jail*» означает «тюрьма» – прим. переводчика). Меня это каждый раз удивляет!

... Во время поездки в Израиль.

Было на удивление легко прилететь туда и пройти миграцию. Выбраться было намного труднее.

-Зачем вы посетили Израиль?

-Медицинская конференция.

-Как называлась конференция?

Конечно, я не запоминаю названия конференций, которые посещаю! Я с трудом могу вспомнить, что у меня было на завтрак!

-У вас есть брошюра курса?

-Как вы думаете, я собираю брошюры курсов, которые провожу?

-Кто вас пригласил?

Тот, кого я знал: *Israel Meizner*.

-Докажите это!

-Ну, я получал от него электронные письма о курсе. Но батарея моего ноутбука разряжена, а блок питания в багаже, уже переданном *ElAl*.

Старые блоки питания были реальными кирпичами! Нет, они все-таки отзывают мой багаж, возникает проблема с адаптером. Наконец, я загружаюсь и показываю электронные письма. Я знаю, что эти парни умеют предотвращать проникновение террористов. Но зачем такая суета, чтобы выпускать людей?

... Во время семинара в Саудовской Аравии.

Нас четко проинструктировали о том, что делать можно, и чего делать нельзя. В частности, никогда нельзя говорить пациентке, что у ее плода аномалия, иначе муж разведется с ней в кабинете обследования. Просто скажет три 3 раза: «Я развожусь с тобой», и уйдёт.

В такой атмосфере пациентка, не просто в никаабе, но и в прандже, приходит на трансвагинальное обследование. Не желая рисковать обезглавливанием, предлагаю ввести датчик медсестре.

-О нет, - отвечает медсестра. - Главное, что лицо пациентки скрыто паранджой, на «другую ее сторону» смотреть можно, так что делай это сам.

В мусульманских странах даже врачи получают чрезвычайно мало сексуального образования. Одна из моих студенток в *Egypt*, врач акушер-гинеколог, вышедшая замуж за хирурга, рассказывала, что первые два месяца замужества ее удивляло «мокрое пятно» на постели после полового акта. Она робко спросила у свекрови, также гинеколога, не повлияет ли такое на фертильность. Оказывается, она лежала на спине, а секс у них был межножным! Они оба не знали, что проникновение необходимо, или не представляли, как этого достичь. Еще более странно то, что она рассказала мне эту историю!

В *Tehran* женщины сопротивляются ношению хиджаба, предписанному стражами исламской революции. Платок, наброшенный на макушку и затылок – верная примета иранской женщины в аэропорту. Нас пригласили там однажды на концерт. Мы случайно отделились от группы (я шел медленно, лестница была трудным испытанием). У дверей концертного зала охранники не пустили *Thao*: платок у нее был, но рукава были короткими, а юбка выше колен.

У нас были проблемы с пониманием их требований. И вот эта женщина, с фотографии, взяла ситуацию в руки: она спором извела охранника, позвала начальника, а затем начальника начальника. «Этот человек - важный зарубежный доктор, вы создаете для *Iran* неблагоприятный имидж». Она вызвала переполох, и было похоже, что нас либо отправят в тюрьму, либо все же выпустят. Случилось второе. В холле мы с ней болтали, предполагая, что она была одним из слушателей курса. Вовсе нет, она была просто посетительницей и только что импровизировала «докторский» комментарий. Нам была приятна ее забота.

Очередная поездка в *Iran*, болтаем, гуляя по улице. Дама останавливает нас и спрашивает, американцы ли мы. У нее к нам просьба: «Можно с вами сфотографироваться?» Незнакомцы нередко проявляли доброту и радушие. Контраст между людьми и их правительством.

Во время поездки в *Kazakhstan* возникла проблема с визой: одна цифра в паспорте отличалась от номера в визе. Офицер поднял шум по этому поводу и пригрозил депортировать нас обратно в *Korea*. Я ему улыбнулся и сфотографировал его значок. Опасная тактика, так они могли конфисковать мой телефон. К тому же я не читаю по-русски и не смог бы сообщить о нарушившем полицейском. Когда он всерьез заговорил о депортации, я ухмыльнулся и сказал, что на следующий день ему предстоит объясниться с министром здравоохранения. Я, конечно, блефовал. Хотя курс проходил под эгидой министерства здравоохранения, я не уверен, что министра волновала моя персона. Но тактика сработала. Он поморщился и попросил 200 долларов - за *Thao* и меня. Это было законно, мы знали об этом. Я вытащил две купюры и передал их. Нет, не подходит, они принимают только абсолютно новые банкноты! Сейчас 2 часа ночи, начало курса в 8 утра. Что делать? Наконец, договариваемся, что он держит *Thao* и наш багаж в заложниках, пока я нахожу банкомат за пределами аэропорта. В итоге я обмениваю хрустящие банкноты обратно на *Thao*, и нас отпускают.

Один раз нас действительно депортировали.

Azer говорил, что виза (для въезда в Азербайджан – прим. переводчика) не нужна гражданам США, прибывающим из США. Однако это правило касалось лишь граждан США, прилетающих непосредственно из США. Мы же были перед этим на курсе в *Armenia*, а я понятия не имел, что эти две страны находятся в состоянии войны (той самой войны, которая недавно вспыхнула в 2020м). На тот раз я не победил. Мы были изолированы на 8 часов без воды. Охранник сопровождал меня в туалет, чтобы не дать мне дерзко ускользнуть в стиле *James Bond* через вентиляционное окно. Нас депортировали в *Georgia* на неделю. Там мы подали заявку на визу и еще неделю ожидали перед въездом в *Baku*. Мы были довольно злые.

Azer был очарователен (во всем этом не было его вины), он даже навестил нас в *Tbilisi* и перенес курс на неделю. В целом, это был хороший опыт, не считая иммиграции.

Однажды стою в очереди на поезд, в *China*, единственный белый в море азиатов. Маленькая девочка лет 5-6 ожидает с родителями, в нескольких метрах от меня. Я использовал приложение для рисования на своем телефоне, чтобы написать свое имя: она поняла, что я делаю, и написала свое имя. Многие с подозрением смотрели на старого белого человека, пытающегося познакомиться с маленькой девочкой. Затем я нарисовал маленького мальчика, вытаскивающего морковь из земли (очень популярная детская песенка в Китае).

Маленькая девочка на руках у матери

Она узнала это и запела «морковную песню - *bá luó bo*». Она стала сенсацией и моделью для многих фотографий! Сколько же различий было между нами двумя: тысячелетие рождения, поколение, расстояние, история, язык, этническая принадлежность, вес и пол! Тем не менее, мы справились с базовым общением.

Милая маленькая узбекская девочка на руках у бабушки. Обратите внимание на золотые зубы бабушки: это не признак плохой гигиены полости рта, а признак богатства и сословия. «У меня появился первый золотой зуб, когда мы поженились».

Узбеки спокойно разрешат вам сфотографировать свои зубы!

И наоборот. Мы сами тоже выглядели достаточно экзотично. Толпы молодых девушек в автобусах просили нас позировать!

Великий Mughal и его королева

Во время прогулки на верблюде у Pyramids погонщик был оскорблен коротким платьем Thao. Проблема усугублялась положением на седле. Он натянул тюрбан, чтобы прикрыть ее ноги.

Перед Taj-Mahal: горькое свидетельство последствий послеродового кровотечения

(знаменитый мавзолей посвящен женщине, умершей в родах – прим. переводчика)

Я ненавижу визы и ненавижу заполнять бесконечные страницы всяких форм. Особенно уродливыми были эти формы в посольстве Индии, пока они не решили, наконец, сделать визу электронной. Чтобы упростить задачу, я предоставляю все страницы, которые получаю от приглашающей группы, и позволяю офицеру, выдающему документы, заниматься этим. Ошибка! Мы прилетели в NY по пути в Moscow. Aeroflot сказал, что мы не можем сесть на борт, так как у нас визы на следующую неделю. Визовый отдел перепутал брони и поставил неправильные даты. Конечно, я должен был проверить визу, но я просто проверил, что виза имелась, не проверив даты. Документы на кириллице особенно утомительны для изучения, даже если они используют латинские символы для чисел. Весь курс в результате пришлось сместить на неделю: так неудобно для всех тех, кому пришлось изменять своё расписание!

Служба безопасности аэропорта тоже вызвала иногда проблемы. Это было много лет назад. Norman Korembli подарил мне у выхода на посадку красивый серебряный gaucho -нож. Большая ошибка: мне пришлось выйти из зоны контроля, найти компанию, занимающуюся упаковкой, проверить все и вернуться через охрану. Этот нож не повредил бы и холодному маслу, но даже до 11 сентября нельзя было такое провозить.

Thao всегда носила с собой нож для чистки фруктов, но, потеряв таким образом несколько ножей, она отказалась от этой идеи. Тем не менее, когда я менял свой чемодан, я узнал, что в течение многих лет носил в багаже хирургическое лезвие №11, не обнаруженное в углу за подкладкой! Thao также отказалась от перевозки духов, так как было украдено несколько дорогих флаконов. Поскольку мы часто посещали несколько курсов подряд, мы иногда возили с собой коробки с таблетками, рассчитанными на 6-8 недель, для каждого из нас. Это почти полный рюкзак! В Iran не могли поверить, что можно выпить столько лекарств. Мне пришлось показать медицинскую лицензию и объяснять, какая таблетки от чего. С тех пор мы решили разделить коробки, на случай потери или конфискации (чего ни разу не было). В некоторых странах Центральной Азии и Африки требуется копия рецепта на лекарство. Botswana запрещает антигистаминные препараты, как контролируемые вещества. Затем идет рэкет на прививках от желтой лихорадки. Если у вас нет доказательства вакцинации в Kenia, заплатите штраф 20 долларов. Штраф не дает иммунизации от желтой лихорадки, но делает жизнь иммиграционной службы немного приятнее. Подобный рэкет существует в Indonesia. Уезжая, вы получаете крошечную бумажку «багаж проверен на предмет артефактов торговли дикими животными». К тому времени, как добраться до паспортного контроля, большинство людей теряет этот маленький купон, что ведет либо к повторному прохождению всего процесса (45 минут), либо к оплате (13 долларов). В Iran мы забыли мои инъекции в гостиничном номере. Организаторы привезли их нам на следующий день. В стране нет FedEx: принимающая сторона специально отправила в другой город одного из сотрудников за этим лекарством. Мне было даже неловко.

Иммиграционная служба вызвала проблему во время поездки в Montreal. Офицер поинтересовался, что за слайды у меня в штативах. В лекциях о трансвагинальном УЗИ. Слайды, разумеется, не были созданы для широкой публики. Инспектор выбрал один из слайдов, и тут же появились всевозможные предупреждения. После долгих объяснений ему и его боссу с демонстрацией всего доклада, меня со слайдами пропустили. Оказывается, они пытались обнаружить детскую порнографию, и это объясняло переполох.

... Однажды я собирался привезти салями из Аргентины. Аргентинцы - в основном, выходцы из Италии (не считая беженцев нацистов)! Они готовят

хорошее салями. Я потратил 50 долларов, что для меня было много. Понимая, что ввоз мясных продуктов незаконен, я все же думал, что игра стоит свеч. Во время длительного перелета у меня появилась идея: почему бы просто не признать своё пристрастие к салями? Моя честность могла бы тронуть сотрудника иммиграционной службы. Первая часть плана сработала, я признал преступление. Офицер внимательно осмотрел сумку и перенес содержимое в большой контейнер с надписью «В мусоросжигатель». Это положило конец моей криминальной жизни.

.... Как-то я возвращался из Канады.

Там встречается потрясающий французский сыр, которого не продают в США. У меня был с собой «портфель» (дело было до 11 сентября), и я запахнул запас сыра между бумагами. Нечаянно я надавил на портфель при передаче паспорта, и всех окружил сильный запах сыра. Офицер предположил, что запах имел желудочно-кишечное происхождение, и быстро пропустил меня.

Возможно, вы хотите узнать, какое отношение к этому всему имеет 9/11? После 9/11 запретили проносить перочинный нож в самолет. А угадываете самый популярный карманный нож в мире? Швейцарский армейский нож, конечно. Их бизнес упал на 90% за несколько месяцев. Это была семейная компания, которая беспокоилась за своих сотрудников. Почесав голову, они решили использовать свой бренд для производства рюкзаков, что было логичным для компании, прославившейся карманными ножами. Удивительно, но бизнесмены, которые прежде носили портфели, массово перешли на рюкзаки, и компания сохранила штат сотрудников. Милая история, нет? Я прочитал ее в авиационном журнале!

На московском курсе с *Mishi* я показывал очень старый слайд D-транспозиции, полученный в старые времена, еще в офисе *John*. Мне нравится разбавлять лекции очень старыми изображениями, поскольку зачастую участники курсов склонны думать: «Да, *Philippe*, у вас есть модные аппараты, не удивительно ставить на них диагнозы». Я сообщаю, что случай 1982 года ... пауза, затем спрашиваю у аудитории: «Кто из вас тогда еще не родился?» Добрые 15-20% подняли руку! В 1982 году многие даже еще не были фолликулами!

Победители COW

«Когорта, рожденная после моего слайда». *Anna Meskova* (блондинка рядом с моим левым плечом) только что прислала COW!

Аппарат *Voluson*, подаренный *GE* (см. выше), также использовался в серии поездок, организованных *Dr Nga*, сотрудником *Nguyen Ha*, в небольшой клинике (переоборудованной штаб-квартире *Vietcong*) вниз по реке *Mekong*.

Да, в одной из этих сумок есть ультразвуковой аппарат. Впервые, когда «портативность» особенно пригодилась

Пациенты пришли на бесплатный осмотр

Суперэффективное сканирование, никакой приватности

... Раз в месяц команда больницы *TuDu* отправлялась с портативным *Voluson* на каноэ и проводила обследования. Пациенты знали, когда придут медики, и выстраивались в длинную очередь. Получали общие медицинские рекомендации, ожидали очереди на обследование глаз, щитовидной железы, груди, физикальный осмотр, измерение давления, уровень глюкозы и другие тесты.

Затем они выстраивались в очередь для ультразвукового сканирования. Три пациентки, стоявшие ближе всех к аппарату, заранее раздевались. Очередь двигалась по мере проведения сканирований. Я видел, как *Kim Loan* делала более 100 обследований за день. Вводила датчик, быстро осматривала матку, шейку, эндометрий, яичники, ничего плохого: нет небходимости в измерениях, извлекала датчик, снимала презерватив и надевала новый. Следующий. Если видела миому, проводила ровно одно измерение. Что-то было не так - пациентка направлялась в город.

Не было никакой приватности, и, похоже, это никого не беспокоило. Женщины избегали чувства смущения, просто закрывая глаза. Альтернативой являлся «боковой вход», когда нижнее белье отодвигалось в сторону.

Я не обладал достаточными коммуникативными навыками, чтобы сканировать по 100 трансвагинальных обследований за полдня. Меня отправляли на станцию «мешок вкусностей», где выжившие в медицинском марафоне получали небольшой мешочек риса, Pho (суп с лапшой), витамины и обычные лекарства.

Это была потрясающая диагностическая спецоперация. Единственное, что могло бы сделать ее более эффективной - запуск по конвейерной ленте аэропорта! Команда: Linh (позже переехала в США), Kim Loan, Thao, Nguyen, Nga и еще четыре сотрудника. Караоке для релаксации

Курс с *Patrycja Budziszewska* и *Dorota Kuka-Panasiuk* в Варшаве.

Мой собственный дедушка был убит нацистами в концлагере *Sonnenburg* (ныне *Slonk*, в 5 часах езды к западу от Варшавы), и мы вместе с *Patrycja* поехали в *Auschwitz*

To the memory
of the men, women, and children
who fell victim to the Nazi genocide.
Here lie their ashes.
May their souls rest in peace.

Нет слов, чтобы описать этот визит, лишь непрерывный поток слез.

Чтобы завершить погружение, мы отправились в музей Варшавского восстания. Также настоятельно рекомендуется в этом плане:

- Музей Великой Отечественной войны в Minsk.
- Музей жертв войны в городе Ho Shi Minh
- Музей Геноцида армян в Yerevan

Мощные стимулы для народов контролировать своих лидеров.

Печально известный нацистский лозунг. Обратите внимание, что заключенный, который сделал это, приварил «V» вверх ногами, возможно, в знак протеста.

*Конечная остановка поезда
Auschwitz I*

*Один из Медицинских
«экспериментальных» корпусов.*

*Реконструированные «нары», где
заключённые размещались по 4
человека на каждом уровне*

«Стена смерти»

Мои лекции были преимущественно акушерские. Лишь одна была гинекологическая, по соно-гистеро и аэро-соно-гистеро. Пару раз на встречах они были так заинтересованы, что просили меня провести ее экспромтом. *Khin Latt* хватал на лету и позже стал заведующим отделения бесплодия в большом родильном доме в *Yangon*.

На *Philippines* один раз молодая ординатор вызвалась побыть моделью для сканирования. Аппарат перенесли в укромную будку кинемеханика (очень тесную). Мне всегда ужасно неуютно в таких ситуациях. Одно дело – работать с «настоящим» пациентом. Но вот с друзьями семьи, участниками курса или другими знакомыми людьми ... я обычно довольно застенчив. Так что я дистанционно руководил гинекологом, находясь за спиной пациентки-ординатора. Она сама смотрела, как пузыри движутся по ее трубам, и была счастлива. Как это обычно бывает, когда она встала, полураздетая, сразу крепко обняла меня! Вот вам и моя скромность! Год спустя я даже получил фотографию ее ребенка.

У нас был курс в *Tuapse* на Черном море с *Mishi* (на самом деле *Michael* на русском языке звучит как *Misha*, но для моих французских ушей имена, оканчивающиеся на -а, скорее женские, и мне было странно называть его *Misha*). *Misha* и *Natalia* знали, что *Thao* любит известную русскую песню «Миллион роз». Я никогда не слышал других версий, кроме русской и вьетнамской. История песни мне неизвестна, но звучит очень романтично. Итак, мы спокойно слушаем оркестр, когда они буквально похищают *Thao*, выводят ее на сцену и дают ей микрофон. *Thao* прекрасная певица, но жутко застенчива. Она замерла, но в конце концов спела. Ей бурно аплодировали!!

*Поет миллион
роз на
вьетнамском
wild (трудный
перевод – прим.
переводчика)
русскому
зрителю с
ожидаемым
успехом*

... Впервые раз я встретил *Mishi* на *ISUOG* в *Buenos-Aires*. Мой *CD* был переведен на многие языки, включая русский, но русских врачей я не знал. Увидев его бейдж, я был счастлив, наконец, встретить его и отдал свой бейдж ему. Он был удивлен. С этого и началась наша очень долгая дружба.

Liliana u Gus

Mishi обещает бросить курить - после курса. Грозный узбекский правитель, не колеблется с плохими учителями: «Отрубить ему голову».

Там же в *BsAs* я познакомился с *Gustavo Abella*, который разрабатывал *Sonocubic*, а затем сканирующий симулятор *Opus*. Когда мы впервые встретились, я спешил на презентацию. У *Gustavo* был открытый ноутбук, и на этом ноутбуке 20 окон одновременно делали вещи, невообразимые в то время. Я пообещал вернуться после презентации. Он меня сразил. Хотя он очень разговорчив (ну, в конце концов, он продажник), его технологии действительно впечатляли. Я пригласил его домой, так как технологию, которую он разрабатывал, можно также использовать для объединения изображений ПЭТ и КТ, что интересовало *Dominique*. *Gustavo* - отличный рок-музыкант, поэтому, будучи в *Nashville*, он искал усилители, которые воспроизводили бы особую тональность старых «ламповых» усилителей. Я отвел его в крупнейший магазин инструментов (в *Nashville* много хороших музыкальных магазинов). Он взял гитару, и посетители перестали делать покупки, чтоб послушать его. Будь перед ним открытый футляр для гитары, он бы заработал себе на обратный полет! По дороге домой он был в восторге от увиденного.

Прямо за рулём, ведя автомобиль, он взял что-то из спинки своего сиденья и сделал что-то незаметно и очень быстро. Он ввел себе инсулин. Он мог «чувствовать» свою глюкозу, дозу и вводить инсулин, управляя автомобилем и поддерживая разговор. Действительно, многозадачный человек. Он и его жена *Liliana* стали моими друзьями на долгие годы.

Mishi, Yelena в Tyance Feng Weng u Yelena

Когда мы проводили очередной курс, *Yelena* была беременна. После одного ужина она пришла поговорить со мной. Сможет ли она приехать и родить в *Nashville*, чтобы ее дочь стала гражданкой США? *Yelena* понравилась мне, но я мало о ней знал и немного опасался, что все это вызовет проблемы.

Я забыл о той просьбе. Но немного позже она прислала мне письмо, для нее очень важное. Я не умею отказывать, поэтому ответил: хорошо, она может приехать, но как минимум за месяц до родов (для авиакомпаний и для того, чтобы не переутомиться в полете на позднем сроке). Несколько недель спустя я снова получил письмо: *Yelena* прилетит вместе с подружкой-гинекологом, которая будет ей помогать.

Я забрал их в аэропорту. У обеих были серьезные трудности с английским. *Yelena* не только не прилетела на месяц раньше срока, она прибыла в 39 недель 6 дней, причем воспользовалась пересадкой в *NY*, чтоб прогуляться по *Manhattan*. Ей было 39 лет. По сути, она добралась изможденной. В довершение, рассказала, что незадолго до отъезда ей провели биопсию по подозрению на рак прямой кишки, ранее не диагностированный, попросила помочь связать ее с онкологом. На следующий день я отвёз ее к акушеру и онкологу. Мы поужинали, она ушла спать.

В час ночи она стучит в мою дверь, начинаются схватки, пора в больницу. Я быстро одеваюсь. *Thao* даже предлагает подвезти ее, но я знаю больницу лучше. Мы живем в 35 минутах от больницы, трассы в это время суток свободны. Ее подруга садится на переднее сиденье, *Yelena* - на заднее. На полпути *Yelena* жалуется, что ей жарко, просит открыть окно. Минуту или две спустя подруга переспрашивает, как дела, но ответа нет. Подруга оглядывается, видит *Yelena* обмякшей на сидении. Мы останавливаем машину. Она без сознания. Подруга на заднем сиденье начинает СЛР (*сердечно-легочную реанимацию – прим. переводчика*), а я несусь, как сумасшедший, звоню 911, предупреждаю госпиталь. Приезжаем, в больнице нас встречает целая бригада. Через некоторое время нам сообщают, что ее спасти не удалось, и при экстренном кесаревом сечении извлечен мертвый ребёнок.

Нет слов, чтобы выразить наши чувства! Как это могло произойти? У нее была легочная эмболия? Как могла молодая женщина так внезапно умереть? Все были в отчаянии, в том числе врач, проводивший кесарево.

Бедная подруга, сопровождавшая доктор, теперь должна была позвонить семье, чтобы сообщить, что не стало только ребенка, но также жены и матери. Какой ужасный звонок ей пришлось сделать!

Тело перевезли в морг, на патанатомическое вскрытие, а мы искали похоронное бюро. Семья хотела вернуть тело. И ЕЩЕ. В ее стране принято хоронить в открытом гробу. Это вызвало бесчисленные проблемы.

Для отправки тела требовалось разрешение ВОЗ - для контроля возможных патогенов. Управление по борьбе с наркотиками должно было убедиться, что наркотики не перевозятся. И нужны были ритуальные бюро с обеих сторон, каждое из которых было бы признано другой страной. Просто представьте бумажную волокиту! Ее муж не знал ни слова по-английски, письма, которые я ему отправлял, мне приходилось переводить в *Google Translate*. Через неделю подруга вернулась в свою страну, так как здесь больше ничем не могла помочь. Нам пришлось покупать послеродовую одежду, так как *Yelena* планировала приобретать ее в США. Еще и одежду для малышки пришлось подбирать! Ужасно.

Для перевозки тела в таком случае невозможно использовать просто гроб. Он должен быть свинцовым и герметично закрытым. Тяжелая вещь для перевозки. Кроме того, самолеты не летали в ее город, нужно было добираться еще 600 км, семье пришлось также организовывать местный транспорт.

Еще одна огромная проблема заключалась в том, что новорожденная девочка не могла быть перевезена из страны в страну без какого-нибудь удостоверения личности. Но в США она родилась мертворожденной, поэтому у нее не могла быть свидетельства о рождении! Трудности накапливались. Признаюсь, что и я не чувствовал себя в безопасности: я вез в машине мертвого человека, вряд ли не найдется хоть кто-нибудь, обвиняющий меня в халатности.

Yelena приобрела страховку на поездку, на первой странице которой большими жирными буквами было написано: осложнения, связанные с беременностью, не покрываются. Им пришлось взять на себя огромные расходы.

Наконец, тело не могло быть выпущено до получения результата окончательного, заверенного властями, вскрытия. Полученный результат нас изумил: эмболия околоплодными водами! Легкие чистые, эмболии легочных артерий нет. Такое редкое заболевание произошло на моих глазах, в моей машине! Это было огромной, ужасной, травмой для всех нас. Такая горькая утрата! И все лишь ради получения ребенком американского гражданства.

Информационные курсы ISUOG

Alfred Abuhamad (ещё один выпускник *Yale*) познакомил меня с информационными курсами *ISUOG*. Эти курсы сильно отличались от тех, которые я обычно читал. Вместо подробных лекций со множеством редких аномалий, это были очень простые лекции для людей, только начинающих работу, в странах с ограниченными ресурсами. Отличная идея!

Первый курс, на который я должен был полететь, был на *Haiti*. Я взял *Thao* и нашу подругу *Eva*. К сожалению, у самолета в *Miami* была проблема с шасси, мы не вылетели вовремя и не успели на стыковку. Мы должны были вылететь на следующий день, но случившееся землетрясение сравняло регион с землёй. Мы не смогли поехать. *Alfred* попросил нас присоединиться к следующему курсу в Сомали. *Alfred* в принципе, очень расслабленный парень. Он сказал, что все будет хорошо, только не забудьте купить для *Thao* головной платок. В *Somaliland* мы летели через *Nairobi*, и я обещал *Angela*, что проведу курс в ее больнице в *Nairobi*. Почему-то я решил отдать ей копии всех лекций «на всякий случай». Лекции записываются с текстовой частью.

Мы добрались до *Somaliland*. Страна на вид чуть лучше Афганистана: повсюду пыль, пластиковые пакеты украшают деревья, козы на не вымощенных улицах. Что ж, ЭТО и было причиной нашего пребывания там! Мы добираемся до больницы *Edna's*, нас очень любезно встречают. Студенты слишком застенчивы, их трудно расшевелить вопросами. Когда задаешь вопрос сразу всей группе, мало шансов на ответ. Так что я изменяю тактику. Я вызываю их по трое, и они показывают структуры. Если бы это был один человек, его бы от страха парализовало, но троих в команде было достаточно для храбрости. Мы ходили на лекции друг друга, чтобы оптимизировать преподавание. После обеда была очень интересная практика, *hands-on*. Я вспомнил свои проблемы в начале и хорошо понимал их трудности. Приятным окончанием дня были вечерние ужины, где *Alfred* развлекал нас бесчисленными историями.

На курсе были *Jude Crino*, *Katya* (из Санкт-Петербурга) и *Lisbet* (после *Alfred* и *Tony* она стала директором по связям с общественностью). Хотя мы и не работали вместе, у нас сложились хорошие дружеские отношения.

Alfred, который был пионером программ Outreach, Jude, Lisbet, Katya

Katya в Екатеринбурге

Одна из юных учениц произвела на всех впечатление особенным усердием. По окончании курса я отдал ей свой ноутбук, а позже узнал, что она осиротела в 2 года и выросла в лагере для переселенцев в *Ephiopia*. Она стала медсестрой и посещала курсы. Впечатленная курсом *Asha* решила поступать в медицинский университет, и мы с *Thao* спонсировали ее. Мы встретились с ней несколько лет спустя, когда она окончила институт. Это замечательный способ поощрить образование.

Самолет, который должен был доставить нас в *Nairobi*, был с технической проблемой, поэтому мы все остались на день дольше в отеле, недалеко от аэропорта. *Alfred* предстояло рассказать миллионы забавных историй, которые завершили тот приятный день. Бедная *Angela* в Найроби не успела увидеться со мной вовремя и вместо этого посмотрела записанную лекцию. На следующий день я пошел на их встречу, чтобы ответить на все их вопросы. По сути, отныне меня мог бы заменять мой картонный силуэт и автономный компьютер, и мне больше не пришлось бы путешествовать.

Следующая серия информационных курсов проводилась в *Mongolia*. У *Alfred* в последнюю минуту возникли проблемы, и он попросил меня взять ответственность. С нами была моя курсантка *Irina*, которая могла читать лекцию по-русски, и три замечательных корейских врача: *Jay Young*, *Gwan Jun* и *Moon*.

Jay Young была инициатором проведения информационного курса в *Mongolia*. Хотя в своей жизни я встречал много блестящих и организованных женщин, *Jay* заслуживает особого места, в самом верху списка. Яркая, веселая, еще и бесподобный лектор. Она была душой наших вечеров. Приобщила нас к корейской традиции: выпить рюмку водки в начале ужина, произнести 5-секундный тост и повернуться к соседу, чтобы продолжить. Это было пугающее количество алкоголя для *Thao* и меня. Воспользовавшись тем, что все отвлеклись, мы быстро вылили содержимое наших стаканов в контейнер для кубиков льда и заменили его водой. Другие гости не были столь мудры.

Jay Young даже готовила для нас!

У Moon было терпение учителя, давшего дорогу сотне врачей. Учителя, который знает, как делать сложные идеи простыми. Особенно популярными были ее мастер-классы!

Моя верная Irina, теперь уже профессор, завершила группу. Она проводила презентации на русском, поэтому могла дать вдвое больше информации за курс, чем все мы. На следующем курсе составлением программы занимался Dave Berck

Gwan Jun меня поразил. Он переключался с ноутбука на белую доску и каждые несколько минут показывал аномалии пантомимой:

-Я - матка, мои руки - фаллопиевы трубы, а эктопические беременности могут располагаться здесь, здесь и вот здесь.

Я никогда не видел раньше такого стиля обучения. Я был ответственным за включение-выключение света для его демонстраций. Его стиль преподавания действительно мог разбудить студентов. Его слушали внимательно. Новаторство в обучении принимало разные формы, и я пытался заимствовать его стиль в некоторых своих презентациях. Мы стали друзьями, вместе провели 6 информационных и несколько научных курсов. Gwan Jun - прекрасный мастер по дереву, делает сложные азиатские резные поделки без клея. Человек высокой точности. Он еще и плодовитый автор прекрасно иллюстрированных книг, но я не умею читать по-корейски.

Jay Young u
Dave Berck

Отель стал получше, но выключатели света были размещены необычно высоко. Думаю, чтобы зажечь свет в отелях Mongolia, нужно быть хотя бы подростком. Пару недель спустя мы были в Astana, где выключатели были расположены слишком низко.

Заглушка для ванны представляла собой кусок дерева с обернутым вокруг полиэтиленовым пакетом. Когда мы бывали в очень длительных поездках, Thao любезно стирала белье, поэтому было важно иметь возможность набрать воды в ванную

... В Mongolia мы хорошо проводили дни. Работа в такой обстановке укрепляет профессиональные связи. Больница была построена еще в советское время. Стены были не менее метра толщиной (температура -40С зимой и +40С летом: Ulaanbaatar - столица с самыми резкими перепадами температур в мире). Занятия проходили на 3-м этаже больницы, что было нелегко для меня. Лестница не имела двух одинаковых ступеней: все разной высоты, глубины или даже наклона, они выглядели, будто их построил пьяный каменщик, что, в принципе, и было вероятно, поскольку водки в стране было достаточно, и она была легко доступна.

...Одной из проблем в Somaliland были напряженные, перепуганные, студенты. Они не отвечали на вопросы. Чтобы как-то повлиять это, Thao принесла кучу шоколадных «золотых монет», и это оказалось волшебной техникой! Возможность получения «золотой монеты» могла разговорить любого. Что удивительно - вместо того, чтобы есть шоколад, что было бы стимулом, они, как банкиры, складывали золотые монеты сбоку от своего стола. Сразу заметно, кто хорошо учится, а кого нужно подбодрить.

Другой проблемой была стерилизация датчиков, от пациента к пациенту. Вообще-то ученик, проводивший сканирование, отвечал за очистку датчика, но все волновались и об этом забывали. Я устал повторять одно и то же и сказал им: "Новое правило отныне такое: любой, кто не очистил датчик в течение 3 минут после сканирования, должен вылизать его начисто». В первый же день был получен 100%ный комплаенс!

Мы запустили фантом для обучения биопсии под ультразвуковым контролем. Мы с Thao подготовили рецептуру из желе, метамуцила и пластиковых соломинок (бедренная кость), а также с цветными воздушными шариками (аспирация кисты). Некоторые из наших лучших студентов весьма хорошо научились делать биопсию.

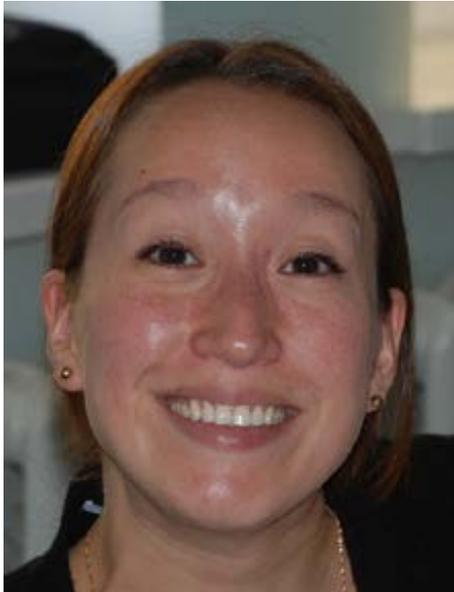
Седтаа была заведующей родильного отделения и министром здравоохранения по акушерству и гинекологии. Как говорится, железный кулак в бархатной перчатке. Все ее просьбы выполнялись немедленно. Она провела замечательный отбор студентов. На информационный курс не должны прибывать все студенты из одного региона, знания должны распространяться как можно шире. Попробуйте получить сертификат акушера в Mongolia, без посещения всех трех курсов и тестов. Была проведена серьезная селекция врачей-курсантов!

Khishigsuren Yarinpil, врач-переводчик. Монгольские имена непонятны для западного уха, и ее имя быстро сократили до Kishi

Mike Kammermeier был для нас специалистом по IT и поддержке оборудования (не всегда лёгкая задача, если вольтметры на кириллице)

Наконец, Мапа, чья родословная восходила к четырем различным странам, говорила на нескольких языках и была администратором. Подобную роскошь мы имели лишь для одного курса. Она занималась бумагами и давала телеинтервью. Я не мог избежать официальной «инаугурации курса», от которой мы страдали на всех проектах. Когда все поздравляют друг друга с отличной работой, которую они сделают потом. После этого курса я подумал, что и сам смогу быть администратором.

Эти медицинские лекции могут быть такими скучными!

Еда в Mongolia в основном состоит из вареной баранины и козлятины. Посмотрите на Google Satellite, насколько засушлива Монголия.

Этим овцам требуется МНОГО прогулок по «зеленым» пастбищам Mongolia, чтобы обзавестись брюшком. В отеле даже подушка и мороженое пахли вареной бараниной.

На ужин *Jay* находила для нас рестораны с корейскими деликатесами, мы были спокойны. Однако *Cedmaa* пробовала обед (баранину, козлятину, верблюжатину), который мы, к нашему стыду, не могли себя заставить съесть. Даже пицца была со вкусом баранины.

Бедная *Cedmaa* была разочарована. Мы посоветовали ей не мучиться и тайком проносили для нее еду с утреннего завтрака. Корейцы всегда были супер-организованными. Во второй и третьей поездке они притащили с собой кухню (с плитой соответствующего напряжения!) *Dave* привёз крекеры, арахисовое масло и вершину французской гастрономии: расплываемый сыр чеддер. Типичный набор для выживания L&D (*Learning and development -менеджер по обучению и развитию в компаниях – прим. переводчика*) в 3 часа дня. Лично у меня была большая банка *Nutella*. Удивительно выигрышное решение.

Некоторые колебания при виде первого обеда

Мы провели 3 курса в *Ulaanbaatar* и подружились. На последнем курсе они организовали банкет, куда пришел *Jongkwan Jeun*, президент Корейского общества ультразвуковых исследований (спонсировал курс вместе с ISUOG). Выпили бутылку водки на двоих. Ха-ха, это был бы мой максимум на 10 лет !! Однако, я должен признать, что водка помогает расслабиться людям. Все были счастливы. Они даже запели. *Dave Berg* спел «*Going to the ballpark*», и это имело большой успех (*Dave* ОЧЕНЬ популярен). Я не знал ни одной песни, поэтому напевал «*ABC song*». Было смешно. Один из ординаторов опоздал из-за пробок. Я встал, обошел стол и подал ему тарелку. Он был одним из моих любимых учеников.

Когда я вернулся на свое место, *Jongkwan Jeun*, выпивший немало водки, сказал мне: «Ого, я только что научился кое-чему помимо ультразвука». В Корее не принято, чтобы профессор накрывал студенту стол.

Мы прозвали это здание «Spina bifida»

(напоминает формой врожденную «расщелину позвоночника» – прим. переводчика)

На самом деле, это гостиница Blue Sky. Монголия переживает экономический бум после обнаружения там редкоземельных металлов. Разрыв между городом и деревней растет быстрее, чем когда-либо

Як, который опоздал на ужин

Вся команда перед памятником Geng-his Khan, ярому и плодовитому насильнику, имеющему по всему миру 16 миллионов потомков мужского пола DNA-assessed rapist

Мюн и Гван Джун: не так-то легко стрелять из лука (не заостренная стрела - синяя линия с белым наконечником)

Помощь в точной настройке срезов

Легочная артерия пересекает аорту, как руки египетских фараонов (Tutankhamun)

Мике верхом на бактрийском верблюде. Когда Thao подошла к верблюду, он громко "крякнул", и Thao подумала, что лучше остаться на земле

В Mongolia именные таблички - не роскошь. Имя только одной студентки мы все запомнили: ее звали Сахар!

Юрты на закате

Мы с *Dave* отправились в короткое путешествие по пустыне *Gobi*. У меня есть нездоровая тяга к пустыне, хотя я совершенно не приспособлен, чтобы выжить в одиночестве больше, чем несколько часов. Тем не менее, я посетил большую часть мировой пустыни. И если *Mongolia* малонаселенная (плотность населения 2 человека на км²), то *Gobi* по-настоящему пуста. Для *David*, живущего в *NY* (38 000 / км²), эта информация была шокирующей. Мы гадали всю дорогу, как здесь женщина могла вообще пережить внематочную болезнь? А если ребенок с аппендицитом? Крепкие монголы! Примерно 4-6 часов езды на джипе до большого «местного города». Население *Dalandza-dgad* 19 тысяч человек, и он похож на заброшенные города из фильмов про Дикий Запад. Если там не могут справиться, пациента приходится доставлять по воздуху в *Ulaanbaatar*.

Однажды вечером мы приехали в гостиницу (из нескольких юрт). Туда забыли накачать воду. У нас было 300 мл, чтобы принять душ.

Дальше мы уже просто прикалывались. Заинтересовались, например, как подростки здесь встречаются. Юрты (типичные монгольские кочевые дома) разбросаны на расстоянии 1-2 часов езды на джипе. «Папа, я могу одолжить у тебя верблюда, чтобы поехать к *Enkhjargal*? Вернусь к шести утра, обещаю». *Enkhjargal* - не опечатка, а настоящее монгольское женское имя. Оно означает «мирное счастье». Попробуйте включить это имя в сладкую итальянскую песню о любви! Американские подростки понятия не имеют, насколько у них больше привилегий. Кстати, никаких мессенджеров в *Gobi*, конечно же нет.

Следующие 3 курса мы провели в *Myanmar* с группой прежних лекторов. Мы были уже искушенными, имели большой опыт, и процесс шел более плавно. Трудно осознать объем работы, необходимой для организации курса. На 54 миллиона жителей *Myanmar* приходится всего 600 акушеров-гинекологов. Для сравнения: в США их около 33 000 на 350 миллионов населения. Невозможно отправить на курс врача-гинеколога из отдаленных провинций *Myanmar*, не предоставив хирурга на замену, на случай кесарева сечения. Но в таком случае заменяющего хирурга вам нужно заменить кем-то еще.

Режим правления в *Myanmar* - военная диктатура, и военные организовывали этот охват. Было понятно, что, врачи, которые приезжали на курсы, не были туристами: это были целеустремленные учащиеся.

Мой лучший ученик оказался полковником, мне пришлось немного умолчать о своём «отказе от военной службы по соображениям совести»! Жизнь как ультразвук: полна оттенков серого.

Thao «отмывает свои грехи» (у нее их нет) в храме Buddha

У меня сложилось впечатление, что все успешные информационные курсы *ISUOG* были организованы в тех странах, где за образование отвечала сильная умная женщина. Как это было, например, в *Mongolia* или *Myanmar*.

Эти три курса спонсировались компанией *Mindray* и проводились их представителями *Summer* и *Justin* - замечательными и, притом, весёлыми, организаторами. У нас были незабываемые ужины в китайской части города. Мы ели уличную еду на рынке. Однажды я спросил *Summer*: «Как ты так легко решаешь проблемы? У вас есть курсы по решению проблем от *Mindray*?» «Нет, - сказала она, - они вербуют таких людей». У меня появилось много друзей в этой компании. В итоге я подтолкнул свою дочь отдать ее дочерей в *Mandarin-school* (школа восточных языков – прим. переводчика), чтобы внучки говорили на *Mandarin* (название китайского языка – прим. переводчика), испанском, французском и английском языках.

Summer, специализация английский язык. Мастер организации. «Решение проблем» - просто, как щелчок пальцами

Иса, моя внучка в китайской школе.

Восход солнца над Thao и Summer на Бали

*Franti, Fede,
Ya Chiao u
Gwan Jun в
Yangon*

История о том, как я познакомился с *Mindray*, тоже забавна. На курсах в *Ekaterinburg* день заканчивается общим коктейлем. Организатор любезно привозит *Thao* из отеля, она приезжает в своем *Ow Yayh* (произносится как «Оу Яй», традиционное вьетнамское платье). Оно красивое и идеально идет *Thao*. Внезапно все разговоры прекращаются, и ее встречают аплодисментами. *Thao* застенчивая, прячется за моей спиной. Посетители выстраиваются в очередь, чтобы нас сфотографировать. Все триста человек! В конце концов я подумал, что было бы невежливо не сказать слово человеку, который сидел позади, около стенда компании. У него была улыбка до ушей: все участники сфотографировались на фоне его стенда! Мы начали болтать, прежде я не знал этого оборудования. В заключение он сказал: «*Вы, кажется, популярный спикер; возможно, вы могли бы читать лекции и на наших курсах?*». Так началась долгая дружба.

*Ya был настолько
популярен в Yangon,
что многие
подумали, что он был
приглашенной звездой
K-Pop!*

“Другие” истории

Все эти поездки были бы невозможны без некоторых весьма необычных историй.

Такая, например, история. Раньше в *Mexico* ключи номеров были похожи не на кредитные карты, а на старые «отмычки», прикрепленные к чудовищно большому куску дерева. Утром бросаете его на стойке регистрации, а вечером забираете у администратора, на день ваш ключ помещают в отдельный закуток. В закутке также находится вся входящая почта. Однажды вечером я возвращаюсь с остальными преподавателями и вижу большой конверт из манильской бумаги. Я предполагаю, что это расписание и информация о поездке, и открываю конверт при всех. В конверте - не письмо. Там сексуальное тонкое белое кружевное белье с номером телефона, написанным помадой. Я краснею! В подробности не углубляюсь. Как я понимаю, любая крупная женщина, в принципе, могла купить миниатюрное нижнее белье. Возможность, упущенная из-за моей застенчивости?

На другом курсе была история. Некая дама звонит и приглашает меня разобрать с ней эхограммы сложных случаев. Я предлагаю встретиться в холле отеля, но по каким-то причинам у нее не получается спуститься. Я поднимаюсь в номер. Дверь робко открывает женщина средних лет. Когда дверь за мной закрывается, я понимаю, что женщина полностью раздета. Я улыбаюсь и спрашиваю ее насчет эхограмм, но она предлагает их пока отложить... К счастью, я говорил ей, что спускаюсь на ужин, и это был хороший повод. Мне было жаль ее, уверен, что она была расстроена... Эх, у меня есть что сказать по этому поводу! Дискриминация не только в одном направлении!

И последняя история, невероятная. На большой конференции радиологов *Sao Paulo*, в конце дня, все спешат к лифтам. Толпа людей, как всегда. Нажаты все кнопки, лифт ползет с этажа на этаж. Спустя добрые 20-30 минут, наконец, подходит моя очередь, вхожу в лифт. Ноутбук в одной руке, другая рука опущена вниз. Люди медленно прибавляются и стоят в набитом лифте, как сардины в банке. Лифт начинает подниматься. Тут я чувствую, как кто-то берет меня за руку и кладет ее так, чтобы продемонстрировать свое физическое влечение. Я не мог в это поверить и не мог обернуться посмотреть, кто же это был (у меня шейный спондиллез). Двери были не слишком зеркальными, чтобы увидеть. Когда двери лифта открылись, моя лихая мадам незаметно отодвинулась, и я так и не смог ее толком увидеть, просто кто-то за дверью подмигнул мне и исчез.

Для такого застенчивого человека, как я, все три истории были совершенно нереальными.

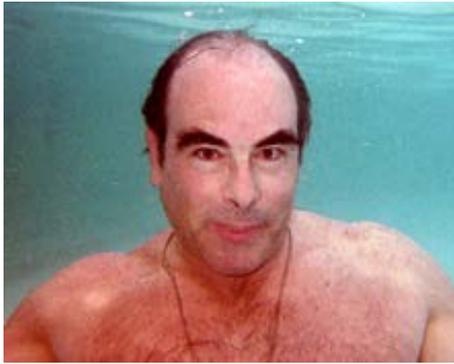
Фотогалерея важных людей

Я впервые познакомился с *Kypros*, когда он был уже очень успешным ученым, но еще не богом пренатального ультразвука. Этот титул *Kypros* разделил с *Roberto*. Мы проводили вместе тихий вечер в его любимом ресторане *Lemonia*. *Kypros* рассказывал, как его отец был заключен в тюрьму британцами за революционную деятельность, и был не слишком рад переезду сына в *UK*. Сам *Kypros* имел очень левые взгляды, как многие люди, которые мне нравились. Упомянул даже, что вступил в группу *Trotsky*, в которой, правда, было всего 3-5 человек. При организации воротникового скрининга (измерения воротникового пространства плода, как маркера хромосомной патологии, всем беременным женщинам – прим. переводчика) он спорил, стоит ли стремиться к предельной точности измерений и отвергнуть часть сторонников метода или допустить большую толерантность к измерениям и получить больше приверженцев. В конце концов, он выбрал более широкую группу, помня, что группа *Trotsky* была слишком мала, чтобы чего-либо добиться. Лишь потом он стал постепенно поднимать планку. Было интересно услышать от него, как ошибочное советское мышление повлияло на скрининг *NT* (*NT* – воротниковое пространство – прим. переводчика). *Kypros* был одним из людей, кому было почти невозможно возражать. Он знал ссылки, имел практический опыт, был сообразителен и честен в результатах. Замечательный исследователь и наставник.

Kypros хорошо удавалось ломать любые табу!

Пап Timor на дайвинге. Пап - пионер трансвагинального сканирования, раннего пренатального сканирования и УЗИ мозга плода

Gustavo Malinger и Yaron Zalel из Израиля. Gustavo всегда был очень скромным и невероятно образованным. Мы встречались на многих латиноамериканских курсах, поскольку Gustavo - носитель испанского (в Tel Aviv на верхнем фото)

George Kossof (один из австралийских первопроходцев, создавших Octoson, машину с большими кристаллами, движущимися в водяной бане, над которой лежал пациент. Asim Kirjak (очень активный в мусульманском мире) и Пап Timor

Beryl Bennaceraf и David Nyberg. Beryl опубликовала сотни статей, глав и книг, но оставалась очень скромной. После одной из презентаций она подошла ко мне и спросила по-французски: «С' était bon? » (Всё было нормально?) Я был так удивлен, что она могла засомневаться в собственной презентации, она ведь «богиня сканирования»

David Nyberg не теряет ни минуты и проверяет презентации

Rabiha Chaoui, который научил меня (и миллион других людей) Fetal echo. Сканы Rabiha всегда были идеальными, как будто его пациенты никогда не были толстыми, позвоночник ребенка всегда был приподнят, а сосуды и полости выровнены для идеальной инсоснаци

Feng Wong из Mindray помогал мне управляться с кнопками машины во время демонстрационных сессий. Он спокойно корректировал изображение, пока я сканировал. Во время демонстрационного сканирования лектору не стоит говорить: «Пожалуйста, измените шкалу серого, настройте то или это»: у слушателей может возникнуть впечатление, что аппарат не работает должным образом. Незнакомые настройки прибора - обычное дело для лектора. Я лишь не мог понять, откуда Feng знал, что именно я хочу улучшить, без слов. Только после трех лет совместной работы, я выяснил, что Feng - радиолог! Он был скромен и даже не упомянул, что сам был врачом. Мы очень сблизились. Feng вырос в маленьком городке (ха-ха, маленький китайский город, существует ли он?) И впечатляюще вырос. Члены его команды стали нашими хорошими друзьями, у каждого была захватывающая история. Его босс, еще школьником, рассказал своей семье тем, что изготавливал сотни спичечных коробков в день. Я был так впечатлен Feng, что попросил свою дочь отдать внучек в школу английского языка. Вот почему я знал слова «the carrot song» (морковной песенки – переводчика) в рассказе о маленькой китайке в начале этой книги.

Его книга с Alfred была моя (и моего кота)

Другим моим наставником по Fetal echo был Jim Nihta, его глубокие познания в педиатрии и сердечно-сосудистых заболеваниях плода украшали курсы

Feng с семьей в Shenzhen. Его отец, мама, Maggie (жена) и сыновья (Bayer в голубом, Craig в оранжевом). Они приготовили пир, из 14 блюд. Craig не смущался, предлагал мне играть в шахматы и, как правило, одерживал верх

*Lilit Hovsepyan
(многократная
победительница
COW) и Karine
Tokhunts в Армении*

*Дома на День Благодарения, в Гранд-Титоне и в национальном парке
ZhangyePark*

*Renato Ximenes (плодотворный
наставник в Бразилии и Латинской
Америке) и Luis...
...с Waldo Sepulveda*

George Kossoff, Ritsuko Pooh из Японии (высококласный сонолог). А также *Michael Manco Johnson* - один из пионеров ультразвука в США, обучивший поколения профессиональных лидеров (в частности, *Dolores Pretorius*), один из создателей Общества радиологов в области ультразвука. Изначально это сообщество было очень клубным и нуждалось в спонсорстве. Большим удовольствием был вечера и дни, посвященные совершенно свободным дискуссиям. 5-минутные презентации и 10-минутные дискуссии. Это было фантастически полезно, обмен идеями чрезвычайно обогащает. Общество было крошечным и, таким образом, не влияло на политику ультразвука (на вопросы о сфере деятельности). Было решено расширять его, но при этом оно утратило свой изначальный характер.

Manfred Hansmann – первопроходец в области ультразвуковых исследований, биометрии плода, инвазивных процедур и фетальных геотрансфузий. Он сыграл колоссальную роль в том, чтобы УЗИ стало рутинным методом пренатальной диагностики. *Manfred* был приветлив к более молодым коллегам, и я был за это благодарен. Я никогда не бывал в Вост, поскольку родился после Второй мировой войны, и часть моей семьи погибла в лагере; посещение Германии не вызывало энтузиазма.

Mirta Lanfranchi и *Suresh Seshadri*. *Suresh*, чрезвычайно активный преподаватель, обучивший тысячи врачей в India

Dolores Pretorius (справа), пионер 3D-4D УЗИ и широко известный преподаватель и лектор

Hernan Munoz и его жена Marisol. Enrique Oyarzún с виски, охлажденным 10 000-летним льдом с ледника, которого мы достигли после изнурительной 16-километровой прогулки по Torres del Paine. Мою обувь можно было выкинуть после этого.

Victor McKusick, основатель Mendelian Inheritance in Men, автор Серой книги, которая была всеобщей библией, пока в сети не появился OMIM. John Philips, был моим гуру генетики. Статуя Gregor Mendel в аббатстве Святого Томаса в Брно, Чехия

Jim King (и Cheryl). Jim был одним из самых блестящих курсантов. В конечном итоге именно он провел бесконечные операции на моем позвоночнике

Mirta Lanfranchi – плодотворный автор по разделам ультразвука молочной железы, щитовидной железы и особенно – мелких частей

Irina слева. Правее - Daren Samat и его жена Natalie, создавшие Vasa Previa foundation (Vasa previa - предлежащие сосуды, фактор риска гибели плода в родах – прим. переводчика). Я их большой поклонник. Будучи юристами, они могли бы легко поддаваться искушению разрешить свою беду законным путем. Они решили, что более правильный способ – знакомить с этой патологией врачей по всему миру и обучать их, что в значительной степени способствовало изменению медицинских практик в большинстве стран мира. Прекрасный пример защиты интересов пациента.

Yulia Shatoha, зная, что я интересуюсь палеоантропологией, организовала посещение пещеры Denisovan (в то время пещеры даже на Гугл-карте не было и я добавил ее)

В этой пещере обитали

Denisovians около 200 000

лет назад, неандертальцы

193 000 лет назад, и сапиенсы.

Мы могли смотреть на пейзаж, который созерцали наши предки на закате, на заре веков.

От этого мурашки по коже!

Thao держит ручной топор возрастом 190 000 лет

Azer Farajov - энергичный наставник практически всех врачей Азербайджана. Его ученики много лет были в числе победителей COW. Врачи других стран мне даже говорят: в этом году я должен быть равным Azeri! Azer знал о моем интересе к геологии и привел нас посмотреть грязевые вулканы. Ваки был эпицентром советской нефтяной промышленности

Одна из поездок произошла во время Рамадана. Чтобы мы не чувствовали себя некомфортно, они немного сместили свой пост со времени нашего пребывания. Это очень учтиво с их стороны. На самом деле, мы бы вообще не возражали против поста, если бы не питье только лишь воды на протяжении дня: это было для меня слишком сложным

*Мо Montaz,
руководитель
ультразвукового
образования в
Египт*

*Поощрение молодых исследователей и
чтение их постеров, а также отбор
возможных кейсов для TheFetus*

*Помимо опасностей, связанных с
перелетами, есть также вероятность
быть личеванным недовольными
участниками курса!*

*За столом Сталина: «Здравствуй, Donald! Это товарищ Filip. Да, линия
секретна. Теперь о той башне, которую ты хочешь построить...»*

Ужасный террорист на улицах

Участница курса с РЕАЛЬНО длинными волосами

Sherry «гладит» дракона Комодо. На самом деле, нет! Они быстрые и опасные. Это иллюзия оптического позиционирования

Nitar, которая помогала нам в Муантар, была намного тоньше мобильного телефона. Но посмотрите, сколько она ест. Жизнь может быть в высшей степени несправедливой! Я не смог удержаться от вопроса, и она разрешила мне сделать сканирование брюшной полости с помощью датчика 10 МГц. Nitar любит фотографировать, мы до сих пор общаемся на темы фотографии

Молодая врач справа попросила сделать со мной селфи. Она была так взволнована, что сквозь пальто я чувствовал биение ее сердца

Моя гипотония в Чили. Молодая врач получала образование на Кубе, мы поддерживали связь долгое время. Такая же тяжелая гипотония произошла со мной во Вьетнам и привела к обследованию и диагностике гипертрофической кардиомиопатии.

Не все важные люди в мире имеют высокие ученые степени. Это была дружелюбная горничная из Индии и услужливая служащая отеля. Персонал отеля часто задавал мне вопросы о состоянии здоровья или беременности. И я сканировал многих

Дружелюбный парень, не подозревающий об опечатке в надписи на его рубашке. Хорошо известна и обратная ситуация с западными жителями, имеющими бессмысленные китайские татуировки

Двух студенток колледжа я встретил однажды ночью на улице. Общаться с местными жителями всегда интересно

Два [Philippe Jeanty](#)

Студентка-архитектор из Ирана показывает мне свой чертеж

В Zhangye мы восхищались стариком, практикующим «Dishu». Dishu - эфемерная водная каллиграфия, применение воды в качестве «чернил» на тротуаре. Отличная идея - почти ничего не стоит, постоянно обновляется и обеспечивает упражнения, социализацию и цель для самосовершенствования. Увидев наш интерес, он написал нам: «Добро пожаловать, друзья из Америки». Так трогательно...

Статуя в Мехико на интересную гинекологическую тематику

Многие другие фотографии дикой природы, природы и путешествий доступны на сайте

TheJeantys.net

